Серия: Записки дряхлого супермена

Игорь Н. Бекман

ВЕРХОЯНСКАЯ САГА

или КАНИКУЛЫ В АДУ ^{или} КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Часть 3.

По зимнику летом

Дорога на север, дорога на север...

Наш караван двинулся по посёлку. Под бодрую музыку из установленного на одиноком столбе громкоговорителя. Обычно он передавал последние известия по-русски и по-якутски, но сейчас специально для нас исполнил марш. Улица разбита грузовиками, глубокие колеи, обширные лужи, возможно бездонные. Лошади шли аккуратно, предугадывая глубину.

Поднимая грязную волну, нас обогнал мотоциклист. Молодой парень восседал на блестящем всеми цветами радуги, видимо очень дорогом, совершенно новом мотоцикле. Сколько труда нужно, чтобы заработать на такой мотоцикл и доставить его в этот забытый богом посёлок? Трудно себе представить. Теперь он неистово жал на газ, грохот мощного двигателя оглашал округу. Увы! Путь короток, в его распоряжении — один-два километра (длина посёлка). Дальше дороги нет. Зимник проходим только зимой, а летом мерзлота оттаивает, передвигаться можно только верхом. Мотоцикл тонет. Поэтому парень мотался из одного конца села в другой и обратно. Иногда, к нему сзади прижималась девица. И тогда в воздухе растекалась лаванда.

Такова селява. Я полон энергии и мог бы рвануть на 100 и на 1000 км, но мой путь — от околицы до околицы. Два километра туда и обратно. Могу пару раз газануть...

Еду я по выбоинам, из выбоин не выеду я.

Миновали околицу с традиционной кучей ржавых бочек-банок и бескрайней помойкой. Втянулись в тайгу. Собственно тайги в нашем понимании не было — пни от деревьев. Правда кустов, стланика и молодых ёлок было много. Чем дальше в лес, тем меньше следов цивилизации. Размытый дождями, паводками и теплом зимник расплылся. Лошади шли зигзагом (своей я не управлял — она повторяла движенья передней), прыгали через лужи, скользили. Я тоже прыгал, ударяясь о луки седла всеми нижними частями тела. Стремена мои оказались длинны, длиннее ног, так что меня плотно прижало к седлу, без степеней свободы. Постепенно я подтянул верёвки, завязав их узлами. Теперь я мог стать во весь рост и поберечь задницу. Но так долго не простоишь, приходится сесть, но и с согнутыми ногами долго не просидишь. Перестарался с узлами, часть из них развязал и где-то на десятом километре пути достиг оптимума.

Расправил под собой ватник и уселся удобнее. Теперь я стал настоящим бароном. Барон-рабойник. Насколько я знаю, мои предки были баронами, но вот сколько среди них было разбойников — не считал. Видать, кто-то во мне проснулся. В средние века в случае войны герцог предоставлял армию, граф — полк, а барон должен был явиться один, с полным вооружением, на коне и с оруженосцем. Вот и я так — впереди Афонас, в правой руке, помимо поводьев, у него якутская пальма — большой нож на длинной палке (удобно

использовать для срубания веток и мелких деревьев), которая издали выглядела, как пика. С правого бока у него свисал охотничий карабин, дулом книзу, под ногой располагался кожаный чехол, в котором крепился большой боевой топор. Анатолия можно рассматривать, как телохранителя. Была и дама, не в моём вкусе, правда, но всё же.

Я был в сапогах, брезентовых штанах, в энцефалитке, поверх которой натянут тонкий свитер, всё это покрывала плащ-палатка, полы которой спускались по бокам лошади. Как полагается, я был вооружён и вооружён солидно. Конечно, пистолет был у шефини (зачем он ей, интересно), и гранат не было. Но и остального достаточно. Грудь мою крест-накрест пересекал патронташ (как у матроса-анархиста) с блестящими на солнце (если оно было) патронами с жаканами, картечью и дробью. Талию охватывал ещё один патронташ (патроны мелкашки), в кожаных сумках, свисавших по бокам, патроны к карабину. С левого бока на поясе большой лагерный нож. За спиной ехала двустволка, стволы которой, как и положено, выглядывали из-за моего левого уха. В любой момент я мог её сорвать с плеча и открыть огонь по всему, что шевелится. На коленях лежала десятизарядная мелкашка - полуавтомат. Сами понимаете, вдруг куропатка вспорхнёт деликатес ведь. Карабин был подсунут под подпругу. Выхватить его и начать отстреливаться от встречного эскадрона я мог незамедлительно. Только не понятно, зачем на нём штык – в штыковую атаку я ходить не умею. Добро бы это был немецкий штык, в виде обоюдоострого кинжала, который всегда можно отстегнуть и употребить для вскрытия тушёнки, колки дров, самообороны в ближнем бою (у меня в Клязьме такой был – удобная штука). А тут штык в виде шила, который к тому же не снимался (иначе давно бы потерялся), только складывался вдоль ствола. Годится в сгущенке две дырки пробить.

Вы думаете это всё, что на мне было? Нет! На груди у меня болтался в футляре мощный (8-ми кратный) цейсовский бинокль. Птицу-зверя выглядывать. Крест-накрест висели фотоаппарат Зенит с большим объективом-портретником и кинокамера на 8-мм плёнку. В кармане был транзисторный приёмник, чтоб слушать Голос Америки и Свободу.

И всё это великолепие грохнулось вместе со мной.

На тропе, в которую превратился зимник, лежала девичья лента. Я её не заметил, но её заметил Сатера. И совершил скачёк. Но не вперёд или в бок, а по диагонали – и вперёд и в бок, активно поднялся на дыбы, а потом – упал на передние колени. Естественно, меня с него снесло. Раздался звон костей и чего-то ещё. Говорят, существуют отстёгивающиеся стремена, металлические я видел сам, но у меня были верёвочные, причём в виде петель. Ноги оказались привязанными, я повис вниз головой и начал ею пересчитывать корни, пни и кочки, через которые скакал мой конь. Голова у меня, конечно, крепкая, но всё же... К счастью, далеко мы не продвинулись. Сатера застрял в мелких, но прочных лиственницах. Родео кончилось. Меня извлекли из-под коня и водрузили на место (собрав рассыпанные патроны и детали амуниции).

Караван двинулся дальше.

Лошади скользили по грязи, стараясь выйти на суши, они прижимались к деревьям. Мы сгибались к лошадиным гривами, отстраняли от себя сухие сучья и колючие ветки лиственниц. Эти сучья до крови царапали лошадей, всадников, разрывали вьючные сумы. Запросто глаза лишишься. Несколько раз больно саданул коленом по стволу. Хорошо хоть не произошёл казус, что так любят рассказывать геологи. Байка такая: один молодой любил отбиваться от каравана и гарцевать по округе. Однажды из леса раздались его призывы к помощи. Изумленные зрители обнаружили путешественника висящем на здоровенном суку. Сук задел его за ремень на спине и сдёрнул с седла. Лошадь спокойно паслась неподалеку от всадника. Со мной такого не случилось. Может быть потому, что у меня ремней снаружи не было. По случаю дождя я с ног до головы был укутан плащпалаткой.

Караван останавливался чуть ли не каждые 10 минут. Очередная вьючная лошадь лежит на боку, взбрыкивая задними ногами. Нужно спешиться, расседлать ее, перенести

груз на сухое место, лошадь вытащить из грязи, поставить на ноги, снова навьючить и включить в караван. И так всю дорогу.

Двигались шагом, довольно медленно. К середине дня стало понятно, что цель далеко, нужно торопиться. Перешли на рысь. Тут уместно заметить, что предоставленная самой себе лошадь рысью не перемещается, только шаг да галоп. Рыси лошадь надо учить специально. Наши, конечно, знали этот аллюр, но за зиму забыли. Теперь им напомнили. К моей досаде. Я трясся во всех плоскостях, всё на меня навешенное отлетало и колотило, не только обижая задницу, но и стирая ляжки ног. Не знаю как, но на мерине я усидел. Однако не выдержали выоки пристяжных каюра. Они посыпались в лужи. Лошади испуганно рванули, так что Афонас мгновенно оказался в клубке связанных лошадей. Теперь уже его пришлось извлекать на свободу. Я не спешивался, а то вновь не залезу. В конце-концов всё поправили и караван продолжил путь.

Сатера взбрыкивал ещё несколько раз и каждый раз я летел на землю. Затем я уже грохнулся сам, перелетев через коня.

Прекрасно, что пружиной, в не ношей всё тело ощущаешь ты своё, но прыгая, однако же, на лошадь, не стоит перепрыгивать её.

В те времена стихов И. Губермана я не знал, вот и перепрыгнул.

Ближе к вечеру нам навстречу попался одинокий всадник – якут. Он приветствовал Афонаса Николаевича. Началось капсе.

Kance

Давай поговорим... так, ни о чём

Капсе — бич якутских экспедиций. Идёшь караваном. Дождь, мошка, комарик. Навстречу человек. Каюр издаёт радостный звук, и вот они спешились, сели на корточки, меж ними костерок с надеждой на чай. Неспешный разговор за жизнь. Капсе!

«У якутов есть обычай, когда приходит гость, он начинает свою речь со слов «капсе», «ну, рассказывай». А хозяева отвечают: «нам нечего рассказывать, ты рассказывай». А тот им снова — «капсе» — «мне что рассказывать, вы рассказывайте...»

Первая кружка чая идёт под лозунгом: "Давно не встречались", вторая — "Редко встречаемся", третья "Когда ещё встретимся?"

- Капсе бар?
- Бар капсе

Но не сразу. Сначала каждый должен выкурить свою трубку.

Понятно: кто понял жизнь спешить не будет, а суетливая белка на стрелу налетает.

Капсе длится долго.

Хоть песни пой, хоть спать ложись.

В конце концов конференция кончилась и мы двинулись дальше.

Каюр затянул длинную, длинную песню. Довольно тоскливую.

Командировка

Года неправедных гонений сочат незримый сок заразы, и в дух грядущих поколений

Зимник вихляя стал углубляться в сопки. Начался подъём. Дорога всё также разбита, но стала сухой, несмотря на дождь всё моросивший и моросивший. Цвет у неё кирпичный. Двигались по распадку, по-над небольшой, но бодрой речке.

Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства (И.Сталин).

Всё как-то сыро, мокро, стекают ручейки. Тонкие чахлые деревья, как лагерникидоходяги, стелется по земле кедровый стланик, но нет-нет, а блеснёт подснежник. Ближайшие сопки в тумане верхушки деревьев поломаны Не выдерживают сырого снега.

Возникли ряды колючей проволоки и мы прибыли в лагерь. Не в постоянный лагерь, а в командировку.

Каюр остался с лошадьми, а мы пошли на экскурсию. Лагерь располагался в лощине между холмами, на берегу речки. Три дома, один сравнительно большой, два поменьше, несколько сараев. Все строения деревянные. Никто специально ничего не ломал, но климат и природа делали своё дело. Что-то уже полностью разрушилось и лежало на земле, прорастая травой, кустарником и даже деревьями, что-то сильно наклонилось и грозилось рухнуть, а что-то стояло вполне прочно и

приглашало зайти.

Две вышки на противоположных углах по периметру зоны, одна полностью разрушена. другая еще стояла на четырех ногах, но сильно накренилась, хотя крытый навес на ней был ещё цел. На неё вела приставная лестница. Почему-то именно эта вышка навеяла смертельную тоску, которая изредка наваливалась на меня всю последующую жизнь. На земле валялся плакат "мы строим коммунизм", рядом с ним окованная железом дверь с глазком.

Этот временный исправительно-трудовой лагерь был развернут для оконтуривания месторождения касситерита, определения его запасов. В одном из холмов была пробита штольня. Но, видимо, надежды не оправдались и лагерь свернули. У сарая валялся бур, кто-то хотел его утащить, но бросил. Имелись и действующие металлические весы. Практически на всех остатках оборудования — иностранные надписи: на тракторе — "Chicago", на охотничьей лыже — "Хаихардах", на электроизоляторе — "WABAG". Несколько пустых банок из под колбасных консервов "made in USA". Центральный рудник и более мелкие заработали в 1943 благодаря поставкам оборудования и продуктов из Америки по Ленд-лизу. И то правда: тут до США существенно ближе, чем до Москвы.

Был тут и огромный котел, в котором варили кашу для заключенных.

Забугорные консервные банки использовались широко. Из жести была изготовлена маслёнка и лампа-фара. Из разогнутой жести клепали большие листы, на каждый из которых требовалось несколько десятков, а то и сотен банок. И многие десятки таких листов были уложены на стропила барака. Трудов на это, видимо, было затрачено много. Бочки тоже в дело шли - в первую очередь на изготовление печек-буржуек.

Небольшой барак ИЗ трёх помещений – тамбур, в метр шириной расположен по длинной стене домика. Из него два входа - один в комнату побольше, другой в маленькую комнату сплошными нарами. Изнутри комната обита толстой маленькая мелкоячеистой металлической сеткой, вместо окна вырезанный в стене кусочек нетолстого бревна, в который даже голову просунуть нельзя. На всякий отверстие случай закрыто мощной решёткой. В тамбуре имеется печка, она

отапливала всё помещение, тепло проходило сквозь решётчатые двери в обе комнаты. Потолки очень низкие (для сохранения тепла, или стройматериала было мало), так что стоять можно было только сильно согнувшись. Одна комната служила казармой для солдат, в ней находились двухъярусные железные кровати и деревянный шкаф с красной звездой на дверях для оружия охраны. На одной стене синей краской по штукатурке нанесено незамысловатое декоративное украшение. Внутри стены обклеены плакатами и газетами конца сороковых годов. С удовольствием бы почитал, да некогда. В глаза бросилась надпись: "Труд, лишённый свободы, является основным методом исправления в минимальный срок любого правонарушителя". Много различных надписей, в том числе и не на русском языке, прочесть их из-за темноты и плохой сохранности было сложно. В другой комнате потолки были повыше, трёхэтажные нары из тонких круглых неошкуренных стволов лиственницы. На коре гвоздями или какими другими острыми предметами вырезаны фамилии, имена, кликухи, степени и звания горняков по неволе. Валяется штопаная рубаха из грубого брезента. Вокруг барака разбросана эмалированная посуда, постепенно поглощаемая мхом. Всюду, и в строениях и вокруг, на кустарнике обилие шерсти и помёта горных баранов, вероятно, они используют творения рук человека как укрытие в непогоду. И в лагере и на склонах сопок обилие бараньих троп.

Грустно как-то. Возможно, из-за затянутого облаками неба и тумана севшего в распадки.

Перспектива – долгая непогода.

Зимник

Дождь усилился. Комаров и до того было немало, а тут налетела туча. Масть лошади уже определить трудно. Если по крупу коня ударить ладонью, то возникал

кровавый след в форме ладони. Я махал веткой, как вентилятор, но это не помогало. Пришлось натянуть на голову капюшон плаща и оставить малую щель. Торчащий из неё нос смазал репудином — едкой жидкостью, от которой щипало глаза (потом эта жидкость растворила ремешок часов и покрыло стекло часов мелкой сеткой трещин). Всё равно, морда от комаров распухла, страшно чесалась, глаза превратились в щелочки, я стал похож на китайца. Перестал воспринимать действительность.

Наши кони шли понуро,

Слабо чуя повода

Ночь звенела стременами,

Волочились повода

И Меркурий плыл над нами –

Иностранная звезда

Но, наконец, мы достигли зимника на берегу Адычи, довольно крутому с прожилками льда типа торт-наполеон.

Сатера резко тормознул и я в очередной раз свалился с него.

Развьючили, расседлали коней, перетащили ценные вещи в дом, остальные покрыли брезентом и привалили камнями. Лошади, от которых шёл пар и пена, тяжело дышали. Их оставили под попонами на час, потом каюр их стреножил и они попрыгали на водопой, где и встали по пояс в воде, спасаясь от комаров.

Мы же расположились в зимнике. На импровизированном столе стояла плошка, полная медвежьего жира, фитиль в ней ссучен из медвежьей же шерсти. Светильник нам не нужен. Солнце светило как днём, правда, в помещении было темновато: окошко очень маленькое (зато со стеклом, а не с рыбьим пузырём). В углу валялись металлические капканы на разную дичь и волосяные силки на белок. Нам это не надо. А вот наколотые сухие дрова (кто-то о нас позаботился!) - то, что надо. Лично растопил печку-буржуйку, изготовленную из бензиновой бочки, хотя такую конструкцию встретил впервые. Бросили спальники на нары (тонкие жерди, уложенные на камни), а сами сели вечерять. Плеснули в кружки немного спирта (привет химфаку), выпили за начало поля, запили холодной водой. Похорошело.

Печка быстро нагрелась, стало тепло. Начали раздеваться, я - до рубашки, а каюр обнажил торс.

Глянул я, и подивился.

Троцкист

Сидит Троцкий на берёзе, сидит Ленин на ели. До чего они, прохвосты, всю Россию довели!

Сидим в зимнике. Топим печь, чаи гоняем.

Молчим. Чавканье, чмоканье и монотонные удары. Каждый, расположив на ладони глыбу сахара, лупил по ней обратной стороной кинжала, пытаясь отбить кусок. Летели искры.

– Жарко, однако! – проворчал каюр.

Я поднял глаза и обомлел. Передо мной сидел голый якут, весь покрытый татуировкой. Мужиков с татуировкой я видел много, но якута — никогда. Центральный образ представлял собой портрет обнаженной женщины в натуральный рост. На остальной части тела располагались фразы, газетные статьи с иллюстрациями, портреты, пейзажи, натюрморты и целые композиции. При малейшем напряжении мышц все приходило в движение. Сталин хмурился и шевелил усами, дама подмигивала и качала бюстом. Тут были собраны лозунги всех партий России, начиная с декабристов. Были тексты из Евангелия, Талмуда и Корана, некоторые почему-то вверх ногами. Были афоризмы, причем на разных языках, в том числе — на санскрите. Пословицы и поговорки, графики и формулы. Стихи известные и доморощенные. Отрывки из рукописей со следами сильных правок. Бухгалтерские расчёты. Чертежи и карта окрестностей Алдана. Магические знаки. На спине Иван Грозный убивал своего сына.

Блатной еврей!!

???!

- Курить люблю, однако, пояснил каюр и потянулся за моими сигаретами.
- -???!
- Троцкистом был!
- -???!
- Молодым учился. Комсоргом стал. Взяли, троцкистом назвали, и повели с Лены пешком сюда в Эге-Хая олово добывать. Сначала 10 лет дали, потом ещё 10, потом пустили ходи. Вот хожу, вас вожу. Умирать скоро. Больших людей видел шибко умных. Памятью их был, записной книжкой.

Но Троцкого так и не встретил! Так пусть же Красная Сжимает властно Свой штык мозолистой рукой, С отрядом флотских Товарищ Троцкий Нас поведёт на смертный бой!

Переправа

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый, снег шершавый, кромка льда. Кому память, кому слава, Кому тёмная вода, - Ни приметы, ни следа.

Растрясло меня сильно. Завалился спать, даже не почитав Сагу.

Утром всё тело чесалось от атак комаров, болели синяки и потёртости, ноги приняли форму арки, видимо, чтобы удобнее было обнимать бензиновую бочку. Однако надо вставать – день обещал быть тяжёлым.

Каюр уже сидел у печи, которую снова растопил, изготавливал мне стремена. На полу лежал пучок ивовых прутьев. Афонас выбирал один, обрывал листья, и нагревал над плитой, меняя его форму. В конце концов получалось нечто вроде круга, а после деформации возникало подобие железного стремени. Кольцо фиксировалось шнурком капроновым крепилось к канату. Такое стремя

гораздо удобнее, той петли, что была у меня вчера. Служило оно неделю, после чего производство возобновлялось, благо материал был доступен и бесплатен.

У Адычи берег крутой.

Стали готовиться к переправе. Моста, однако, нет, придётся плыть. Ширина Адычи метров 200, река, конечно, не горная, но течение сильное, как в Оке. Снесёт существенно. Конечно, если плыть с лошадью, то меньше. Вы с лошадью заплывы устраивали? Я лично нет. Она же брыкается, поди, убьёт нахрен. Да и вода холодная, иной раз льдины проплывают. Поневоле задумаешься.

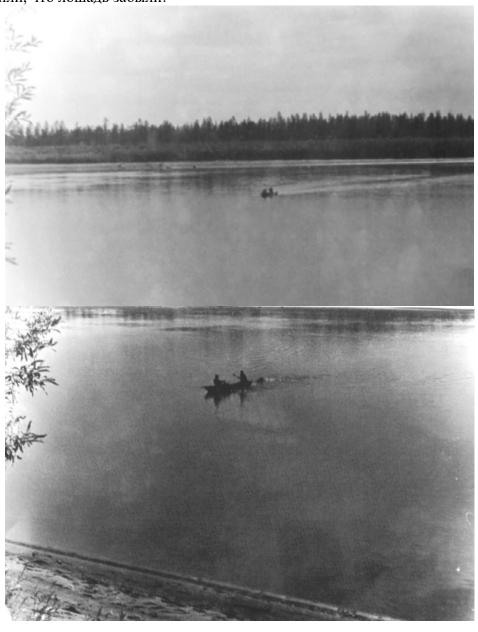
Плыть не придётся. Каюр пошарил в зарослях тростника и вытащил лодку. Я бы её никогда не нашёл. Он вышел к нам, держа её на плече. Она была лёгкой, хотя довольно

длинной, метров пять. Но очень узкой и с тонкими стенками: доски и берёзовая кора, пропитанные смолой.

– Веточка, – пояснил каюр.

Я бы сказал — целая ветка, длина как у байдарки двухместной. Дно полукруглое, сама она очень вёртка, всегда готова к оверкилю. Пока грузили шмотки и грузились сами, она самым откровенным образом пыталась перевернуться. Посудина была узкой. Когда я во время испытаний плюхнулся ей на дно, то так заклинился бёдрами, что не смог вылезти обратно, с трудом меня извлекли. Вьючники, спальники, палатки, ещё как-то помещались, но вьючные ящики и сёдла отказывались лезть в лодку категорически. Долго мы пыхтели, разрешая противоречия. Я по глупости надел резиновые сапоги, они, конечно, заполнились водой. Пришлось снять и бегать по воде в кедах. Из них хоть вода быстро выливалась.

Наконец, что-то погрузили, я разместился на носу (на баке!), каюр на конце (на корме!). Лодка сразу просела, в неё начала поступать вода, особенно, когда она качалась при гребле. Каюр вооружился двулопастным деревянным веслом и мы было тронулись. Но вспомнили, что лошадь забыли!

Каюр пригласил свою лошадь поплыть с нами, не в лодке, конечно, а самостоятельно. Та оказалась. Категорически! Второй раз позвали, эффект тот же. Тогда Анатолий разбежался и спихнул коня в воду, крепко врезав вслед камчой по крупу. Мерин вздохнул "Чёрт с вами, паскуды" и бодро поплыл на другой берег. Каюр привязал повод к корме, весло замелькало лопастями, как пропеллер. Надо было быть акробатом, чтобы управлять этим судном. Оно юлило по курсу и качало бортами, черпая воду. Мы заметно оседали, и было интересно: достигнем мы противоположный берег, или пополним кладбище затонувших кораблей. Лодку направляли вверх по течению, но нас всё же снесло, хотя и не сильно. Лошадь интенсивно двигала копытами, так что за нами оставался след, как от торпедного катера. Могла бы и нас подтолкнуть, вон как голову поднимает.

Переплыли благополучно, разгрузились. Я оттащил шмотки подальше от берега и что-то вынул для просушки. Хорошо, что дождя не было – только его не хватало. Афонас поплыл обратно и следующим рейсом доставил шефиню и еще одну лошадь. Так, Анатолий грузил, я разгружал, каюр мотался туда-сюда, а АС давала советы. Граф крутился вокруг лодки, подловив момент, вскочил в неё и переправился на халяву. Барон с транспортным средством связываться не стал, а переплыл Адычу самостоятельно. Снесло его километра на два и он дал галопа вдоль берега с громким лаем.

Переправились! Теперь всё. Цивилизация осталась за рекой. Второй лодки там нет. Нас не догонишь!

Феликс Дзержинский

Дождик, дождик, перестань - Мы поедем в Аристань!..

Раздалось пыхтенье и из-за поворота появился пароход. И какой! Колёсный! Много я видал разных кораблей, но колесных — никогда. Появись сейчас царская карета, запряжённая цугом, я и то меньше бы удивился. Колесный пароход я видел только в фильме Волга-Волга и то, как сатиру. А здесь был настоящий довольно большой, глубоко сидящий и видимо сильно гружённый корабль. Он упорно шёл против течения.

По реке плывёт утюг Из города Кукуева. Ты плыви себе плыви Железяка \$yeва! Утюг назывался "Феликс Дзержинский" (и кириллицей и латиницей). А как по вашему должно называться судно, 40 лет развозящее по лагерям всех напросившихся на трудовое перевоспитание?! Конечно в честь инициатора советских лагерей, в честь борца

за счастье народа, отбывшего за это каторгу и ссылку в Сибири.

По Яне шёл колёсный пароход доисторической постройки.

Старик выглядел прилично: очищен, покрашен. Длинная и толстая труба дымила каким-то аномально чёрным дымом, огромные колёса величаво вращались и били по воде. На поворотах раздавался мощный гудок.

Это, чтоб встречные суда уступали дорогу. Их, правда, не было.

Прошёл он близко от нас, мы хорошо его рассмотрели

Пароход был сильно загружен, сидел глубоко. Были и пассажиры. В немногочисленных каютах располагались европейцы-геологи и азиаты-начальники, местные администраторы, а может и скотоводы какие, кто их разберёт. На корме, за сеткой (издали казалось – в клетке) сидели заключённые (то ли уголовники, то ли диссиденты).

Эх, яблочко,

Катись парами,

Будем рыб кормить

Комиссарами.

Пароход идет,

Круги кольцами,

Будем рыбу мы кормить

Комсомольцами

Эх, яблочко,

Цвета спелого,

Слева красного бьём,

Справа — белого.

Кто-то помахал нам рукой. Мы ответили.

— Счастливой отсидки, ребята, — крикнул им Анатолий, и обращаясь ко мне добавил, — может, хоть тут принесут пользу стране и людям. Если каждый добудет килограмм десять сурьмы или вольфрама будет хорошо. Труд из этих обезьян сделает человеков.

Ах, яблочко, Сбоку зелено.

Пойдём купим по нагану,

Убьём Ленина.

Первый привал

У солдата где привал, там и хата.

Ещё шла переправа, а я уже начал разбивать лагерь. Преодолел мощный залом погибших деревьев на берегу (его бы в Батагай, а то тут только мешаются: к воде не подойдёшь). Выбрал сухое место на опушке и принялся за дело. Поставил три палатки (обычно палатку ставят вдвоём, но я могу и один): одну нам с Анатолием побольше и две

поменьше Анастасии Семёновне и Афонасу Николаевичу, постелил кошмы с лошадей, раскатал спальники и затащил личные рюкзаки ("Сага" подмокла, пришлось сушить).

Марлевые пологи каждый натягивает себе сам, по своему вкусу. Одному ставить палатку не очень удобно, но я умею. Хорошо бы над ними натянуть тенты от дождя, но тентов у нас не было.

Лагерный нож в действии.

Начал заготавливать дрова для костра и разводить огонь. Орудовал я большим лагерным ножом (не в том смысле, что изготавливают его заключённые в лагерях для своих нужд (всегда кого-то зарезать надо), а в том,

что с ним якобы удобно организовывать лагерь. Не верьте! С немецким штыком куда лучше). Интересен мне был якутский нож, что висел на поясе каюра, но попросить постеснялся.

Но поговорить мы о нём можем.

Конечно, лагерный нож довольно тяжёл и клинок к него длинный, им и рубить можно, и резать, и разделывать тушу, и прочен он. Но далеко ему до немецкого штыка, ох далеко. Золинген есть Золинген. Есть сталь и всё остальное, в том числе – нож лагерный.

Якутский нож — отработанная веками конструкция. Сталь у него хуже немецкой, но для работы он с деревом, шкурами, кожами, с мясом (со свежем или мороженным). Им можно рубить лёд, отделять мясо от кости, строгать мороженую рыбу, чинить сломанные нарты, ну и зарезать кого при случае. Не зря ведь кузнечное ремесло человек получил от зловещего божества Кыдаай Максина, вождя-кузнеца преисподней. Прикоснёшься таким клинком к медведю или другому зверю — тотчас падает он мертвым.

Существует три вида охотничьих ножей: малый охотничий с клинком 12–14 см, средний с клинком 16–18 см и крупный с клинком до 25 см.

Якутский нож, с прямой и тупой спинкой имеет острый конец и слегка выпуклое лезвие. Характерная черта якутского ножа — наличие широкого желоба только с одной стороны клинка. Из-за этого клинок получается немного выпуклым с одной стороны и вогнутым с другой. Якутский нож предназначен для охоты, поэтому желобок необходим для стока крови; или для запускания воздуха, пузырьки которого закупоривают сосуды и останавливают поток крови. Кроме того, желобок придаёт ножу прочность, такой инструмент менее ломкий. У клинка боковые грани асимметричны: если держать нож рукоятью к себе, клинком наружу, то левая сторона ножа гладкая, слегка выпуклая, правая — прямая с продольным желобком в центральной части. Работают ножом выпуклой стороной к себе. Поскольку при работе с ножом важно, чтобы нож не «зарывался» вглубь обрабатываемого изделия, то затачивается рабочая левая выпуклая сторона ножа, не имеющая желобка, с другой лишь снимается заусенец. Его легко заточить подручными материалами, например, о речную гальку. На рубящих инструментах, таких, как якутская пальма, осуществляется правосторонняя заточка

Рукоять ножа вырезается из цельного куска березового капа — очень крепкой древесины с богатой текстурой. Она ровная, лишена каких-либо упоров; длина на 1/2 больше ширины мужской ладони: ~13–15 см. С длинной рукояткой удобней работать на морозе в рукавицах, и за счёт удлиненного рычага повышается рубкость ножа. В сечении рукоять напоминает яйцо. Такая форма выбрана для того, чтобы во время некоторых работ нож не проворачивался в руке. Способ монтажа клинка в рукоять делает нож ремонтопригодным. Сначала проделывается широкое центральное отверстие и заостренный хвостовик вбивается в рукоятку. Затем по бокам клинка вставляются клинья

из мягкой древесины. Их распирают, и они зажимают клинок в рукоятке. Для того чтобы защитить от влаги деревянную рукоять, ее пропитывают специальными маслами.

Ножны у якутского ножа просты и функциональны. Изготавливаются из бычьего хвоста, снятого чулком, и вставленного в него деревянного вкладыша. Нож утапливается в кожаные ножны на 1/3 рукояти и фиксируется там за счет трения. Клинок свободно висит в деревянном вкладыше внутри ножен. Это даёт возможность свободно вкладывать и вынимать нож с клинком, на который намерзают кровь и жир при разделки дичи зимой. Важно, что якутский нож можно извлекать одной рукой, упираясь большим пальцем в устье ножен. Ножны носят на поясе, на свободном подвесе из кожаного ремешка в положении от наклонного до горизонтального.

Я уже говорил, что у каюра была ещё пальма – большой нож на длинном древке.

Как я потом узнал, по-якутски она называется батыйа (короткий вариант – *хотокон*, средний – *батыга*, длинный – *батас*). Длина древка обычно 1 м. Металлический наконечник пальмы (длина 30 см) отличается скруглённым лезвием и прямо направленным остриём, клинок в сечении треугольный. Оружие выполняет функции копья, посоха оленьего пастуха, ножа и топора. Наш каюр им расчищал тропу для каравана. Путепролагателем трудился.

Пальма – важное охотничье оружие,

особенно при забое оленей во время переправы. Раньше оно и для войны годилось (якуты много воевали).

Не думал я, что увижу якутскую пальму в борьбе и обороне.

Но пришлось.

Якутская пальма и нож.

Здесь мы должны пожить несколько дней, поэтому лагерь разбили основательно. В принципе, я умел это делать – имел опыт школьных походов. Но здесь оказалась своя специфика – в

почву ничего не забъёшь. Вечная мерзлота! Я это обнаружил сразу, как только стал устанавливать палатки. Дюралевые колышки, которые мы не поленились привезти из Москвы, отказались входить в почву даже на сантиметр. Пришлось бродить по берегу, собирать булыжники и уже ими растягивать растяжки. Та же проблема возникла с костром. В Подмосковье мы обычно вырывали небольшую яму, с тем чтобы пламя не сносило ветром и можно было готовить, уклоняясь от дыма. Здесь же о яме не могло быть и речи: мерзлота. Рогатины для основной перекладине тоже вбиваться не стали. Пришлось опять таскать камни. Обложил ими место для костра, с северной (наветренной) стороны оставил отверстие для притока воздуха. Соорудил два каменных тура, на них укрепил бревнышко из живой ели; на неё повесил три ведра с водой: суп, каша и вода для мытья посуды. По берегам имелись залежи плавника, горел он хорошо и не было необходимости валить окрестный лес. Натаскал и в костер и про запас. Пионерский костер зажигается шалашиком, он весело горит, через него удобно прыгать. Но тут надо вёдра кипятить и кипятить долго. Поэтому соорудил колодец – узкий и длинный. Сложил паленья срубом, в центр его напихал кору, старую траву и мелкие сухие веточки, и запалил. Загорелось с одной спички. Получилось низкое и широкое пламя. То, что доктор прописал. Когда обед был почти готов, тип костра я поменял на "таёжный" или "охотничий" – не знаю, как он точно называется. Выбрал из плавника три бревна, диаметром в четверть метра, сделал топором глубокие насечки на них, уложил друг на друга, проложив щепками. Такой костер горит часов 10 сам собой, без всяких хлопот с моей стороны. Уже когда собрались на боковую, переделал костер в нодью. Пила у меня есть - напилил несколько брёвен. Нодья горит слабо, но долго, давая тепло всю ночь. Обычно используют два бревна,

которые укладывают горизонтально одно над другим, огонь разжигают между ними. Но такую конструкцию удерживают кольями, которые забивают в землю. Здесь, однако, мерзлота - ничего никуда не вобьёшь. Поэтому использовал три бревна: два лежат на земле, одно сверху, в зазоре между ними.

Каюр, в принципе, ел нашу пишу, но тем не менее всегда разводил свой

собственный костерок. Он устанавливал треногу из сырых палок и на цепочке с крючком вешал небольшой котелок. В нём постоянно что-то кипело. Что не знаю. На этом костре он делал нечто вроде шашлыка из дичи или рыбы, а потом, практически на пепле приготавливал лепёшки.

Нодья горит всю ночь.

В дальнейшем каждый новый день мы стараниями Афонаса Николаевича начинали с завтрака поякутски: крепкий горячий чай от пуза и горячие толстые лепешки. Как они

получались до сих пор не знаю: у нас не было не дрожжей, ни соды. Разве для теста не нужно что-то в этом духе? Каюр пёк не блины и не оладьи, как наша домработница на керогазе, а лепёшки, толстые (2 см толщиной) и на костре — неустойчивом источнике огня и тепла. Почему они не подгорали, а равномерно пропекались по всей толщине и сверху покрывались аппетитной корочкой? Первое время у нас было топлёное масло, но потом его не стало, исчезла и сковородка. Но это принципиально не сказалось на процессе: каюр невозмутимо выдавал лепёшки, выпекая их прямо на золе.

Мои неоднократные попытки освоить эту на первый взгляд примитивную технологию окончились полным крахом.

Поев он остатки пищи, вместо того, чтобы отдать их собакам, бросал в костёр. Чтобы поблагодарить духа огня. Заметив, что я ворошу ножом поленья, от предупредил: нельзя тыкать ножом в огонь, выколешь глаза хозяину огня, добрый дух ослепнет, и что тогда? Как без него жить будем?

Пока была сгущенка, пили чай с молоком (а я и с сахаром), в конце экспедиции - чистый чай. Пока и он не кончился...

В поле мы перекусывали теми же лепёшками (они черствели на глазах) и запивали холодным чаем из кружек. Основная еда вечером, перед сном.

Первый наш обед в поле готовила Анастасия Семёновна. У нас ещё были Батагайские запасы, обед получился, хоть и с дымком, но городским. На первое – украинский борщ из стеклянной банки, на второе – гречневая каша с тушёнкой, на третье – чай (индийский со слоном!). У нас даже был хлеб (следующий раз я хлеб европейского типа попробовал только через четыре месяца).

За всю свою сравнительно долгую жизнь, не обедал я с таким удовольствием. Когда я ем, я глух и нем, хитер и быстр, и дьявольски умён!

Солнышко припекало, я уселся на подходящую кочку, прислонился к большому камню и хлебал борщ большой ложкой в складном ноже. Занятие это не простое, ибо проходило в облаке комаров. Мало того, что они кусались, они лезли в рот, так что не понятно было: ты собственно чем питаешься: супом или комарами? Но главное — они мгновенно покрывали жидкость толстым сплошным слоем, так что приходилось черпать суп из-под ледяного покрова. Надел накомарник, натянул его на миску и высосал борщуже без ложки.

К моему удивлению за "столом" сидел (полулежал как патриций) только я. Все остальные ели стоя! С чего бы это? А с того, что мерзлота! У воды теплоёмкость большая. Интересно, что в следующей экспедиции я ел сидя на свернутом спальнике, или бауле подходящем, на третьей – сидя на корточках, а на четвёртой – стоя во весь рост. Чего и вам советую. Будете сидеть на мерзлоте – в третьей экспедиции вам не бывать, вместо неё

будете лежать в больнице с воспалением почек, радикулитом или ишиасом каким.

Засиделись у костра. Тепло и дым комаров отгоняет. Был бы с друзьями – пели бы песни. Что-нибудь типа:

Дым костра создаёт уют Искры гаснут в полёте сами. Пять ребят о любви поют. Чуть охрипшими голосами.

Дым был, охрипшие голоса были, но парней не было. Петь некому, тем более – о любви.

Барон был уже стар.

Я учился грамотно отбивать обратной стороной кинжала куски от глыбы сахара. Важно было не отбить

себе палец и не потерять разлетающиеся осколки. Пил, как купец, в прикуску и отдуваясь. Ленивый разговор, разбор полётов, планы на завтра, нравоучения старших (дедовщина), мелочи быта. Хотелось расспросить Афонаса о лагерной жизни, об оловянных шахтах, о месте якутов в европейской братве (уголовной и политической). В местных тюрьмах русские преследуют якутов, или якуты – русских (в Батагае милиция в основном якутская, а охрана в лагерях какой национальности)? На эти интересные вопросы ответов я не получил. Потому как не задал. Каюр никогда не упоминал о лагерях.

О его подвигах я узнал позже.

Окончив трапезу, я откинулся на кучу барахла и с удовольствием вытянулся во весь рост. Тут же вмешалась АС: она как начала читать мне нотации и учить жизни при посадке в самолёт в Москве, так и продолжала всю дорогу. Теперь она объяснила, как опасно откидываться после еды. Желудочный сок попадёт в дыхательное горло и конец! Рассказала быль про одного геолога, который при ней таким способом отправился на тот свет. Я впечатлился, но менять позу не стал:

Кот Васька слушает, да ест...

Пора было на боковую. Я изготовил из консервных банок две миски, положил в них остатки каши с тушёнкой, разместил их по обе стороны палатки: одну для Барона и одну для Графа. Те восприняли это с благодарностью. Но возник каюр. Он решительно выбросил кашу в костер.

 Игор! Собака – животное умное, сама себе найдёт пропитание!

Граф спереди — овчарка, сзади — лайка.

Оказывается, собаку кормить нельзя: будет жить на халяву, заленится охотиться. И, действительно, собак мы не кормили (я, правда, по диссидентской

привычке их слегка подкармливал, пока никто не видит), они исхитрялись охотиться и питаться, делая броски в стороны от нашего неспешного каравана.

Собаки сами вызвались нас сопровождать. Они знали на что идут.

Барон был породист — Восточно-Сибирская лайка. Между прочим, самая крупная из охотничьих лаек, существенно крупнее Западно-Сибирской. Универсал: годен для охоты на дичь, пушного зверя, крупного зверя и для упряжки. Уши стоячие, подвижные, треугольной формы, с острыми вершинами, находятся на уровне глаз, не очень высоко поставленные. Умеренно косые тёмнокоричневые глаза. Крупные белые зубы, прикус, как ножницы. Мускулистая шея. Хвост кольцом загнут на спину. Барона приятно было гладить — шерсть жёсткая, грубая, с мягким, плотным подшерстком; на голове, ушах короткая, на шее и плечах пышная, в виде воротника. Серьёзный рабочий пёс: хоть на охоту, хоть в упряжку. Самостоятельный, даже слишком. Хозяина слушал, но решения принимал сам. "Радиус прогулки" у него был большой. Он часто и по долгу исчезал; где был, чем занимался, мы не знали. Барон был уже стар, характер имел уравновешенный, но подвижный. Охотничью страсть ещё не потерял.

Граф – молодой пёс, типичный холерик. Большой любитель ловить свой хвост, вертясь на месте. Дальние предки, видимо, были лайками, но потом бабушки и мама согрешили с немецкими (восточно-европейскими) овчарками, служившими в охране лагерей. Поэтому был он высок и длинен, на овчарку похож, но хвост предательски скручивался, намекая, что порода лаек ему не чужда. Команд он слушался хорошо, от каравана далеко не отходил, всегда был готов защитить хозяина и территорию. Но охотник он был плохой, и по этой причине, а также по молодости лет был постоянно голоден. Потому иногда отнимал у Барона пойманную тем добычу. За что был бит камчой каюром.

Я пытался играть с собаками. Кидал палку и командовал:

- Апорт, Апорт!

Граф с радостью бросался за палкой, искал её в кустах, приносил, но долго не отдавал - каждый тянул к себе и пытался отобрать. Когда это ему удавалось - он был горд и счастлив. Барон на палкой не бегал, смотрел на нас насмешливо-снисходительно.

Барон спал у палатки Афонаса, а Γ раф – у моей. Он приваливался снаружи к стенке палатки, ночью уворачивался от дождя, постепенно сдвигал плохо укреплённый камешками пол и оказывался внутри. Так что я имел удовольствие просыпаться лёжа под ним. Или на нём. Ногам было тепло.

Долго я готовился ко сну, боролся со спальником, пологом, застёжками палатки. Охотился на комаров. Модернизировал процесс — зажёг свечку и водя по неровностям крыши сжёг всех кровососов. Чтобы заснуть без постоянного писка паршивцев. К утру они опять набились в палатку, но пора было вставать.

Ночь прошла в постоянно налетающих косяках дождя, шуме тайги. Тайга тревожном гудела тяжело и властно, барабанил по крыше палатки, доносились чьивздохи, вскрики, стоны, проверещал зайчишка, изредка подходили лошади задевали недалеко стропы палатки, свалилось дерево, пищали комары, жужжал поутру неизвестно откуда взявшийся шмель.

По зарослям кедрача много не побродишь.

И стебелёк травы достоин великого мира, в котором он растёт. Рабиндранат Тагор

После завтрака мы разошлись.

АС взяла молоток и пошла сшибать камни по-над речкой, а Анатолий — удить рыбу (не понял каким образом, у него ни спиннинга, ни удочки. Даже червячка завалящего нет: не водятся они в мерзлоте почему-то. Мне он не очень охотно, но объяснил, что здесь европейские хитрости ни к чему. Из лозы вырезаешь удочку, крепишь к ней леску, поплавок из пробки от вермута и крючок. Никаких тебе грузил, блёсен, катушек и прочих пижонских прелестей. Мормышки, мотыля и червя с гусеницей тоже не надо. Ловим на мушку. Анатолий вынул нож и настриг шерсти нескольких сортов: лошади — грива-хвост, собаки — шерсть и хвост, собственная прядь волос. Пучки волос он привязал к крючкам. Это и есть мушки, к мухам живым отношение не имеющие.

Я проводил его к месту ловли. Оно оказалось не на Адыче, а на её притоке – неширокой речке с быстрым течением. Техника ловли проста: мушка забрасывается вверх по течению, её быстро сносит вниз (видно по поплавку), она выдергивается и вновь забрасывается. И так раз за разом. Это вам не на Клязьме сидеть в камышах и дремать. Тут работать надо. Мушка постоянно должна плыть по воде, чтобы рыбе было удобнее выскакивать и глотать крючок.

Пол часа результата не дали и я пошёл на охоту.

Двинулись мы в паре с Афонасом. Я с двустволкой-тулкой, а он, не с карабином, как я надеялся, предвкушая встречу с медведем, а с одноствольным ружьём, который я тут же обозвал винчестером, так как на нём были английские буквы. Уникальное оружие – древнее и грозное. Много кого застрелившее за свои сто лет существования. Снаружи когда-то было расписано, как машинка Зингер, но и теперь угадывались островки. Длинное дуло, сантиметров на 20 длиннее моей тулки было притянуто к цевью толстой медной проволокой, иначе давно бы потерялось. Толщина стенок дула – не менее 1 см! Такая сталь позволяла использовать мощный пороховой заряд, и совместно с длинным дулом обеспечивала дальность точной стрельбы в два раза превышавший возможности моего оружия. Снаружи ствол был восьмигранным, внутри круглым. 28 калибр! Если в дуло моего ружья свободно входил палец, то в винчестер не вошёл бы и карандаш. Пуля из такого оружия, войдя в грудь оленя, пробивала насквозь всё туловище и выходила изпод хвоста. Заряжалось оно несколькими дробинками: можно было попасть белке в глаз (что потом я и наблюдал в исполнении Афонаса) и не испортить шкурку. Мой же выстрел уничтожал зверька. Ружьё было необычайно тяжёлым, я бы стрелял с подставки, как мушкетёр.

Короче, завидно мне стало. Но зависть я подавил и радовался, что пообщался с таким чудом.

Лошади куда-то ушли пастись, мы за ними гоняться не стали, а отправились пешком. Собаки тоже решили с нами прошвырнуться.

Мы вошли в сибирскую тайгу.

С детства мечтал об этом. И вот осуществляются мечты!

Зелень кедра оживляла пейзаж.

Меня ждало разочарование. И это тайга?! В жизни не поверю. Тайга — она под Москвой. В отрочестве я много

бродил в верховьях родной реки Клязьма. Вот это был лес, так лес (так и назывался

"подмосковная тайга"): огромные в два обхвата ели, теряющиеся в вышине, густые заросли мелких ёлок, через которые не продерёшься и под которые надо подползать, чтобы найти рыжик, непреодолимые буреломы, грибы-ягоды. Где-то на Селигере

Шишкин рисовал в утро в лесу. Вот какой должна быть тайга!

И это - тайга?! Это же редколесье!

Увы, здесь ничего такого не было. Я бы сказал не то что тайги, леса не было. Видимо было то, что называется лесотундра, а точнее редколесье, угнетённое редколесье. Тут дело не в терминах — просто грустно. То, что находится в распадках ещё можно назвать лесом, что-то такое ползёт по склонам сопок, но вершины их совершенно голые, всё живое с них сметено снегом и ветрами. Гранит и кварц. Недаром местные горки называют гольцами. Всё остальное — кустарник, тундра и болота.

Лиственница цветёт.

Лиственницы тонкие, с сильно искореженными шершавыми стволами, по которым текла липкая смола, уже были покрыты мягкими иголками.

Заросли стланика на ковре из оленьего мха.

Пока мы шли по притоку Адычи, то находились в какомникаком, но всё же в лесу — в виде островков конечно, но с лиственницами, елями и даже настоящими, но чёрными берёзами. Деревья низкорослые, местами пригнуты к земле, стволы покрыты

лишайниками. По мере подъёма из долины лес исчезал и его место всё активнее занимал кустарник. Кедровый стланик. Странное сочетание: кедр ведь сосна, т.е. дерево большое.

Наш дом в Клязьме был окружён корабельными соснами. Замаешься лезть на такую. А здесь сосна — некий куст. Добро он был просто кустом, такой куст обойти можно. Нет, он стланик! Кедровый стланик. Ветки стелятся вдоль земли (но концы задраны к верху), гибкие, тяжёлые и прочные. Они покрывают все пространство,

переплетаются, захватывают ноги и не дают идти. Продерешься сквозь них на вершину холма — садись отдыхать. Хорошо поработал.

Вечную мерзлоту и лёд покрывал тонкий слой почвы.

Правда в каком-нибудь укрытом от ветра уголке возникают древовидные кроны — высота метров пять, толщина ствола возле корня сантиметров 15 — почти дерево.

Всё же было в кедровом стланике что-то приятное.

Насыщенный зелёный цвет вечнозелёной (трёхгранной сизозелёной) хвои разнообразил серый пейзаж под хмурым небом. Кедровые шишки представляли интерес как источник орехов. Конечно они мелкие (5—7 см длиной) и всегда закрытые, но орехи в них есть, мелкие, но много. Деревянистая кожура у них тонкая, а ядрышко очень вкусное. Особенно, если овощей-фруктов лишён. Говорят, масло из орешков по качеству не уступает прованскому и миндальному. Не знаю, прованское не пробовал. Да и остающийся после извлечения из ядер орешков жмых не использовал для приготовления халвы, начинок для конфет, муки, печенья и т.п. Что-то в этой жизни я упустил. Зато пил «ореховое молоко», что умеют готовить якуты.

Информация, что кедрач — кормовая база бурого медведя, совершенно справедлива, в чём я лично убедился через месяц. Лучше бы я остался в неведении...

Кстати хвоя полезна от цинги и других болезней, так как в пересчёте на вес, в хвое витамина С в 10 раз больше, чем в лимоне. По этой причине её активно заготавливали лагеря, готовили настойки и поили им заключённых — лечили от цинги (основной

причины смертности). Правда, потом в эффективности этого средства усомнились.

Из леса вытекала каменная река – **курумник.** Лошади по нему идти трудно, да и нам — не очень.

Мы вступили в царство вечной мерзлоты. Конечно я уже был с ней знаком. Знал, что колышки в неё не забьёшь, не то что шурф, яму для отходов или фундамента не выроешь, червей и тех не накопаешь. И цветы не посадишь.

Большая неприятность - тарын - гигантская наледь в

несколько метров толщиной в несколько метров. Длина такого тарына иногда несколько

километров, за лето он не тает. Ещё хорошо, если его можно обойти, а то приходится его штурмовать с лошадьми. Некованые кони скользят, как на катке, падают, разбрасывая вьюки и сёдла.

На обрывах рек склоны — типичный торт Наполеон: слои льда (чистого, блестящего на солнце льда) и слои грунта. И сверху — тонкий (2–5 см) слой почвы. Настоящая почва, даже гумус есть. Но ей не повезло — лежит она на подстилке, температура которой за тысячелетие ни разу не поднялась выше 0° С. Местами почва сползла со склонов.

Идти было тяжело, ноги тонули то во мхах, то в болотах, скользили на камнях, путались в кедраче. Иногда случалось падать и даже катиться по склону. Разнообразили путь курумники (курум по-тюркски, то ли скала, то ли камень) — реки камней. Это были не привычные осыпи. Те действительно сыпались и я вместе с ними. Здесь же была не щебёнка, а крупные, не обкатанные камни. Курумники лежали неподвижно, хотя и выглядели как каменные реки. Местами встречались и моря. Под ними шумела вода. Провалиться в неё не хотелось.

Интересно, почему на Алтае курумники зовут уронниками?

Сначала ходить по курумника мне понравилось, всё же что-то твёрдое и за ноги не хватающее. Но потом ноги стали сбиваться: камни всё же острые, это ощущаешь даже, когда ты в кирзовых сапогах на толстой подошве. К тому же иногда камни маскировались мхом, при прыжке на такой, мох слезал и ты проваливался щель. Так можно и ногу сломать! Особенно, если ты с рюкзаком тяжёлым.

Возможно у вас сложилось мнение, что я описываю безжизненное пространство.

Ничего подобного!

Всюду была жизнь. Природа радовалась весне. Да, жизнь была тяжела, да были ветра, снег и морозы. Но всё позади. Наступает и почти уже наступило тепло.

Зацвели даже курумники! Даже вечная мерзлота зацвела.

Если присмотреться, то мхи, лишайники, ягель и ещё что-то растущее (не знаю, как называется) цвело и колосилось. На микро уровне. Хорошо бы смотреть в лупу, но и без неё было видно, что жизнь цветёт и пахнет. Понятно, что для цветов важна яркая окраска – пчёл привлекать. А лишайникам-то яркие цвета зачем? Что изменится, если они серыми будут? Тем не менее они раскрашивали себя, украшали окружающую среду. За что я им благодарен.

Помимо микро, были и макро-цветы. Нет, ни розы и не георгины. Цвёл багульник. Я слышал о нём, но увидел впервые. Название у него интересное: по-гречески означает ладан (обладает отчетливым смолистым запахом), а по латыни — болотный. Обычно кусты небольшие, но встречались и под два метра. И росли они не всегда на болоте. Но всегда пахли: сильно, бальзамно и одуряюще. Багульник цвёл красиво. Мне понравилось. На даче можно посадить. Примечательны были отдельные кусты, но буйство красок наступало, когда багульник покрывал всё пространство.

Куст – совокупность палок, торчащих из одного и того же места.

Флора расцветала, но не дремала и фауна: она пробудилась от спячки. Раздался свист, я обернулся и увидел суслика. Он солдатиком стоял на камне и рассматривал меня, как баран новые ворота. Такое он видел впервые. Я такое тоже. Познакомились. Выглядел он упитанным, одет в пушистую рыжеватую шубу с рисунком из крупных светлых пятен на спинке и более светлой – палево-ржавой на животе. Голова коричневая. Сам довольно большой, туловище сантиметров 30. Граф бросился на него, но тот мгновенно исчез в камнях. В нашем походе евражки встречались повсеместно, со свистом появляясь и исчезая в самых неожиданных местах.

Другим животным был бурундук. Очень поход на белку, но меньше её и повадки иные. Длина сантиметров 15 и хвост 12. Окраска пёстрая: на спине на серовато-буром или рыжеватом фоне проходят 5 продольных чёрных полосок, разделённых светлыми. Брюхо беловатое. Хвост сверху сероватый, снизу ржавый. Волос короткий и грубый. Защёчные мешки большие — много в них чего можно сложить, если это чего добудешь, естественно.

Он носится по деревьям не хуже белки, но живёт в норах. Я его обычно наблюдал бегущим по поваленному дереву, а не сидящем высоко на ветке. При опасности бурундук свистит, переходя на резкую, почти птичью, трель. Перед дождём он издаёт «бурунбу-рюбурун», за что и получил своё название.

Но не только что-то бегало и скакало. Много чего ещё и летало. Помимо комаров, присутствовавших в избытке, появились мухи и даже слепни. Кричала невидимая сойка. Из кедрача вылетела кедровки (а кто же ещё?!). Размером с нашу галку, может несколько меньше. Вся она коричневато-бурая, с белыми пятнами, которых нет только на верхней стороне головы. На конце хвоста светлая кайма. По-своему красивая птичка. Однажды из кустов со свистом: «Витю видел?» вылетела красноголовая птичка. Эту я знаю. Это - птичка чечевичка. Прилетают они к нам в Подмосковье на лето. В небе кружили ястребы.

Многие птицы (мне встретились белые куропатки да утки), затаившись в кустах, сидели на яйцах И мы и собаки им сильно мешали.

Так или иначе, но Зима прошла, настало лето, спасибо партии за это

Бродили мы с Афонасом часов шесть, обошли все окрестные горки, речки и болота. Убедились, что жизнь кипит, но подстрелить (а потом и съесть) ничего нельзя. Так и вернулись: без пуха и без пера.

Мох на камнях опасен для путешественника.

АС набила гранита на 20 кг, но тоже была недовольна — ничего интересного нет. Удачнее всего оказался Анатолий: рыбу он наловил. И довольно много. Четыре хариуса!

Очень красивая лососёвая. Спина однотонная, тёмно-серая, бока голубоватосеребристые, по ним разбросаны чёрные пятнашки различной формы. Спинной плавник, как павлиний хвост. Флаг цветист и ярок, узор из красно-бордовых пятен и полос. И это ещё не всё: крупное красноватое пятно над брюшными плавниками, на которых имеются косые красно-бурые полосы, отливающие фиолетовым оттенком; хвостовой плавник красно-бордовый. На спине — маленький жировой плавник, подчеркивающий благородство кровей этой рыбы, его родственную связь с лососевыми.

Пойманные хариусы – рыбы не маленькие, самая большая тянула на килограмм. Анатолий и подоспевший каюр быстро очистили рыбу. Кажется у Чехова ставится важная проблема как чисть рыбу: с хвоста или головы? Всё просто: хватай рыбину за хвост (чтобы пальцы не скользили, их нужно обмакнуть в крупную соль, если она у тебя есть) и

чисти от хвоста к голове. Мне, впрочем, не доверили. Рыбы выпотрошили, отрезали хвосты и головы. Две разрезали вдоль туловища, получили четыре дольки, которые и засолили. Съели их через час. Очень вкусно! Лучше селёдки. Две остальные вываляли в муке и соли и зажарили на большой чугунной сковороде, которую, как оказалось, не зря с собой таскаем.

Так что слегка попировали.

Весной украшает себя даже курумник.

Вечной мерзлоте жизнь не заморозить.

На следующий день свернули лагерь. Собрали барахло, разбросанное по всей округе, упаковывали его, поймали лошадей, ушедших довольно далеко, оседлали и навьючили их. Двинулись мы на север, вниз по долине Адычи, постепенно удаляясь от правого берега. Местность стала холмистой, лес в распадках гуще и хоть как-то стал напоминать тайгу. Лошадь моя носить стала меньше. Но всё равно я раза три грохнулся с неё. Один раз вовремя освободился от стремян и покатился в кусты, второй раз — Сатера долго волочил меня по земле, но потом утомился и встал, в третий раз я удачно ухватился за ствол дерева, мерин растянул меня, как червяка, но я его тормознул.

Студент – ковбой

Голова – что булава.

Ковбои входят в нашу жить с детства из кинофильмов и книг. Сильные люди! Ну а мы, русские интеллигенты? Думаете, мы хуже? С ковбоями то и дело неприятные казусы случаются. Помните, как в романе «Всадник без головы» у одного фраера понесла

лошадь, он треснулся башкой о сук и помер? Так вот, однажды в густом лесу меня тоже понесла лошадь. Она вынесла меня прямо на горизонтально простиравшийся сук. Настоящий шлагбаум! Я принял его головой. И что? Дерево вырвалось с корнем, повисло у меня на плечах. Так мы и скакали дальше: Сатэра, ель и я.

Забота

У всякой работы свои заботы.

Однако не всё время двигались по тропам и по более-менее прочной почве. Встречались ещё и болота. Довольно топкие надо сказать. Успели оттаять на мою голову

Зимой по верхоянскому району ещё можно путешествовать, но летом... Это песня! Мерзлота оттаивает, и леса превращаются в болота. Лошади проваливаются по брюхо, а то и с головой. Однажды мы форсировали какое-то урочище. Впереди ехал каюр, у него на аркане — три вьючных лошади. Все это ухнуло в тину, забилось в истерике, а каюр вообще исчез с земной поверхности. Мы с Сатэрой бросились на помощь. Но тут и мой мерин решил тонуть. Каким-то образом я оказался под ним. Седло с привьючкой съехало точно на меня. Нырять принудительно неприятно и в прозрачных водах Бискайского залива, а в болотной жиже — без кайфа. Понял я, что без акваланга долго не протяну. Пора принять меры по спасению своей молодой жизни. С трудом добравшись до ножа, я высвободил его из ножен и стал перерезать ремни-верёвки, мешавшие всплытию. Запаса воздуха хватило, и я вынырнул на поверхность. На «берегу» на рыжем коне восседала Анастасия Семеновна и близоруко всматривалась вдаль. Я снова нырнул и стал перерезать стремена. Опять вынырнул.

- Игорь! Игорь!
- Что? успел спросить я, польщенный заботой, и, как кит, выпустил фонтан.
- У тебя ноги мокрые?
- Да! отвечал я, снова опускаясь на дно.

А вы говорите: серая тундра, серый лес, серое небо, вечная мерзлота. Нет, ребята, тут всё красочно, всё рельефно и жизнеутверждающе.

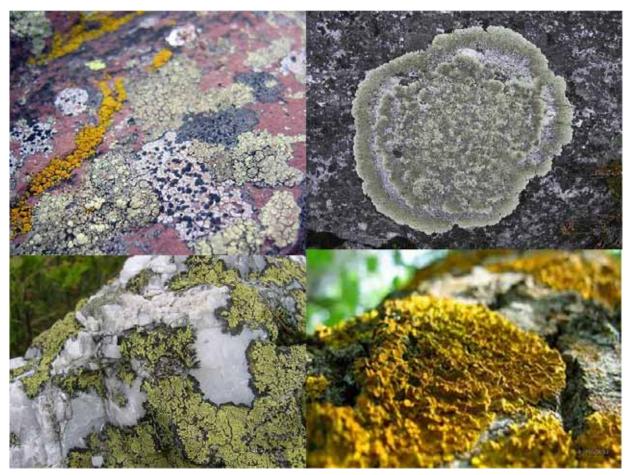
Грибы тут есть, но мелковаты.

Пришло лето и черемша зацвела.

Всё что может цвести – цветёт и цветёт бурно. И даже красиво.

Весной красивы даже лишайники.

Сколько же форм сотворила природа! Зачем?

Обычно багульник болотный – скромный кустик.

Так цветёт багульник.

Воздух был наполнен резким одурманивающим запахом багульника.

На камне стояла евражка и с интересом рассматривала меня.

Бурундук похож на белку, но всё же не белка.

Кедровка может накопить и унести с собой 100 кедровых орехов за раз.

Хариус - рыба красивая. И вкусная.

Капканы

Ума нет, а хитрее зверя.

Из кедрачей вылетали кедровки, благим матом орала сойка, подражая ударам топора, свистели евражки, собаки кого-то ловили и непрерывно жевали. Пищали комары.

Жизнь продолжалась.

Двигались мы по тропам, иногда широким, иногда узким, а то и еле заметным. Бывало тропа исчезала — то ли мы сбивались с неё, то ли срезали путь. Случалось, что лошадь шла меж деревьев и застревала в них выочными ящиками. Приходилось за хвост тянуть её обратно. А то передняя лошадь обходила дерево слева, а задняя — справа. Мгновенно они запутывались, седла—выоки летели на землю. Приходилось спешиваться, лошадей распутывать, вещи собирать и выстраивать караван заново.

Хотя дорог не было, присутствие человека ощущалось. Довольно часто встречались капканы: иногда на птицу, но чаще на пушного зверя — куницу, соболя, горностая, зайца, лисицу или белку. Были и ловушки на медведя (самих медведей не видно — наш лающий караван их распугивал). Железных и вообще капканов заводского изготовления не было. Ручная работа.

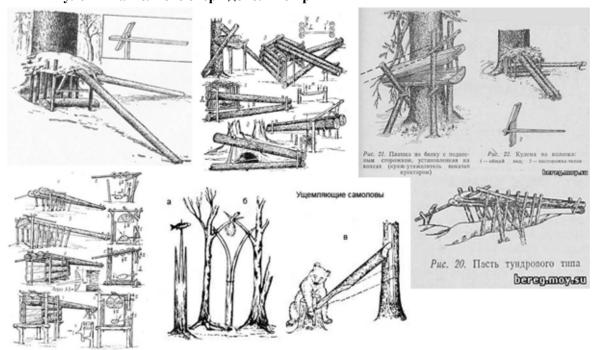
Я их рассматривал, как экспонаты в музее, но потом жизнь обернулась так, что и мне пришлось ради пропитания заняться изготовлением капканов-ловушек и их практическим применением. Чтобы не отвлекаться на них при рассказе о бурных приключениях, опишу их сейчас.

Ловушка на зверя называется кулёмой (какова связь этого термина с кулёмой – неловким или неумелым человеком (недотёпа, валенок, растяпа), так и не понял), наверно

от слова куль, на который некоторые из людей похожи.

Кулёмы на мелкого зверя довольно примитивны.

Ловушки бывают разных конструкций.

Кулёма — ловушка давящего типа, предназначена для ловли или убивания зверя давящим предметом. Хищник хватая приманку приводит в действие спусковой механизм, бревно падает на него и убивает (или запирает в ящике). Кулёма на медведя имеет вид треугольника, две стороны которого образованы заборами, в рост человека, третья же сторона состоит только из порога, над которым настораживается слега — тяжёлое, до 10 м длиной, бревно, которое своей тяжестью убивает зверя в тот момент, когда он, переступая через порог, хватается за привязанную внутри кулёмы наживу.

Некоторые кулёмы были по-прежнему насторожены, приглашая войти (я не стал), другие сработали и были пусты (медведя кто-то утащил), но в одной ловушке медвежья

туша продолжала оставаться под брёвнами, хотя и была в значительной мере съедена расторопным зверьём. Интересно, мужики строили, строили сооружение, какого-нибудь телёнка туда затаскивали, а потом даже не пришли посмотреть, что из этого вышло.

Ловушки на медведя – целые сооружения, требующие многих усилий.

Гора Кинилях Ты на гору, чёрт за ногу.

Тропа была неплохой, довольно набитой и терялась лишь изредка. Она петляла меж холмами, параллельно Адыче, 10–15 км от реки, и уверенно шла на север. С какого-то мелкого перевала стала ощущаться перерезающая нам путь долина Туостаха, когда слева мы увидели сопку, увенчатую скоплениями останцов — кигиляхов. Сопка, как сопка, ничего особенного, проследовали мимо без всякого энтузиазма.

Не знали мы тогда, что в 21-ом века на берегу Туостаха, по ту сторону сопки будет построена турбаза. Холм этот (2 часа неспешного шага на вершину) назовут горой Киһилях (на наших картах ничего подобного не было, даже высоту сопки поленились написать; таких тут сотни, если наносить цифры на карту – места не хватит), экстрасенсы (наши современные шаманы) объявят центром Вселенной, Якутской Гипербореей, Северной Шамбалой, энергетическим источником, присвоят звание лечебного центра и будут затаскивать на вершину больных, страдающих заболеваниями опорнодвигательного аппарата (назад они, видимо, бегут вприпрыжку, сходу выздоровев).

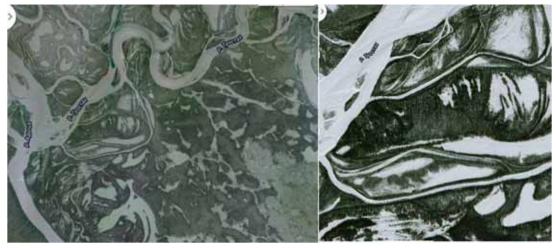
Не знали мы, не знали. А то бы развернули коней и поскакали бы наверх к каменным великанам. Глядишь, на душе стало бы легче...

Бросил ленивый взгляд на всю эту красоту и последовал дальше.

Впрочем: Если гора не идет к Магомету, то пусть идёт к чёртовой матери.

Гранитные останцы на сопке Кинилях.

Вид на сопку Кићилях из космоса: мы обошли её справа, двигаясь на север в долину Туостаха. Обратите внимание какая сложная дельта к Туостаха - множество проток, стариц и озер.

Tyocmax

На поляне у реки Сели в лодку рыбаки Сеть закинули в траву, Ловят щуку и плотву. А почему на берегу? А потому, что пофигу.

Долго ли, коротко, но мы вышли к реке Туастах – правому притоку Адычи.

Разбили лагерь. Лодки-веточки не оказалось и я накачал лягушкой надувную резиновую лодку, которую не без труда извлек из вьючника.

Судно надо испытать. К примеру, смотаться на тот берег, потренироваться с переправой.

Я столкнул лодку в воду и прыгнул в неё. Нас немедленно понесло, но не на тот берег, а вниз по течению. Лодка оказалась вовсе не веточкой, и даже не байдаркой. Там смотришь, куда едешь, и гребешь одним двухлопастным веслом. А здесь я сидел спиной к направлению движения и должен был интенсивно вертеть головой, чтобы понять, где цель вояжа. Весла два, грести надо обоими и желательно с одинаковым усилием, что не просто, т.к. временами одно весло идёт по воде, а другое - по воздуху. В принципе, это мне знакомо: на родной Уче была лодочная станция и на её лодках я плавал от плотины до плотины. Но там была большая деревянная посудина, длинные весла в уключинах. Можно было мощно грести, то складываясь пополам, то откидываясь на спину. При этом двигаться не торопясь, корректируя путь. Вода была неподвижна. Здесь же я сидел в чёмто разлапистом и надутом, категорически отказывающимся плыть туда, куда велено. Весла короткие и хилые. Зарывать их нельзя, тут же сломаются (что, кстати скоро и произошло). Плыл я в корыте, плескаясь вёслами. Я бы приспособился, если бы не быстрое течение, с перекатами, шиверами и порогами. Лодка вертелась вокруг оси. Мы агонизировали. О другом береге (хотя он был недалеко) пришлось забыть. Прижался к своему и десантировался. Обратно шёл, пробираясь сквозь лозняк и таща лодку на бечеве.

Между тем в лагере Афонас достал сеть и начал её готовить к промышленному лову.

Сеть – много дырок, связанных между собой верёвкой

В то время у нас в стране ставные сети были запрещены к продаже, но каюр её сам сплёл в долгую полярную ночь. Называл он её унянг (или что-то вроде того, точно не расслышал). Кручёная нитка — крапивная пряжа (Где он в этих краях нашёл столько крапивы? Сам рвал, или послал кого? Крапива просто так не даётся). Длина — чуть ли не 10 метров, высота — под 1 м. Поплавки были не из пробки, а из прошитой в несколько

слоёв или свернутой рулоном бересты. Грузила были вовсе не из свинца, как вы решили. Их каюр изготавливал на месте (действительно, не возить же их по тайге на лошадях). Он нарезал лозняка и обвязал им камни. Я сунул пальцы в ячейку – вошли три. Я не спец по сетям, но знаю, что это – одностенная сеть, т.е. жаберная, т.к. рыба застревает в ней, цепляясь плавниками и жабрами.

Ставную сеть надо ставить.

Я накачал лодку и спустил её на воду.

Занялись этим втроём: Афонас, Анатолий и я. Учитывая мой недавний опыт, бросили сеть в лодку, саму лодку вытащили на берег и понесли её по распадку вверх по течению. Нашли подходящую протоку с более-менее спокойным течением. Протока небольшая и не важно, у какого берега ставить сеть. Это на большой реке, на Яне или там на Адыче, берег важен — рыба всегда идёт вдоль подветренного берега, поскольку у него волны вымывают из дна и берегов большое количество корма. Но здесь таких проблем нет. Один конец фала взял Анатолий и бродил с ним по берегу, подчиняясь командам каюра, а другой взял я, и переправил его на лодке на другой берег, где и привязал к какойто коряге. Афонас на лодке, держась за фал и подгребая вёслами, перемещался с одного берега на другой, вытравливая сеть. В конце концов поставили сеть в форме буквы «Г»: конец сети касался берега, одна часть сети вытянулась поперёк реки, а вторая —

параллельно берегу. Сложная форма разумом диктуется хитростью лососёвых, способных уходить из прямых сетей. Поэтому наша снасть ориентирована так, что поднимающаяся рыба оказывалась окруженной с трёх сторон; место было зафиксировано изгиба сети булыжником, якорем мощным который я с трудом извлёк курумника и притащил к реке.

На осоке скопилась икра неизвестного происхождения, но вкусная.

По дороге домой, поскольку ломились сквозь лозняк, камыши, тростник, осоку и ещё что-то трудно проходимое, то собрали рыбью икру, местами окутывающую стебли осоки. Я надеялся, что будет крупная

и красная (всё же лососёвые тут проплывают), или мелкая, но чёрная. В реальности оказалась мелкая и серая. Уж не знаю, какие рыбы постарались. Икру мы очистили от слизи, засолили и съели за ужином. Можно сказать – деликатес.

Сегодня несколько раз купался в одежде, потом долго сидел у костра, сушил её. Экспедиционные штаны слегка подгорели. Образовалась дыра. Лежа под пологом развлекался художественной штопкой. До Саги руки не дошли.

Утром каюр встал рано, долго чем-то гремел, разбудил меня. Я вылез из палатки: всё же интересно, что принёс нам невод. Вдвоём пошли к промыслу. Каюр на лодке, держась за фал, постепенно извлекал из воды сетку и вытаскивал из неё рыб. Попалось много. Сидя на берегу, мы отпустили на волю всех длиной менее 20 см (только Анатолий отобрал себе несколько мелких на уху). Но и оставшихся (некоторые более трети метра) оказалось штук тридцать. В лагерь мы их несли в четырёх вёдрах.

Как оказалось, отобрали мы лососёвых. Из них я вчера познакомился с хариусом, а сегодня мне представили: ленок — любитель перекатов (тело в форме бруска, рот маленький с небольшими острыми зубами, чешуя мелкая, плотная, окраска серебристая с тёмно-серой спинкой, плавники с желтоватым отливом), русские зовут его сибирская форель; сиг — арктический омуль; чир (мясистое, сжатое с боков тело, чешуя плотная, крупная, окраска спины тёмная, бока серебристые с золотистым оттенком) встречался чаще всех; таймень попался один, был он самый большой из добытых сейчас рыб, но, видимо, молодой (таймешонок): расти бы ему и расти, ибо таймени вырастают до 2-х метров и весят до 80 кг, хищник он страшный, жрёт всё подряд и однажды чуть не утопил нашего Анатолия. Тело у него удлинённое широкое, свинцовый окрас с чёрными пятнами, плавники, кроме спинного, ярко-оранжевые, голова несколько сплюснута с боков и напоминает щучью (его и зовут красной щукой). Крупную свою икру таймень откладывает на галечный грунт. Он обожает быстротекущие воды. По силе, быстроте и уму таймень не имеет соперников в сибирских реках. Могу подтвердить.

Говорят блюда с тайменем – верх гастрономического искусства. Не знаю, пирогов не случилось, но и так, в варённом и жаренном виде он хорошо пошёл.

Многие рыбы несли икру, её мы извлекли, собрали и употребили.

Вся экспедиция достала ножи и принялась за чистку, потраш, соление, варение, жарку. Часть засолили, часть заморозили в леднике (в толстая жила льда располагалась прямо в лагере), часть вываляли в муке и соли и отправили на жарку, а остальное — на уху. Поварами выступили АС (жарка на чугунной огромной сковороде) и Анатолий (тройная уха). Между поварами временами вспыхивали склоки, поскольку для варки и жарки костры должны быть разные: кому огонь, кому — угли. Костром заведовал я.

Уху я когда-то ел: и в столовой и дома, так что знал уха — рыбий суп. А вот и нет! Уха — самостоятельная форма искусства. Её отличает очень малое количество овощей, прозрачность и наваристость бульона, ограниченное количество специй. Тут главное — рыба. Всё остальное лишь подчеркивает её вкус. Мы эти требования выполнили легко — специй у нас не было никаких, равно как свежих овощей. Правда у нас завалялась единственная проросшая луковица, которую тут же отправили в ведро. Был и сушённый картофель. Зато рыбы у нас много, и разных сортов.

В России лучшей рыбой для ухи считается судак, ну, а у нас сиг пошёл удачно. Мелкую рыбу чистить не стали, отрезали головы, завернули в марлю противокамаринового полога, сварили, извлекли и выбросили. У рыбы второй очереди удалили жабры, плавники, выпотрошили и сварили вместе с молоками и икрой, и, естественно, с головами, поскольку именно они придают насыщенный вкус. Поварив немного, избавились и от этих рыб. Получился наваристый бульон (кажется он называется юшкой). Сиг порезали большими кусками и они замечательно смотрелись в бульоне. Чтобы раствор был прозрачным АС снимала с него пену. Для дополнительного осветления она использовала икру по методике: 1/3 кружки рыбьей икры растираешь, вливаешь ½ кружки холодной воды, кружку горячего процеженного бульона туда же, всё

это — в ведро с ухой, мешаешь, закрываешь ведро крышкой и варишь на слабом огне 15 минут, потом цедишь и вновь доводишь до кипения. Обошлись без лаврового листа, перца горошком и даже без рюмки водки. Сняли с костра, дали постоять минут десять и разлили по мискам.

Когда я ем я ем и ем.

Да, ребята, бывают моменты, ради которых стоит шляться по лесам, тундрам и болотам!

Доели последний кусок хлеба, больше я его до конца поля не видел.

А на второе у нас был жареный таймень. Тоже, я вам скажу, продукт замечательный. Хоть его толстые ломти в центре не пропеклись и были сыроваты, но всё равно – прошли со свистом.

В Москве – Лос-Анджелесе – Иерусалиме вам такого не дадут.

Счастье есть! Оно не может не есть.

Добыча образцов

Поднял камень – пойми его.

День у нас выдался рыбным, понятно – четверг ведь.

Рыба воду любит. Посему, долго гоняли чаи. Поговорили о диссидентах и тунеядцах, ссылаемых в эти края.

Поскольку славно потрудились, то предались сиесте. Пару часов с удовольствием поспали. Потом я с АС пошёл добывать образцы горных пород.

Вооружились мы геологическими молотками, геологическими же компасами. Я прихватил дроб, и мы направились к скалам, нависающим над водами Туастаха.

Геологический молоток – вещь полезная.

Внешне он напоминает домашний молоток, но не слишком. Железная часть его изготовлена из очень хорошей стали. Я лупил им по скалам изо всех сил и он оставался цел, домашний же давно бы разлетелся на осколки. Форма железяки тоже иная: один конец четырёхугольный боёк, а другой поперечно острый, с длинным несколько загнутым клювом и квадратным бойком. Ручка довольно длинная, почти пол метра, овальное сечение, торцы слегка закруглены. Мне очень понравилась древесина, прямослойная, вязкая и прочная. Говорят, это кизил. Как-то не верится, кизил ведь куст с красными ягодами (кислятина). Из куста такую палку не настрогаешь. Хотя известно, что крест, на котором распяли Христа, был из кизила. Наверно, в теплых краях кизиловые деревья произрастают...

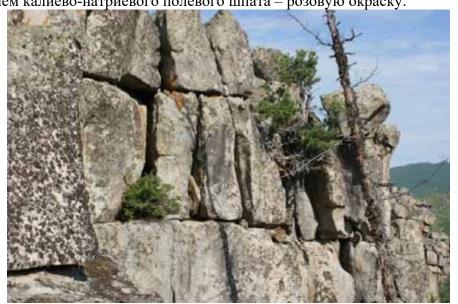
Привезли мы из Москвы молотки в разобранном виде, так что мне пришлось их собирать в Батыгае. Рукоятка с одного конца имела небольшую конусность. Именно этот конец я без особых усилий вставлял в проушину, после чего постукивая другим молотком насаживал молоток до отказа. Рукоятка высовывалась из железяки, в ней я делал два пропила. Расклинив надрезы (сначала продольный, потом поперечный), забил в них до отказа клинья, то ли из дуба, то ли из бука, не знаю, нашёл на помойке остатки старого кресла. Выступающей конец отрезал пилой заподлицо. Готово.

Молотки и топоры мы на ночь клали в лужу или в ведро с водой. Древесина распухала и железяка прочно сидела на ручке.

Этот молоток использовали по назначению: для отбивания кусочков горных пород – образцов для анализа. Но я так же опирался на него при крутых подъёмах, вырубал ступеньки в ледниках или на скользких склонах, нащупывал брод в речках, использовал, как стул, на болотах, иногда открывал консервные банки. Полезная вещь.

Прошли мы три километра и достигли крутого обрыва, можно сказать бома, на который наваливались воды Туастаха. АС бросила на камень ватник, села, закурила короткую сигарету Дукат и прочла краткую лекцию о граните. То, что гранит происходит от слова гранула (т.е. зерно) знает даже студент МГУ. Структура его кристаллически-зернистая. Состоит гранит из кварца, плагиоклаза, калиевого полевого шпата и слюды –

это ещё в школе проходили. Порода кислая (понятно: кварц, кремнёвая кислота). А вот, что она магматическая интрузивная порода, к тому же очень древняя, услдышал впервые. Гранит – продукт кристаллизации кислой магмы в глубинных зонах земной коры. Розовокрасную окраску граниту придаёт калиево-натриевый полевой шпат, поэтому плагиогранит, содержащий большие количества плагиоклаза, и не содержащий полевого шпата и тёмноцветных минералов, имеет светло-серую окраску, а аляскит с преобладанием калиево-натриевого полевого шпата – розовую окраску.

Образец надо добывать в глубине блока. Задача не простая.

Много пришлось переколотить мне камней, пока я нашёл лейкократовый гранит.

Лейкократовый гранит содержит мало тёмноцветных минералов, поэтому он имеет светлые оттенки или вообще бесцветный. Он образуется при всплывании лёгких светлых минералов при кристаллизации магмы, обогащённой летучими компонентами.

Нам нужны такие граниты. Не из-за из цвета, а потому что они содержат заметные количества редкоземельных и

радиоактивных металлов. Их то мы и ищем.

Под действием суровой окружающей среды, граниты разрушаются. При их выветривании из полевых шпатов образуется каолин и другие глины, кварц обычно остаётся неизменным, а слюды желтеют («кошачье золото»). Вот этого не надо. Поскольку булыжники сверху покрыты именно полуразрушенным материалом, то его надо сбивать и выбрасывать, добираясь до цельного монолита. Добычу в виде камушков размером с грецкий орех собирать в мешок.

Дав ценные советы, АС удалилась, то ли по геологическим, то ли по более прозаическим делам.

Я подошёл к скале, представлявшей собой стену из плотно уложенных камней размером с кубический метр каждый, максимально разделся (с учётом комариной обстановки), поплевал на ладони, схватил молоток, размахнулся во всю богатырскую мощь и треснул по стене. К моему удивлению стена устояла. Получился абсолютно упругий удар: с какой скоростью молоток подлетел, с такой и отлетел. Сработал закон

сохранения импульса. В лишайнике появилась дырка, но не более того. Гранит не пострадал, на нём даже следа моей деятельности не проявилось.

 Однако, – подумал я, – Правильно говорят, что гранит – прочная порода. Его бы аммоналом...

Надо было модернизировать тактику. Я перебрался в краю стены, вновь размахнулся как метатель молота. Увы! Молоток не достал до стены и просвистел мимо, я последовал за ним, как гном из "Белоснежки и семь гномов". Хорошо, хоть не в реку. Но с третьего раза я попал, отбил кусок. При этом образовалось множество осколков, которые посекли мне лицо и слегка повредили Барона, который тут вертелся, пытаясь мне чем-то помочь. Так и без глаз остаться можно! К тому же основной кусок улетел в кусты и скрылся, а скол на ребре оказался ржавым и разрушенным.

Понял я, что предстоит серьёзная работа.

Не умел шить золотом, так бей молотом.

Удар за ударом обрушивал я на скалу и постепенно дело пошло. Часа через два я был весь в мыле, а в кубе образовался пролом чуть не до центра. Гранит был идеальным, слегка розовым. Посмотрел нет ли алмазов, золота, или красивых кристаллов. Ничего такого. Я бы и дальше гранит измельчал, но кизиловая ручка сломалась, рабочий инструмент погиб. Начал собирать наработанную крошку в мешок. Тут появилась АС и подивилась моей деятельности.

— Игорь! Ты зачем скалу портишь?! Чем она тебе помешала? Русло Туастаха поменять хочешь? И почему у тебя образцы из одного камня? Как статистику набирать будем?

Оказалось, что я не со стеной бодаться должен, а бродить по курумнику, выбирать камни, что легко колются, и уже их дробить. А скалы – нет, не нужны!

Так сказала бы сразу! А то не сломайся молоток, я бы сквозь гранитную стену туннель проложил...

Цирк

Как за речкой на заре Ехал милый на коне. Статный, ладный, как ковбой! Вот такой он мой герой!

Как сами будем перебираться на другой берег и переправлять вещи было понятно. Агонизируй, не агонизируй, а на надувной лодке всё перевезти можно (если на топляк не нарвёшься, и лодку не пропорешь). С собаками тоже нет проблем. Трудности с лошадьми: веточки нет, за уздечку коня тянуть не станешь (он тебя сам вместе с лодкой потянет, куда захочет), течение быстрое, перекаты, деревья с выдранными корнями сплавляются. Коням следовало плыть самостоятельно. Добровольно, по велению сердца и нам подражая. Но им этого не хотелось, они не любят заплывов по половодью. Даже тренинг Адычи их не вдохновил.

Особенно этой перспективой был возмущён лошадиный лидер Брут. А в табуне принцип – пусть думают вожди – основной. Вождь не будет, не будем и мы. Тем более, что сейчас мы с ним согласны.

Пришлось загонять табун в воду насильно.

Каюр и АС бегали пешком, размахивая камчами, а мы с Анатолием — верхом теснили коней к реке. Нам активно помогали собаки, которые мгновенно просекли задачу. Однако табун слабо реагировал на наши усилия. Лошади в рассыпную метались по дресьве (довольно крутой берег и собаки не давали им возможность удрать в тайгу, а то мы бы их только видели). Некоторые на полном скаку летели к воде, делая вид что готовы к заплыву, но в последний момент резко поворачивали и скакали обратно. Ажиотаж возрастал: цоканье копыт, ржанье, лай собак, мат—перемат, пыль столбом. Без пользы. Лошади в мыле, мы в поту.

Пригнувшись к шее Сатеры, ударяя пятками ему в бока, гнался я за Брутом. Сатера завёлся и мы активно сближались. До воды оставалась пара метров. Брут готовился к коронному номеру: поворот на 90° .

– Врешь, не уйдёшь!

Сатера шёл намётом. Я высвободился от стремян и во весь рост встал ногами на седло (!!), после чего мощно прыгнул на спину неоседланного Брута (!!!). Такого он не ожидал (никто не ожидал, я — меньше всего). От неожиданности конь присел, передние ноги к него подогнулись и мы скатились в воду.

В жизни всегда есть место цирку. Бывает вся жизнь — цирк. Раз получилось — надо бы продолжить. Жизнь будет веселей. Увы! Прожил я длинную жизнь, но ни разу не удалось мне повторить этот подвиг. В Москве однажды с дивана на диван прыгнул. И всё!

Увидев, что вождь рванул на другой берег, сначала Сатера, а затем и остальные лошади перестали кочевряжиться, вошли в воду и поплыли за нами. Мы уселись в лодку и стали их догонять.

Плыть надо против течения. И высоко поднимать голову.

Крепко сжимал я шею Брута, удерживая её над водой, стараясь, чтобы вода не попала ему в уши и ноздри. Попадёт — пойдём ко дну вместе. Не знаю, как ему, а мне туда точно не надо.

Он молотил копытами, я извивался, чтобы он не попал ими по мне. Ногу однако держал поперёк крупа: побежит на берег вместе со мной. Плыл он сначала по-собачьи, потом вроде как брасом, а потом — баттерфляем (та ещё бабочка!). Постепенно я отпустил шею и держался уже за гриву, причём был выше коня по течению (тот почти лежал на боку и бил копытами в противоположную от меня сторону). Течение сильно прижимало меня к телу лошади (лихие казаки переплывают, не вылезая из седла, но я не казак и седло мы сняли).

Вода ледяная, она быстро подступила под гимнастёрку и сильно меня охладила. Мокрый гидрокостюм реализовался, но плохо. Я оторвался от мерина и отчаянно махая руками и болтая ногами самостоятельно поплыл к правому берегу. Повезло: течение наваливалось именно на этот берег, так что я застрял в зарослях лозняка, тальника или ивняка — не знаю, как это называется. Выбрался на берег. Ниже по течению стоял Брут и судорожно отряхивался от воды. Он призывно заржал, и скоро весь табун собрался вокруг него. Прибыли и собаки.

Я переоделся и принял участие в челночном перевозе шмоток на надувной лодке.

Разбили новый лагерь, я залез в палатку и с чувством выполненного долга стал читать Сагу.

Он был слишком стар, чтобы вдруг стать либералом, давно уже перестал верить в политические доктрины своего клуба, даже называл их, как это было известно, «белибердой», но ему доставляло удовольствие быть членом клуба, принципы которого так расходились с его собственными. Старый Джолион всегда презирал это учреждение и вступил сюда много лет назад, после того как был забаллотирован во «Всякой всячине» под тем предлогом, что он занимался торговлей. Точно он был хуже других! Вполне естественно, что старый Джолион презирал клуб, который принял его. Публика там была средняя, многие из Сити — биржевые маклеры, адвокаты, аукционисты, всякая мелюзга! Как большинство людей сильного характера, но не слишком большой самобытности, старый Джолион был

невысокого мнения о классе, к которому принадлежал сам. Он неизменно следовал его законам как общественным, так и всяким другим, а втайне считал людей своего класса сбродом.

Тайга пустой?

Хорош охотник: убил время и ноги.

На этом лагере мы простояли несколько дней. Я сопровождал АС в походах то вверх, то вниз по туастахской долине, то по реке, то перпендикулярно к ней. Везде колотил камни и собирал осколки, до тех пор, пока на набралось 40 кг — вьючник. На этом остановились, разложили образцы по брезентовым мешкам и мешочкам, всё промаркировали. Пару раз вылезали на обнажения — свежеобвалившийся берег, которые я дополнительно зачищал лопатой. То, что получилось, АС осматривала и что-то записывала в полевой дневник.

Периодически навещали сеть-невод, так что всё время были при рыбе.

Однажды пошли с Афонасом на охоту, но потеряли друг друга и далее действовали самостоятельно. Вернулся я без пуха и пера.

 Пустой тайга, однако, – солидно сказал я, присаживаясь у костра и разрежая ружьё.

Вскоре вернулся каюр.

Он весь был увешан птицей: купалуха, две куропатки, ещё что-то в перьях, мне неизвестное. Рассказал он о следах медведя, о встрече с соболем, куницей и горностаем (стрелять смысла нет – линяют). Принёс он и яйца - куропаток (небольшие и пятнистые) и уток (больше куриных, голобовато-зеленоватые).

Тайга, однако, оказалась полна как птицей, так и зверьём.

Но не каждому дано их увидеть. Тем более – добыть.

B науке, как в лесу: кто-то бродит и ничего не находит, а у кого-то полна корзина грибов.

Радист

Радист вместо тире и три точки (Буй) передал четыре точки Вышло неприлично.

Именно на этой стоянке я стал радистом.

Ещё в Москве, при оформлении в экспедицию, узнав, что я будущий радиохимик, начальство радостно вскричало:

Во! Радистом и будешь!

Анодная батарея штука тяжёлая. Особенно, если их много.

На робкое замечание, что химики — не радисты, а радисты — не химики, никто внимания не обратил. Пришлось мне забрать аппаратуру, причиндалы к ней, и долго рассматривать в задумчивости. На стационарной станции (базе) в Батыгае списал позывные, волны, на которых вести приём и передачу, и расписание связи. Станция была не большой (помещалась во вьючнике), но тяжёлой. Большими и тяжёлыми

были батареи: накальные (катодные на 1,5 B), а особенно анодные (80 B). Поставил я отдельную палатку – радиорубку, где и осуществил монтаж. Получилось солидно – куча проводов. Антенна – отдельная проблема. Провод длинный, с изоляторами и фалами

(диполь называется). Антенну следует натянуть как можно выше параллельно земле и ориентировать на приёмную станцию. А где она, эта станция?!

Пришлось мне долго лазить по местным лиственницам, а с одной и слететь без парашюта. В конце–концов что-то получилось. Продолжавшая антенну верёвка крепились одним концом через изолятор к проводу, а на другом имела крючок, которым было удобно цеплять за ветки.

Надеюсь грозы не будет, а то молния мою станцию разнесёт вместе со мной.

Радист, что наставлял меня по обращению с этой игрушкой, которую я надо сказать никогда не видел и что на ней нажимать не знал ("Играете вы на рояле? Не знаю, не пробовал") рассказал, как он оказался в здешних краях, довольно далёких от родного Питера. Однажды он привычно растянул антенну, как и положено, плоскость её была направлена на юго-запад, на Москву (как сеть на рыбу), но один бдительный работяга, осознал, что провод одним концом смотрит на северо-восток, т.е. на Японию.

– Радист – японский шпион, – сообразил он, и немедленно сообщил, куда следует.

Радиста арестовали, судили тройкой и отправили в верхоянские лагеря. Долго он писал протесты, пока спецкомиссия не показала, что если куда точно не мог пойти сигнал с такой антенны, так это как раз в Японию. Болезного освободили, но оставили на химии, после которой он здесь прижился: ехать было не к кому, и не куда.

Я воспринял это как анекдот и особенно не взволновался. Не потому, что рядом нет доносчиков, а потому, что сейчас времена растительные: шпионы не интересны.

Рация была армейского типа.

Достал рацию из ящика, на котором кто-то написал:

За связь без брака!

Хороший девиз, надо учесть.

На самой рации – рекомендация: "Внимание! Противник подслушивает".

Пусть себе. Замается слушать.

Пару часов потратил на подсоединение батарей, освоение тумблеров катод-анод и настройку на требуемые волны (на передатчик – одну, на приём – другую). Хорошо, хоть расстояние до Батыгая невелико, можно разговаривать, а то пришлось бы ключом азбуку Морзе отбивать, то-то народ оттянулся, издеваясь.

Надел я наушники, взял в руки микрофон и нажал кнопку:

— Е-ка-ка 24, е-ка-ка 24, я — Светлана, я — Светлана, как слышите? Приём!

И отпустил кнопку.

Монотонно повторял я эту фразу раз за разом, вращая пупочку вблизи нужной волны. Наконец, сквозь вой и визг в наушниках раздалось:

– Привет, Светлана! Приём.

Прямо чудо!

Зауважавшая меня АС, оповестила базу, что Адычу и Туастах мы форсировали, все живы–здоровы. Чего и вам желаем. Договорились о следующем сеансе связи.

Все были довольны, я тоже. Когда связь есть, жизнь устойчивей.

Вот почему во всех дальнейших экспедициях, а их случилось 21, я исполнял должность радиста.

Первая охота

Ах, охота, ты, охота! Мне охотиться охота!

По гороскопу я - рак, и по некоторым признакам — типичный. Много позже я прочитал у какой-то английской тётки описание поведения рака на охоте. Как она узнала не знаю, но она очень точно описала мои действия.

Интересно наблюдать за раком, когда он на что-то нацелен. Это удивительное создание никогда прямо не приблизится к вожделенному объекту, а будет делать обходные маневры, не выпуская его из поля зрения. Если вдруг объект, на который он «положил глаз», захочет удрать или кто-то посторонний вознамерится на него покуситься, рак тут же подскочит к взлелеянному предмету и вцепится в него. Поведение Раков аналогично поведению их тезок. Поставив перед собой цель, Рак никогда не пойдет напролом. Он будет кружить, делая вид, будто занят чем-то другим, и внимательно наблюдать. Но стоит ему почувствовать, что кто-то другой может ему помешать, и он молниеносно завершит задуманную комбинацию и оставит соперника с носом.

Не помню какая причина подняла меня из "постели" и загнала в тайгу рано утром (сказать на рассвете нельзя — солнце никуда не уходило, оно понимало, что мы за полярным кругом, потому шло по кругу), но брёл я сонный по лесу и услышал истошные крики какой-то птицы. Видимо, для кого-то это была песня. Она состояла из двух повторяющихся колен: первое напоминало пощёлкивание ногтем по коробку спичек — "тэкэ, тэкэ, тэкэ...", а второе — скрип ножа по точилу — "ди-дзи-дзи-дзие...". Щелканье длилось несколько минут, точенье — секунды.

Токовая песня, – рюхнул Штирлиц.Только кого?

Пошёл на звук. Шёл осторожно, не хуже индейца. Даже лучше. Скользил, как тень.

На поляне, между моховым болотом и зарослями довольно высоких лиственниц, засыпанной мелкими сухими веточками, топталась и голосила большая красивая

птица. Мне показалось, что длина её почти метр. Была она окрашена в бурые, чёрные и тёмно-серые тона, с белыми пятнами на брюхе и на нижней стороне крыла. Мощный жёлто-розовый клюв, зоб чёрный, с блестящим зеленоватым отливом; грудь и горло чёрно-бурые. Брюшко тёмное, с белыми пятнами. Спина тёмнобурая; крылья рыже-бурые, светлее, чем спина; хвост чёрный, с белыми пятнами. У оснований крыльев видны белые пятна от выступающих подмышечных перьев. Красные брови над глазами выступают из перьев. Перья подбородка удлинены и напоминают бороду.

Я решил, что это – глухарь. Как потом оказалось – верно.

Глухарь пел самозабвенно, вытянув шею и запрокинув голову. Временами он с негромким шелестом веером развертывал хвост, напряженно подергивал им, и то собирал, то распускал крылья.

Я хоть и городской житель, но много читал об охоте, да и отец у меня охотник. Я знал, что когда глухарь поёт первую часть песни он довольно хорошо слышит, а вот, когда, вторую — не слышит ничего. Можно стрелять, ему без разницы. Но видит он хорошо: и когда поёт и когда молчит. Очень осторожная птица. Когда петух переходил ко второму колену песни ("Ки-чивря, кичивря, кичивря") я делал шаг вперёд, стараясь не попасть ему на глаза.

Мне удалось подойти довольно близко. Глухарь бегал, как заведённый. По такой подвижной мишени я, пожалуй, промажу. Я снял ружьё с плеча, протёр очки, надел их и постарался прицелиться.

Зря потерял время.

Таких певцов нельзя игнорировать. Старания должны быть вознаграждены.

На поляне из-под земли возникла подруга — купалуха. Не теряя ни секунды, петух насел на неё и они в страстном сексе исчезли в кустах.

Остался я с носом.

Машинально продолжал движение к токовищу. И правильно сделал. С шумом, ломая ветки, в большое дерево врезалась крупная птица. Уже другой глухарь уселся на сук, где-то на половине высоты лиственницы. Сначала он издал глухой, металлический звук <дак> и чутко прислушался, затем начал щелкать чаще и азартнее. Я затаился на месте, как по команде "замри". Сменив щелканье на точение, глухарь вошёл в азарт, пел непрерывно песню за песней. Когда он распелся, я продвинулся на несколько больших шагов.

Но не к глухарю.

Сам того не подозревая, повёл я себя, как типичный рак.

Сначала я пошёл по периметру тока, стараясь выбрать место, с которого глухарь лучше всего виден. По пути вертел головой, как локатор: нет ли где других глухарей, или добычи какой поважнее, и не являюсь ли я для кого сам потенциальной пищей. Выбрал место, стал вспоминать, а дробь-то у меня в стволах какая? Пятый номер. Если стрелять на открытом месте и вблизи, то, конечно, годится. Но если птица за ветками, и довольно далеко, то мелковата. Пришлось перезаряжать на третий номер, думаю, хватит. Ружьё у меня слабовато для такой дичи (20-тый калибр), но зато порох собственного рецепта. Мало не покажется.

Глухарь вдруг замолк, замахал крыльями и пошёл на разбег по ветке. Я вскинул ружьё и почти не целясь выстрелил.

Слепой охотник стреляет наугад.

Из клуба дыма вылетела большая птица и снижаясь потянулась через ток. Я бросился за ней. Пробежал шагов 100 и увидел, как глухарь упал на слегка оттаявшее болото. Пролетел бы дальше, без собаки мне бы его не достать.

Так я стал охотником.

Потом мой винчестер наводил страх на тайгу, тундру и степи Сибири, и джунгли Африки.

Охота – не потеха! Охота – песня души!

Дежурный по лагерю

Не горшок угодник, а стряпуха.

Утром оказалось, что я дежурный по лагерю. Должен работать по хозяйству. АС с Анатолием пошли искать месторождение чего-нибудь полезного, а каюр — собирать лошадей, которые куда-то делись. С ними и собаки.

Я остался один убираться в лагере и готовить еду.

С уборкой проблем нет, подметать хвою нечем, и не нужно. С едой сложнее. Я конечно пару раз жарил яичницу, отваривал яйца, сосиски и даже пельмени, мог как-то заварить чай. Но не более того. Повар низкой квалификации.

Начал с очевидного: с заготовки дров. Сидим в лесу, но дров мало. Собрал в окрестностях валежник, сухие веточки для растопки, срубил несколько лиственниц. Дерево, как железо. Ветки отрубить можно, но что б разрубить на поленья — пришлось попотеть. Пошёл по берегу собирать плавник. Иногда попадались большие деревья. Обрубал с них ветки. Но стволы уходили вводу, где утопали в глине и песке. Изредка лез за ними в реку. Добычу тащил на берег, поцарапался и перемазался с ног до головы.

Два часа упорного труда (по принципу: сделай или умри!), куча дров почти достигла моего роста. Годится!

Раскидал угли кострища, почва несколько оттаяла. Саперной лопатой процарапал длинную, глубиной 15 см, канаву с плоским дном. Дрова гореть будут ровнее, от ветра защита. Меньше от дыма бегать буду.

Должность стряпухи начал с мытья посуды.

На целине мы было решили эту задачу — выставляли миски во двор, собаки вылизывали их до блеска. Но девочки возмутились, стали сами мыть. Мы тогда не знали, что идём по стопам нашего вождя и учителя — товарища Сталина. Был он сослан года за два перед революцией в село Курейка в Туруханском крае в низовьях реки Енисей (был там музей Сталина - рыбацкий домик, обнесённый павильоном, построенный заключёнными, которые потом (в тот год, что я был в Батагае) снесли его и сожгли). Вместе со Свердловым. Об их совместном сосуществовании Сталин рассказывал Хрущёву.

«Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала нам казна: три рубля в месяц. Ещё партия нам помогала. Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была собака, я её назвал "Яшкой". Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка. Так вот, Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на пол, собака все вылижет, и все чисто. А тот был чистюля».

Свердлов (уже когда стал Председателем ВЦИК, т.е. главой РСФСР) вспоминал: «...мы слишком хорошо знаем друг друга. Что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах... С товарищем теперь мы на разных квартирах, редко и видимся».

Жаль, что он не пережил Сталина, мог бы раскрыть его обнажения.

Для меня сталинский путь был закрыт. Собаки в поле, да и каюр запретил им чтолибо давать, в том числе — на мисках.

Пора подумать о меню и способах его реализации.

Из оборудования имелась большая чугунная сковорода и три ведра с крышками. Личный котелок. И кострище.

Ни тебе газа, ни духовки, ни микроволновки.

Нет тут тёти Молоховец с её книгой "Подарок молодым хозяйкам или средство уменьшения расходов в домашнем хозяйстве", нет даже советской толстой "Книги о вкусной и здоровой пищи". Был бы Интернет — спросил у Яндекса. Но его ещё не создали.

В моём распоряжении были рыбы в леднике и глухарь. Была крупа — ячка, сгущёнка с сахаром, овощи сушённые: картофель, морковь и свекла. Ну, ещё соль, естественно. В виде булыжника.

Из этого нужно приготовить вечерний обед на четверых. Смешать всё вместе, сделать ирландское рагу? Оригинально, но могут не понять. Опять же нужны петрушка и тмин. А их нет.

Передо мной возникла проблема (npoблема - задача, которую невозможно решить имеющимися средствами), возможно самая трудная за всю мою долгую и беспокойную жизнь.

Это вам не спирт из политуры гнать, тут соображать надо.

Как обычно, повесил на перекладину три ведра с речной водой, раскочегарил костёр. Пусть всё кипит, пока соображу, что делать.

Ну, рыба ещё туда-сюда. Тройной ухи не будет, будет рыбный суп.

Чтобы был рыбный суп, нужна рыба, желательно без чешуи и кишок. Но сама собой она в ведро не прыгнет. Как чистят рыбу я вроде видел, но как-то рассеянно, не врубился. Опять же одно дело сидеть рядом с лётчиком, другое — вести самолет самому. И сколько этих рыб надо на четверых: может они уварятся.

Сходил на ледник, принес шесть рыб среднего размера, организовал дымокур, сел у палатки с рацией, включил на приём и принялся за работу.

В наушниках трещало и пищало что-то неразумное, но потом понятное: три точки — три тире — три точки. Сигнал *SOS*. Прислушался к морзянке — где-то в Японском море тонул сухогруз. Стало приятно: у нас качки нет, кроме комаров — никакой мерзости, даже дождя. И на дно пока не идём.

Вернулся к рыбе. Скользкая она и вёрткая. В руке не удержишь. И нож у меня не тот. У всех кинжалы за поясом, ножи якутские, а у меня — в кармане нож складной. Охотничий называется. Это потому, что если его раскрыть, то просто так он не закроется: нужно на отвертку нажать. Чисто бандитское оружие, на человека годится, а на зверя нет. И рыбу чистить трудно. Но надо!

Окунул пальцы в соль, чтоб не скользили. Левой рукой схватил рыбу за хвост и правой начал скрести чешую. Та летела во все стороны, пока я не сообразил держать нож под небольшим углом. Отрезал хвостовой плавник, спинной и анальный, затем и два брюшных. Распорол брюхо, от анального отверстия вперёд, достал все кишки. Обнаружил белую плёночку, проходящую вдоль хребта рыбы. Выбросил и её. Под ней оказалось много кровавой массы, которую извлёк. Икры не оказалось. Тщательно промыл и разрезал на куски.

С удовольствием посмотрел на дело рук своих.

Однако времени ушло много. Этак я до вечера провожусь. Надо ускорить процесс. Отменил чистку, содрал с остальных рыб кожу с чешуёй и выбросил.

Вода в центральном ведре закипела. Бросил туда сухую картошку и прочие не менее сухие овощи – пусть разваривается эта резина.

Ещё раз подумал, что делать.

Вспомнилась Клязьма, соседки за забором, мать и дочь, еврейки, послевоенное время: мы жили бедно, но они — беднее. Однако в свой праздник они обязательно готовили фаршированную рыбу. Внешне — рыба, как рыба, а костей нет! Вкуснейшая вещь! Готовят её из кошерной рыбы: карп, щука, лосось, сиг. Сиг у меня, кстати, был. Только ничего другого не было, а если бы и было, то толку ноль: как это готовить я не имел не малейшего представления.

Однако мечтать не вредно.

Добавил перловки, посолил на глаз и решительно запустил всю рыбу. Пусть суп варится.

Добавил в костёр брёвнышек и вернулся к радиопалатке и дымокуру.

Выключил рацию, чтоб не сажать батарею, включил радиоприёмник, моя гордость, тогда в СССР таких ещё не было — собрал радиоинженер на кафедре и мне дал на испытание. Прошёлся по всем диапазонам — ничего не попалось. Наконец, поймал японскую радиостанцию. Передавали оперу "Князь Игорь". Правильные самураи! Про меня запустили. Я ведь — Игорь. Хоть и не князь дурной. Я бы с голой жопой на рожон не полез, и в плену б не оказался. Впрочем, послушаем, Москву вспомню, Большой театр... Бывали, слушали, смотрели...

Теперь глухарь: ощип, опал, потраш.

Под музыку хорошо идёт.

Проще всего содрать шкуры, кишки выкинуть и варить. Но! Подушки у меня нет, вместо неё – свитер в мешке из детской клеёнки. Сны дурные снятся. Набью много птицы, надеру пух и перья – будет у меня подушка. А может и перина!

Сказано – сделано. Начал дёргать перья, сначала аккуратно, по одному, чтобы не повредить кожу, потом горстями ускорил процесс. Затруднения вызвали перья на хвосте и крыльях. Но справился, хотя и не скоро.

Опера продолжалась, приближались половецкие пляски.

Выбежали полуголые девушки-невольницы, все в бюстгальтерах, но без грудей (груди, наверное, всё же были, но меньше моих), заплясали и заголосили:

Улетай на крыльях ветра

Ты в край родной, родная песня наша,

Туда, где мы тебя свободно пели,

Где было так привольно нам с тобою.

Довольно долго. Мужики-невольники ждали-ждали, им надоело и они тоже пустились в пляс. Теперь все вместе: Бум, бум, бум!

Половцы, не будь дураки, затянули осанну хану. Дело полезное во все времена:

Пойте песни славы хану! Пой!

Славьте силу, доблесть хана! Славь!

Славен хан! Хан!

Славен он, хан наш!

Блеском славы

Солнцу равен хан!

Нету равных славой хану! Нет!

Чего нет?!

Вот и мы недавно нашего Отца славили (Но! "Кум докушал огурец, и добавил с мукою: оказался наш Отец, не отцом, а сукою").

Кончак на лесть не поддался, у него деловое предложение:

Видишь ли пленниц ты

С моря дальнего,

Видишь красавиц моих

Из-за Каспия?

О, скажи, друг,

Скажи только слово мне,

Хочешь, любую из них я тебе подарю.

– Да ну их на фиг, – отвечал Игорь, – без них хлопот полон рот.

О дай те, дайте мне свободу

Я свой позор сумею искупить,

Спасу я честь свою и славу

Я Русь от недруга спасу!

Спас один такой! Сбежал, бросив в плену сына. И обманул: Русь не спас. Другим князьям пришлось озаботиться.

Бум, бум, бум! Хор и ор. За это и любим химика Бородина...

Опера пошла к концу, а я вернулся к своим баранам, т.е. к глухарю. Образовалась тушка и мешочек с перьями. Теперь опал. Пошёл к костру, повертел тушку над огнём, опалил остатки перьев глухаря и себе шерсть на запястьях. Чудом руки не сжёг. Издали посмотрел на вёдра, крышки прыгают, пар валит, процесс в норме. Подложил ещё хвороста и пошёл к реке потрошить.

Левой рукой оттянул кожу на зобе и сзади, у шеи, правой рукой надрезал кожу стараясь не повредить зоб. Через образовавшееся отверстие вынул зоб, пищевод и гортань, оттянутую на шее кожу стянул, шейку вытянул и отрубил вместе с головой. Затем осторожно, чтобы не повредить кишок, разрезал брюшко. Правую руку вложил в отверстие и осторожно отделил от стенок содержимое брюшной полости. Нашёл желчный пузырь и вырезал его вместе с зеленоватым, прилегающим к нему кусочком печени, отделил печень, вынул желудок, разрезал его вдоль роговой оболочки, содержимое

удалил, а затвердевшую слизистую оболочку стянул или срезал ножом, сердце тоже вырезал и присоединил к остальным потрохам.

Осмотрел результат. Здорово вышло! Попытался извлечь дробь, несколько штук вытащил, но бросил это дело — авось никто зуб не сломает. Всё тщательно промыл. Некоторое время размышлял разрубить ли тушку на куски, потом решил варить целиком. Отрубил лапки, ножки прижал к корпусу, крылья завернул за спинку. Всё, включая требуху, сложил в тазик и вернулся к костру.

Костёр чересчур раздухорился — горела перекладина. Крышки на ведрах с водой прыгали, но с супом нет. Снял всё с костра и первым делом заглянул в ведро с супом. В нос ударил дым. Супа не было! Вообще нет жидкости! На сухом дне дымилась обугленная масса.

Вы когда-нибудь видели, чтобы суп подгорел?! Я – нет!

Вот и слушай после этого оперы! И здесь Игорь навредил!

Ладно, начнём сначала.

В два ведра долил воды, поставил кипятиться. Сгоревшее ведро потащил к реке и там долго чистил его песком и камнями, промыл, наполнил водой. Здесь у нас будет каша.

Вода в первых вёдрах закипела, в одно насыпал сухие овощи и они стали вариться. Полез во вьючники, искать ячку. Не очень представлял, как она выглядит. Не сразу, но нашёл: на мешке была этикетка. Бросил в ведро с овощами тушку глухаря, засыпал в другое ведро крупу. Всё посолил. Теперь я уже на дурные оперы не отвлекался, следил за костром, за кипением и бурлением, изредка мешал кашу.

Когда все вернулись, их ждал полный обед, он же ужин: ведро глухаринового супа, ведро крутой ячневой каши и ведро чая.

Каково?! Есть, что поесть? Есть! Знатная я стряпуха...

Гурманы

За полярным нашим кругом Сто гурманов бродят цугом И готовят друг из друга Строганину, хэлик, тунгэл

Слегка вечерело. Так и хочется спеть: *свечерело, солнце село, да, ветерок слегка, прогуляться девка вышла, всё равно – война*. Но, солнце никуда не село, оно продолжало кружить по небу. Невысоко, временно прячась за горками. Ни девки, ни войны. Лишь ветерок. Действительно, слегка...

Костры (Афонас организовал небольшой свой) — важные источники видимого и инфракрасного излучения — то вспыхивали, то гасли, периодически окутывая нас дымом.

Мы устроили несколько дымокуров для лошадей. Набросали на землю трухлявую ольху, сверху щепки и сучья, потом ветки берез и ив, ну и траву сверху. Жердями слегка огородили, чтобы кони, в бегстве от комаров, не сожгли себе хвосты и гривы. Лошади опытные, встали меж дымокуров, хвостами создавая ветерок. Собаки тоже сунулись было туда, но, хлебнув дыма, ретировались.

Экспедиция приступила к трапезе.

То, что есть, что поесть всегда замечательно. Конечно, каша пересолена, суп недосолен, чай жидок. Подумаешь! Бывает. А вот то, что глухарь оказался жёстким – не хорошо. Варился три часа, не помогло. И пахнет хвоей. Вкус? Пожуй ветку кедра, поймёшь.

Оказалось, что в этом (в отличие от других недоработок) моей вины нет. Ведь глухарей два вида. Токовый глухарь красив, но вкус его — на любителя. Всю зиму он питается почками ольхи, хвоей и, если получится, достаёт из-под снега немного клюквы. Осенью другое дело, птица вдоволь отъедается ягодами и если весной глухарь воронавороной, то осенью деликатес.

Спутники мои наперебой стали обсуждать способы готовки весеннего глухаря. Сначала застреленную птичку подвешивают в холодке за голову. Весит она под 5 килограмм. На 5-й день тушка падает на землю с оторванной головой: процесс ферментации пошёл, мясо подквасилось, стало нежней, можно готовить. Перья никто не дёргает: птицу берут за ноги, смачивают в холодной воде и опускают в кипяток. Тогда перья-пух удаляются легко. Мясо глухаря, твёрдое, как доска, к тому же имеет горьковатый привкус хвои. Поэтому тушку замачивают в уксусном маринаде, репчатом луке и минеральной газированной воде, положив грудками вниз, потом разрезают на куски, нашпиговывают каждый кусок салом, обваливают его в панировочных сухарях или муке, обжаривают на сковороде на сливочном масле или свином жире. Солят и перчат куски по вкусу, уложив в кастрюлю с крышкой. Добавляют 1 ложку масла или жира, заливают соусом, в котором они жарились на сковороде. Тушат час. За 15 минут до готовности вливают один стакан белого столового вина. На гарнир хороша кочанная квашеная капуста, маринованные ягоды, салаты из свежих овощей, жареный картофель, отварная цветная капуста. Мочёная брусника обязательна.

У членов экспедиции, как у собак Павлова, потекли слюнки.

А суп? Варится очень крепкий бульон. Долго варится. Мясо вынимают, отделяют от костей и жил и мелко нарубается. В бульон кидают лапшу, кладут порезанное мясо, солят, добавляют чёрный перец, лавровый лист, зелень любую от укропа до кинзы. Продукт — пальчики оближешь! А ведь бывает ещё глухарь тушённый с брусникой, глухарь жаренный, филе глухаря с перцем чили, филе глухаря в слоённом тесте, печень глухаря с помидорами, рулетики из глухаря со свежим сыром, рулетики из глухаря с овощами, коктейль из глухаря с фруктами и соусом из йогурта, глухарь и сыром и шампиньонами, глухарь в кукурузно- сметанном соусе. Якуты к диче подают вкусный напиток из княженики (у нас — костяника) и земляники, вскипяченных со сливками и разбитыми мутовкой в эмульсию. Густой душистый напиток русские зовут «якутским шоколадом".

Ворона-вороной, доска-доской, но глухарь был уничтожен, косточки обглоданы и брошены собакам. Кашу тоже смели.

Сюрприз я подготовил на финиш. Заварил кофе, настоящий кофе, остатки которого рассыпались по рюкзаку. Кайфовать, так кайфовать!

Кейф — на иврите кофе, когда евреи его пили — койфевали. А мы кайфуем.

Повесил над костром ведро с водой и грязными мисками (авось всё само вымоется) и откинулся на вьючник. Назло АС.

Дежурство кончилось!

Детушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо.

Бремя белого человека

Бремя белой расы Вы взять на себя должны

Дела закончены, можно погонять чаи и покурить спокойно. Коллектив в сборе, начнём разговор и диспут. Как на московской кухне.

Сначала о текущих нуждах, потом о политике. Начал свою проповедь империализма Анатолий. О роли России в освоении Сибири и других территорий, о приобщении дикарей к культуре, нравственности, религии, образования. Ответственности русских за защиту и процветание нацменьшинств. Даже в ущерб себе самим. Бремя Белого Человека (по Киплингу, стих *The White Man's Burden*) не давал ему покоя.

Неси это гордое Бремя Родных сыновей пошли На службу тебе подвластным Народам на край земли На каторгу ради угрюмых Мятущихся дикарей,

Наполовину бесов, Наполовину людей. Неси это гордое Бремя Будь ровен и деловит, Не поддавайся страхам И не считай обид; Простое ясное слово В сотый раз повторяй -Сей, чтобы твой подопечный Щедрый снял урожай. Неси это гордое Бремя Воюй за чужой покой Заставь Болезнь отступиться И Голоду рот закрой; Но чем ты к успеху ближе, Тем лучше распознаешь Языческую Нерадивость, Предательскую Ложь..... ну и т.д.

Мы с АС вяло откликались. Тема академичная, не наша.

Но внезапно в дискуссию встрял каюр. До сих пор он возлежал на своей кошме (впереди – наш большой костер, сзади – свой маленький, с одного боку Барон, с другого – Граф), в наши разговоры не вмешивался, лишь иногда подавал реплики. На ломанном русском играл в "моя твоя не понимай". Но тут заговорил твёрдо, уверенно на приличном русском.

– Вы русскую историю читали? Цитирую: "В начале XVII столетия – вскоре после набега разбойника Ермака на р. Иртыш, кинулся русский народ за Урал искать наживы и обогащения, счастья и приволья. Новый, неведомый край с его огромными девственными лесами, в которых было много соболей, с величайшими в мире реками, полными рыб, с обширными степными целинами, с величайшими горами, с сокрытыми в них драгоценными минералами – всё это возбуждало жажду наживы, сулило быстрое обогащение." Образование, просвещение?! Кому? Тому, кто выживет? Русское нашествие уничтожило большинство народов Сибири, а остальные обращены в рабство. Заселение россиянами окраин шло независимо от правительства и носило характер чисто семейной организации. Это сначала. Затем, построили остроги, подтянулись чиновники и власть государственная. Тут уж грабёж стал всеобщим. Сверху до низу укоренился взгляд на Сибирь, как на место наживы и обогащения. Злоупотребления и взяточничество расцвело. Стоны аборигенов не интересны: важны преступления против казны. В 1721 Пётр I казнил князя Гагарина за грабёж государства. Российские цари чиновников Сибири, приносящих финансовый ущерб правительству, ссылали на каторгу, рвали ноздри, били кнутом – не помогло. Пример: сенатор Селифонтов чернил и громил управителей Сибири. Это – в столице. А как в 1803 стал генерал-губернатором довёл коррупцию до апогея. Вокруг него образовался "комитет грабителей" с любовницей во главе. Каково?

Я смотрел на Афонаса Николаевича квадратными глазами и слушал, раскрыв рот. Если бы Дерсу Узала прочёл Арсеньеву лекцию о совпадениях и различиях философий Гегеля и Канта, то как бы он к этому отнёсся?! Вот и я....

Каюр перешёл на современность, на грабёж якутских богатств. Это я где-то уже слышал. Не интересно..

Устал я, трудно быть стряпухой. Отполз в палатку и слушал продолжение, засыпая.

Всё-таки в интересный край я попал. Ждал тайгу, охоту, местных следопытов и встретил их, геологов — нашёл, ссыльные лагерники есть и в больших количествах, есть и местные партийные органы и правительство. Но тут есть что-то ещё, что никак не просматривалось в Москве. Учёные, политики, философы. Не удивлюсь, если школьная уборщица окажется певицей Большого Театра, а сторож — изобретателем "Катюш". Круто!

Однако, многовато московско-кухонных разговоров. Скучно! Нельзя ли больше приключений?

Можно! На утро они пришли.

Общее дело

Как-то по лесу гулял, Повстречал медведя. Я быстрее убегал, Чем машина едет.

Встал я позже других. Вчера перетрудился. Завтрак был почти готов, лошадей пригнали. Начиналась суета по демонтажу лагеря.

Я стрелой вылетел из палатки и устремился в тайгу справлять малую нужду. *При нужде и хромой заскачет.*

Как не торопился, но тормознул. Всё-таки есть на что посмотреть в этом забытом богом краю. Уж вроде насмотрелся я на цветущие лиственницы, а всё равно – красиво!

Как ни занят я был процессом, но всё же услышал подозрительно сильный шум из брандспойта. Вовремя тормознул. В метрах двадцати здоровый бурый медведь тоже писал. Мы оценивающе поглядели друг на друга и пришли к соглашению, что у нас общее дело, важное для здоровья. Его нужно закончить, а уж потом переходить к действиям.

Лиственница цветёт почти как роза.

Пока мы занимались важным делом, я лихорадочно размышлял о перспективах нашей встречи и возможных её последствиях. Из оружия у меня перочинный нож (в магазине назван охотничьим) — слабое оружие против горы с толстой шкурой, клыками и когтями. Притвориться мёртвым и сдаться на милость победителя? Позорно для барона. Залезть на дерево? А где оно? Заросли есть, но на эти прутики высоко не влезешь, согнутся и точно в пасть мишки направят.

Миша смотрел на меня во все глаза.

Голубые глаза медведя.

Он соображал. Вот так, проснёшься по весне, худым и голодным, бродишь по лесу, вырываешь с корнями траву, а, если повезёт, то и куст смородины с ягодами. Вегетарианец, а не хищник какой. Никого не трогаешь, а остановишься малую нужду справить, обязательно какая-нибудь сволочь возникнет. На этот раз — двуногая. Да ещё,

небось, с ружьём. С одной стороны, хорошо бы дать дёру, и забыть о встрече. С другой, повернёшься задом, тут тебе в него и всадят заряд картечи. Замочить двуного? Нет проблем, а смысл?! Малина поди вкуснее. К тому же считанные они все двуногие эти. Обнаружат пропажу, сбегутся, во всей тайге места себе не найдёшь.

Всё же интеллект, есть интеллект. Я сообразил первым.

Схватил висевший у меня на шее милицейский свисток и сильно дунул. Трели разнеслись по всей округе.

– Ну, вот, началось! – подумал медведь. – Пора валить.

Первым на свист откликнулся Барон. Молча, намётом, взлетая над кустами, бросился он к нам. Не тратя время на пустые переговоры и разведку, он вцепился в заднюю ногу медведя. Тот закружился, как пилигрим. Подоспел и Граф. Кусать медведя он на всякий случай не стал, но зашёлся в громком лае (не так, как лайка, а как солидная овчарка). И начал вертеться перед носом Миши, отвлекая его от борьбы с Бароном.

Подбежал Анатолий с карабином, за ним поспешал с винчестером Афонас, на ходу перезаряжая его. Армейский отряд замыкала Анастасия Семёновна, подпрыгивая на ходу, чтобы лучше видеть: начальнику экспедиции следует всегда быть в гуще событий.

– Во! Все на одного! Справились с животным! Ничего, мы ещё встретимся на узкой дорожке, один на один...

Медведь, скинул с себя Барона, и рванул в тайгу. С удивительной для такой туши скоростью. Долго ещё раздавался треск сучьев и лай собак. Потом всё стихло, собаки вернулись, мы побрали половник, выроненный АС по дороге на сечь.

И позавтракали.

Хоть охотник я бывалый, Но медведя всё ж боюсь. Если вижу я медведя, То, как заинька, трясусь!

Поиск базальтов

Сразу поесть мне не дали: АС отправила меня мыть морду лица и чистить зубы. Намекнула, что не глупо бы и побриться. Интересно чем? Топором что ли? Бритьё – символическая кастрация. Подумаешь щетина. Зато потом борода отрастёт как у Льва Толстого или Игоря Курчатова. Будет, что девочкам показать.

Лучше раз в году родить, чем день деньской бороду брить.

То же мне Мальвина! Да и я не Бурратино, не Папой Карло, и не из полена сделан... Мао Цзедун, к примеру, никогда зубы не чистил. Почему и стал Великим Кормчим, властелином миллиардного народа. Правда, страдал пародонтозом и сильно вонял. Однако

Всё в руках человека! Поэтому их надо чаще мыть.

Пошёл умываться. Вода ледяная, зубы сводит, порошок из коробки сыплется, ветер его выдувает, дождь мочит, хозяйственное мыло глаза ест, берег крутой, едва в воду не смайнался. Но справился, даже руки помыл, а то они все были в саже и репудине.

Поели. Долго собирали и упаковывали шмотки, рацию, оружие, библиотеку. Груз увеличился – два вьюка с гранитом.

АС бродила по лагерю и причитала:

– Бумажки на лагере, бумажки на лагере!

Никаких особых бумажек на лагере не было. Она собирала материальные свидетельства нашего пребывания и бросала их в яму костра. Я сильно его разжёг, пытаясь сжечь пустые консервные банки. Они не сгорели, но сильно окислились и покоробились. Думаю они сгниют быстро. Костёр потушили, яму завалили землёй. Для пожаробезопасности на него пописали втроём.

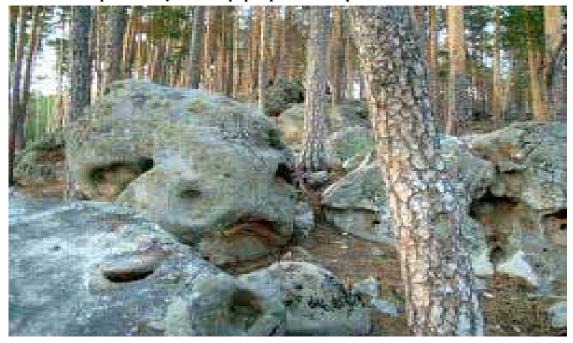
Если б весь народ собрать,

Организовать умело,

Можно солнце обоссать - Вот бы зашипело! АС в этом деле участвовать не стала. Она гарцевала впереди. Мы последовали за ней.

Многочисленные протоки Туостаха форсировали в брод.

Продвижению нашего каравана сильно мешали камни меж деревьев. Плохо, когда нет тропы.

Последние ночи шли дожди, было сыро, бежали мелкие ручьи, тропа отслеживалась, но была скользкой. Лошадь прижималась к деревьям то одним боком, то другим. На меня обрушивался водопад и я промок сидя в седле. Протоки Туастаха форсировали караваном, не спешиваясь и не ища специально брода. Только в одной речке вода достигла живота лошади, остальные были мельче.

Сначала тайга была похожа на лес, деревья были приличной толщины, густой подлесок и т.п. Единственно, что мешало передвижению — огромные камни, сквозь которые прорастали деревья. В подмосковной тайге ничего похожего не было.

Когда взобрались на террасы, пейзаж вновь стал унылым, то тундра, то лесотундра, редколесье одним словом. Отчаянно завопила сойка, предупреждая, что человек вошёл в лес. Спасайся, кто может! Взбалмошная птица. Истеричка! Над нами стал кружить ворон. Расчётливая птица. Видит: в лесу лось, а на тропе люди. Быстро соображает: люди убьют лося, и пища будет на халяву. Но сейчас он ошибается, нам не до лося. Идём караваном.

Однажды деревья разошлись, возник вид на реку и на чью-то могилу, высоко поднятую на четырёх столбах и охраняемую шестами. С колоды, покрытой берестой, свисали остатки шкур жертвенных животных

– Могила шамана?

Нет, шаманки. Очень сильная колдунья была. Жаль рано скончалась.

На одной опушке встретили захоронение местной шаманки.

Мне показалось, что из воздушного гроба исходит тихий, глухой звук бубна и печальные женские вздохи.

Появились холмы, мы их переваливали. Изредка теряли тропу. Тогда останавливались, АС, Анатолий и Афонас группировались, разглядывали компас, карту и аэрофотоснимки, совещались и меняли маршрут. Я

не вмешивался, т.к. знал, что нам на северо-запад и мимо хребта мы не промахнёмся.

Монотонный шаг Сатэра меня убаюкивал, я задремал, почти заснул.

Разбудил меня окрик каюра:

– Игор! Лошадь – не кресло. Слезай!

Привал. Мы спешились, лошадей развьючивать не стали, они паслись на аркане. Развели костерок и вскипятили чай. Тут обнаружили, что начальник экспедиции исчез. С концами! АС, сказав традиционное: "Надо посмотреть нет ли базальтов", что для нас означало "Удаляюсь по нужде", она ушла в тайгу. Мы за ней, естественно, не последовали, и по времени не ограничивали. Однако, прошёл час, а её не было. Какая бы ни была нужда, а это перебор. Подождали ещё — никакого эффекта. Пришлось организовывать спасательную экспедицию. Пустили по следу Афонаса с собаками. Исчезли и они. Прошёл ещё час. Никого!. В задумчивости смотрели мы с Анатолием друг на друга: кто пойдёт следующий? Вдали послышался выстрел, мы ответили дуплетом. Залаяли собаки, прорвались к нам сквозь кусты, появился счастливый Афонас, а за ним смущённая АС. Оказалось, что она удалилась несколько дальше, чем рассчитывала, а затем стала возвращаться (она думала, что к нам, а на самом деле — точно в противоположную сторону). Шла она быстро и решительно, так что каюр её с трудом догнал (отличился Граф, вспомнив, что папа у него немецкая овчарка — ищейка, он довольно уверенно вёл по следу) и вернул начальство подчинённым.

Раз уж так получилось, что день идёт под знаком малой нужды (отличились я, медведь и AC), то решили прервать путь и заночевать. Развьючили лошадей, поставили палатки, AC с Анатолием занялись едой, а Афонас сажал лошадей на арканы. Я оказался не удел и решил сходить на охоту. Взял дроб и пошёл.

Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти? — А куда ты хочешь попасть? — ответил Кот. — Мне все равно... — сказала Алиса.

Горная страна Черского

Ой, гора, гора, Гора — крутой подъем.

Пора что-то сказать о месте действия моего повествования, о горной стране Черского, о нём самом, о его жене и сыне.

Черский родился в Белоруссии (3.05.1845 в имении Сволна дриссенского уезда витебской губернии), говорил на белорусском языке (вообще-то он знал 5 языков). Биографы то называют его поляком, то белорусом, а то и литвином (но не литовцем!). В 10 лет потерял отца, воспитывала его и сестру мать. В 1860 поступил в Правительственный (Шляхетский) институт в Вильно. В польском восстании в 1863 он практически не участвовал, но один месяц провёл в партизанском отряде. За это его лишили дворянского звания. Конфисковали имущество не только у него, у матери (Ксения) отобрали имение и она потом сильно бедствовала. После короткой отсидки в витебской тюрьме, пошёл штрафным рекрутом в бессрочную ссылку. По решению трибунала Черскому предстояло служить в Благовещенске. Но, проходя через Тобольск, И. Черский откупился взяткой в размере пяти золотых монет, которые мать зашила ему в подкладку пальто и которые он хранил «на чёрный день». Черского оставили отбывать службу в Омске, в Западносибирском линейном батальоне, где он сторожил каторжников в местной тюрьме. По пути в Омск И. Черский познакомился с известным естествоиспытателем А.Л. Чекановским, который привил ему интерес к изучению природы и сбору различных коллекций (сам он скоро сошёл с ума). Благодаря хорошему образованию, Черского в скором времени перевели в офицерское собрание на должность денщика. Он много времени проводил в библиотеке. Познакомился с географами

Г.Н.Потаниным и А.Ф. Миддендорфом, собрал богатую раковин, которые коллекцию ископаемых пресноводными, что было открытием, т.к. до этого считали, что сибирские степи – дно древнего моря. В 1868 академик Александр Федорович Миддендорф заинтересовался этим и по его наводке Черского в 1871 вызвали в Иркутск в русское географическое общество. он работал Там писарем, библиотекарем и консерватором музея. Постепенно ему стали поручать экспедиции, в основном по исследованию озера Байкал и гор вокруг него. Геологии (и всему остальному) он систематически не учился, вообще никогда никаких университетов не кончал и даже не посещал. Самоучка чистой воды.

Иван Дементьевич Черский (Ян Доминикович Черский) (1845—1892) — исследователь Сибири, географ, геоморфолог, геолог Российской империи, участник Польского восстания 1863 Первооткрыватель истоков реки Лены, составитель первой геологической карты озера Байкал, первый географ, исследовавший впадающие в Байкал ручьи и реки, сплавлялся по реке Колыма, геоморфолог, ученый, описавший розовую чайку и останки животных, населявших Азию в древности.

В Иркутске жил он в доме прачки Ивановой, у которой было две дочери Ольга и Марфа. Все неграмотные. Стал их учить и, естественно, женился (1878) на одной из них - Мавре Павловне. Удачно — она стала его верной помощницей, участником экспедиций и продолжателем его дела. Она была на 15 лет его моложе и прожила долго (83 года). Родилась она в 1857, а умерла аж в 1940, почти на 50 лет пережив мужа. В 1879 у них родился сын Александр. Не обошлось без приключений. Летом загорелся город Иркутск, дома которого были деревянными. Спасаясь от огня, жители бежали из города. Мавра отправилась к сестре в Александровский завод. В пути, в повозке, на лесной дороге и

родился будущий натуралист-путешественник, которого назвали Александром в память этого путешествия. С 1878 Марфа участвовала в экспедициях мужа (по Приморскому хребту, рекам Большой и Быстрой, в Баргузинский залив). В 1882—1883 году жила (вместе с мужем и сыном) в селе Преображенском (на Нижней Тунгуске), где под руководством мужа освоила методику метеорологических наблюдений, а также участвовала в изучении четвертичных отложений, фауны и флоры. После смерти мужа жила в Питере, потом в Витебске. Перед первой мировой войной у нее было небольшое имение, которое у неё после революции сразу отобрали. Она с внуком переехала в Ростов на Дону, скончалась в Таганрогском доме престарелых.

В 1883 году Черский был освобождён от вечного поселения. Учитывая его заслуги Русская Академия Наук добилась разрешения поселиться в Петербурге. Он болел астмой и открытой формой туберкулёза, но организовал Колымо-Индигирскую экспедицию, которую сам и возглавил. Экспедиция была небольшой, можно сказать – семейной: сам Черский (46 лет), жена (30 лет, зоолог и учёный секретарь), сын Александр (12 лет), племянник Генрих (сын сестры Черского и прусский подданный, Генрих Иосиф фон Дуглас, стрелок-препаратор) и проводник Степан Расторгуев, казак – урядник. Экспедиция началась 14.07.1891 по маршруту Якутск-Оймякон-Верхне-Колымск. Приключений было много, с трудом пересекли Верхоянский хребет, издали видели горы, которые потом назвали горной страной Черского, но по ним не лазали и не описывали. Зимовали в Верхнеколымске, где племянник женился на местной девице и из экспедиции выпал. Черский в июне на небольшом корабле стал спускаться по реке Колыме, с женой, сыном и проводником, но 25.06.1992 умер (в устье притока Колымы – р. Прорвы). Похоронен в селе Колымское (на берегу, в устье реки Омолон). Мавра Павловна завершила работу экспедиции, проведя её по намеченному маршруту (Нижнеколымск — Среднеколымск), после чего вернулась в Якутск, а в 1893 — в Петербург.

Черский опубликовал 97 научных работ, из которых сама заметная – геологическая карта Байкала. Его именем названы: шмель, три вида рыб, одно ракообразное, ископаемые: рыба, рак и аммонит; хребет Черского в Забайкайле, вулкан на южных склонах Тункинских Гольцов, пик — вершина в Комаринском хребте Хамар-Дабана, гора – вершина Байкальского хребта, камень — вершина у посёлка Листвянка в Иркутской области, берег (Кошели) — берег на берегу Байкала в Баргузинском заповеднике, берег (Новая Станица) — берег реки Иртыш, посёлок Новая Станица, Омская область, долина — в палеогеографии мезозойская долина между Восточный Саяном и Енисейским кряжем, — стоянка первобытного человека. Черский — посёлок городского типа в низовьях реки Колымы в Нижнеколымском районе Якутии. В Москве есть проезд Черского, улицы Черского есть в Вильнюсе, Верхнедвинске (Дриссе), Иркутске и в посёлке Зырянка. Установлено несколько мемориальных досок в его честь.

Но, конечно, основная его слава – горная страна Черского – система хребтов в Восточной Сибири северо-западного простирания в верховьях рек Колымы и Индигирки, и далее по правому берегу. Больше всего Кавказа! Он там не был – её открыли после него. Но назвали его именем. Почему? У него был хороший знакомый и последователь – известный путешественник В.А. Обручев, который рассказал о нём сыну. Тот и назвал открытый и исследованный им горный массив страной Черского. Повезло бывшему ссыльному...

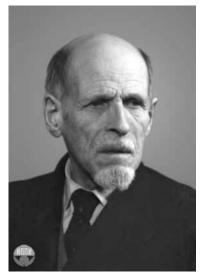
Сыну его, Александру, повезло меньше.

Черский Александр Иванович (1879–1921) — русский орнитолог, натуралист и исследователь Дальнего Востока.

В 11 лет он принял участие в длительной экспедиции по Колыме (с отцом и матерью). После смерти отца тринадцатилетний Александр вернулся в Петербург, где через несколько лет окончил гимназию, а затем в 1904 — физико-математический факультет Петербургского университета. С 1909 работал консерватором музея во Владивостоке. В течение семи лет он ежегодно вместе со своей женой и препараторами

совершал экспедиции для изучения растительного и животного мира Приморского края. Они исследовали южную часть Приморья — озеро Ханка, полуостров Муравьева-Амурского и другие районы. Были собраны богатые материалы, только коллекции птиц составили более 2 тысяч экземпляров. Помимо птиц он занимался сбором данных по рыбам, млекопитающим, насекомым и др. В 1914 году А. И. Черский опубликовал список в 305 видов птиц. В 1915 он уехал на Командорские острова в качестве смотрителя за рыбными и пушными промыслами. В течение трех лет жил на этих островах, изучая биологию промысловых животных — морских котиков, каланов, песцов, попутно собирая коллекции рыб. Большое внимание уделил исследованию командорских песцов. Весной 1919 назначен директором управления по охране песцового промысла на Командорских островах. Он остался зимовать на острове Медном до весны 1920. В связи с событиями Гражданской войны ни один советский пароход не мог заходить на Командорские острова. На острове Медном в это время сложилась крайне тяжёлая обстановка. Туда неоднократно высаживались браконьеры, обирали и спаивали алеутов, преследовали учёного, угрожая убить, требуя спирта и денег. Не имея никаких сведений с Большой земли и не решаясь одному выйти в море, нервный от природы А.И.Черский не выдержал подобной обстановки и зимой 1921 принял яд. Он оставил записку-завещание, в которой просил распределить своё имущество между сотрудниками, работавшими с ним в последнее время. Рукописи же поручил вручить какой-нибудь научной организации во Владивостоке. Так неожиданно, на 42-м году, оборвалась его жизнь. Записка и корзинка, наполненная до отказа исписанными полевыми книжками, позднее были переданы в научный отдел Дальрыбы, где и были потеряны.

Именем А. И. Черского названы многие виды животных (насекомых, рыб, птиц, млекопитающих) и растений. Его имя также носит мыс на восточном берегу острова Русского вблизи Владивостока. Что стало с его женой и сыном неизвестно.

Сергей Владимирович Обручев (1891—1965), советский геолог, член-корреспондент АН СССР, сын путешественника Владимира Афанасьевича Обручева (автора романов «Земля Санникова» и «Плутония»), и Елизаветы Исаакиевны Лурье, в 1926—1935 изучал бассейны рек Индигирки и Колымы (в результате чего была установлена их золотоносность). Разработал схемы орографии, геоморфологии, тектонического и геологического строения северо-восточной Азии. В ходе Индигирской экспедиции (1926) предложил объединить горные сооружения среднего течения Индигирки и Колымы под названием хребта Черского; Сталинская премия 1-й степени за 1944 за открытие и исследование месторождений олова на Северо-Востоке СССР.

Горная страна названа так первооткрывателем – С.В.Обручевым в честь Черского (его отец, В.А.Обручев, лично знал Черского и очень его уважал, считая себя его преемником).

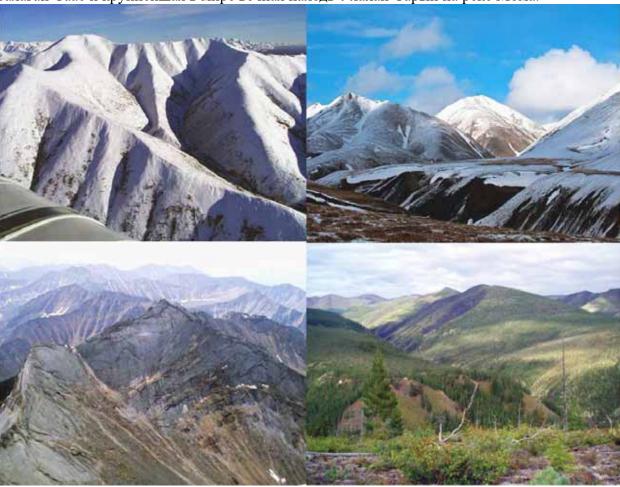
История открытия страны Черского довольно любопытна. Экспедиция под началом Обручева была направлена в среднюю часть Верхоянского хребта. Однако весной 1926 планы её резко изменились. Один из бывших белогвардейских офицеров, Николаев, несколько лет скитавшийся по стойбищам оленеводов после окончания Гражданской войны, воспользовался объявленной амнистией и сдался властям. При этом он передал в Якутскую контору Сбербанка пузырек с несколькими платиновыми самородками, намытыми, по его словам, в районе реки Чыбагалах, левого притока Индигирки.

Естественно, мужики забыли, куда шли, и рванули за драгметаллом. Экспедиция оказалась необычайно трудной. К тому же она разделилась. Обручев с топографом и якутом-проводником на двух лодках сплавлялся по Индигирке, а остальные члены экспедиции с лошадьми двигались через горы. Индигирка никак не хотела превращаться в

спокойную равнинную реку: бешеный поток продолжал реветь в каменных теснинах гранитных каньонов. Отряд попал в центр какого-то громадного хребта, более мощного, чем Верхоянский. Хребет этот тянулся от полярного круга до реки Колымы. 10 августа у одного из якутских стойбищ две части экспедиции соединились вновь и продолжили путь вниз по Индигирке. Экспедиция в начале сентября достигла, наконец, цели своего маршрута — реки Чыбагалах. Никакой платины не оказалось. (Потом анализ образцов Николаева показал, что они из Вилюйского месторождения, и, видимо, куплены у тамошних старателей). Так было сделано важное географическое открытие — целая горная страна.

Горная страна Черского — система хребтов в Восточной Сибири, расположенная между правым берегом реки Яны и верховьями рек Колымы и Индигирки.

Хребет Черского находится на Северо-Востоке Сибири, но не является хребтом в обычном смысле этого слова, а представляет собой протяжённую (длина 1500 км, ширина 400 км) горную систему. Высшая точка — гора Победа (3033 м). Границами служат Яно-Оймяконское нагорые на юго-западе и Момо-Селенняхская рифтовая впадина на северовостоке. Расположен на территории Якутии и Магаданской области. В западной части горной системы, в междуречые Яны и Индигирки есть хребты Хадаранья (до 2185 м), Тас-Хаяхтах (2356 м), Чемалгинский (2547 м), Курундя (1919 м), Догдо (2272 м), Чибагалахский (2449 м), Боронг (2681 м), Силяпский (2703 м) и др. На востоке, в верховыях Колымы, — хребты Улахан-Чистай (г. Победа — 3003 м), Черге (2332 м) и др. В хребте Черского — 350 ледников общей площадью 157 км², 69 перевалов и 4 вершины. Достопримечательностями являются гора Победа, «современный» потухший вулкан Балаган-Таас и крупнейшая в мире вечная наледь Улахан-Тарын на реке Мома.

Хребет Черского. Выглядит красиво, но ходить тяжело.

От себя добавлю, что горная страна Черского в три раза больше Кавказа. Батагай относится к стране Черского.

Туостахская впадина

Куда идёт король - большой секрет.

Раз уж мы занялись географией, то самое время рассказать о реке Туостах и её долине.

Туостаах — правый приток р.Адычи, длина 271 км, площадь бассейна 20000 км². протяжённость 388 км. Образуется при слиянии рр. Хара-Салаа и Бодымба, берущих начало в хребте Черского. Питание дождевое. Замерзает в октябре, вскрывается в начале июня. В бассейне **Туостах** 40 наледей (общая площадь 77 км²).

Обсуждаемая здесь территория расположена на северо-западной оконечности страны Черского, между хребтами Кисилях и Тирехтяхский в пределах Туостахской впадины, представляющей собой ледниковую холмистую равнину с термокарстовыми озерами. Тут распространены разновозрастные предгорные, аллювиальная и делювиальная равнины, долины рек с комплексом надпойменных террас. Палеогеновая кора выветривания, представлена глинами с реликтовой слоистостью, склоновыми галечниками и супесями. Горы имеют пологие, реже крутые склоны, выровненные вершины. Гряда Кисилях имеет абсолютные отметки 900–1500 м и относительными превышениями 600–300 м. Водоразделы имеют крутые склоны, на которых широко развиты курумы, нагорные террасы, кигиляхи. В геологическом строении участвуют осадочные породы. Большую роль играют мезозойские изверженные породы кислого состава (граниты). Среди лесного пояса на южных склонах и надпойменных террасах встречаются остепнённые участки.

Река Туостах в нижнем течении.

По климатическим условиям этот район входит в континентальную область субарктического пояса. В холодный период года климатический фон определяется азиатским антициклоном, с которым связаны крайне низкие температуры воздуха и незначительная высота снежного покрова. В теплое время года активизируется циклоническая деятельность, что сопровождается выпадением более значительного, чем зимой, количества атмосферных осадков. Среднегодовая температура воздуха -15°C. Наиболее холодным месяцем является январь со среднемесячными температурами — 45,0°C, с абсолютным минимумом –67,8°C. Самый теплый месяц — июль со средней температурой +15,2°C, максимум +34,6°C. Количество атмосферных осадков невелико (в основном летом). Суровые зимы и засушливое лето, резко континентальный климат.

Почему-то мне кажется, что Туостах переводится как речка Берестяная, но в этом я не уверен. На реке имеются крутые перекаты, сменяющиеся тишайшими запрудами, местами она мелкая, но на довольно больших участках глубокая: бродом не перейдёшь. Сильно петляет, имеет множество рукавов и стариц, образуя кучу островом. В ручьях, впадающих в Туостах, на дне бьют тёплые геотермальные ключи, благодаря которым растения защищены от холода. Зимняя температура вблизи реки на 15° выше, чем в округе, а на самой реке зимой бывают незамерзающие водные пространства. По реке никто не живёт, но охотничьи зимники есть; в верховьях Туастаха пастухи пасут домашних оленей. Туостах — самый большой приток Адычи, река чистая, рыбная. Ихтиофауна представлена 30 видами рыб: хариус, ленок, таймень, сиг, голец, карась и др. Крупные экземпляры тайменя — речного тигра — достигают 40 кг.

Туостаха распространены лесные, луговые, альпийскотундровые и степные растительные сообщества. Много видов высших растений, из которых 10 редких и 80 лекарственных. Растительность представлена лиственницей, ивой, ольхой, тополем и тальником. На северо-западных склонах встречаются заросли кедрового стланика. Благодаря уникальному микроклимату, здесь растут такие экзотические виды растений как бузина, рябина (высотой до 10 м), тополя с окружностью до 2,5-2,8 м (высотой до 35 м и охватом до двух с половиной метров), имеет место обилие целебных трав (например, золотой корень – радиола розовая) и ягод (смородина, охта (странно: охта по-фински медведь, таких названий полно под Питером, а якуты так называют дикую смородину, которую обожают медведи), малина, морошка и т.д.). Лиственница здесь вырастает до больших размеров. В этих краях обитают 30 видов млекопитающих: дикие олени, лоси, медведи, снежные бараны (чубуку), бурые медведи, волки, кабарга, много пушных промысловых зверей: соболи, росомахи, рыси, зайцы, горностаи и др. В этом регионе обнаружено 137 видов птиц из них более десятка оседлых зимующих видов птиц: рябчики, каменные глухари и т д. Весной на пролете много уток и гусей, белая куропатка и каменный глухарь. Зимуют мелкие воробьиные птицы.

Портянки

Распортянились портянки, Расшинелилась шинель.

По косогорам и каким-то моховым болотам шёл я довольно бодро, раскачиваясь как кавалерист, с ногами в виде арок и со сбитыми седлом ляшками. Неумело натянутые портянки слезали, натирали ноги. Приходилось останавливаться, садиться на поваленное дерево, снимать кирзовые сапоги и по-новой переобуваться. Также неумело.

Ноги постоянно были мокрыми, даже когда в болото не проваливался. Хорошо бы разуться, развалиться на травке, дать ногам отдохнуть и портянки посущить, развесив их по ближайшим кустам. Так я и делал, но были обстоятельства, затруднявшие процесс. Травка маскировала вечную мерзлоту, на которой долго не пролежишь. Туча комаров немедленно впивалась в голые ноги, нарушая кайф. Время от времени налетавший дождь мешал процессу сушки.

Однажды на военном деле полковник (в МГУ почему-то все воен.спецы были полковниками) показывал, как наматывают портянки, но я, видимо, смотрел куда-то не туда и ничего не запомнил. В подвале химфака был и специальный стенд с рисунками последовательности действий. С текстом:

Портянка — кусок ткани для обматывания ноги, нижнее бельё для ног, прямоугольный кусок тёплой и прочной ткани. Обёртывание правой ноги: портянка расстилается на какой-либо ровной чистой поверхности или, при обвертывании на весу, гладко расправляется и натягивается руками; при обвертывании правой ноги стопу ставят на полотнище портянки ближе к правому краю её, отступая от этого края на 20 см, причём так, чтобы концы пальцев немного не доходили до переднего края портянки (приём 1); захватывают правой рукой передний угол короткого конца портянки и обвертывают этим концом стопу сверху, расправляя складки; самый угол подсовывается под подошву с внутренней стороны и удерживается в таком положении с помощью

свободного длинного конца портянки, натягиваемого другой рукой (приём 2); тщательно расправив складки на подъеме стопы, а также на подошве (для чего натягивают край портянки сзади пятки), длинным концом портянки, полным оборотом, обвертывают (меняя при этом руки) тыл стопы, подошву и пятку (приём 3); свободный конец портянки., главным образом передний край её, натягивают вверх, вдоль голени (приём 4); затем обвертывают задней частью портянки нижнюю часть голени, прикрывая передний край портянки; при этом пятка плотно обхватывается сзади и внутри при помощи складки с внутренней стороны голени (приём 5). Обвертывание левой ноги производится аналогично правой с соответственной переменой рук и концов портянки.

Читал, читал, но ничего не запомнил. А зря. Уже бродя вокруг Батагая ноги стёр, а здесь вообще могу их лишиться.

Была попытка отказаться от портянок в пользу носков. Ничего не вышло. Мать дала мне штук 10 пар носков: тонких и толстых. Носил с сапогами. Исчезли! Дошли до молекулярно-дисперсного состояния и с сожалением были выброшены.

До Эйнштейна мне далеко: тот всегда ходил без носок, теоретически доказав их бесполезность. Я же практик, на босу ногу обувь не ношу. Кожа у меня тонкая...

На базе мне выдали два полотна — одно в виде простыни, другое — длинное и широкое из тонкой шерсти. Шерстяное я пока не употреблял, а стелил под себя, спасаясь от сырости. А простыню резал на куски треть метра на треть, получались летние портянки. В них и ходил. Вещь удобная — сносу нет, дыра появилась — мотай другим концом, если часть промокла, используй другую. Стирать удобно, а можно и не стирать. Если на запах не реагировать...

Всё хорошо, только их надо уметь плотно наматывать их на ногу. Школа нужна, которой у меня нет. Самоучка я! Как в математике...

Постигал жизнь самостоятельно. Не слишком умело: портянки сбивались и ноги натирались.

Не надо было с мерина слезать.

Муравейник

Чтобы получить знание, нужно учиться; чтобы получить мудрость, нужно наблюдать

Предался я горестным размышлениям о бренности человека, у которого шкуры надёжной и той нет, не говоря уж о шерсти, рогах и копытах. Босиком по тайге-тундре не пойдёшь. Вот и носи сапоги с портянками по кочкам болотным.

Через час философских бдений вдруг обнаружил, что меня кусают. То есть кусали меня непрерывно, но в основном снаружи. К комарам я почти привык, однако теперь по моему телу ползало что-то инородное. Ползало и кусалось. Пришлось обратить внимание на окружающую действительность. Оказалось, что я лежу на муравейнике полном жизни. Странно! До сих пор я такого в здешних краях не встречал. В вечной мерзлоте жить трудно. Но в долине Туостаха климат теплее, чем в округе. Это сказалось. Муравейник большой, и, несмотря на умеренно паршивую погоду, довольно оживленный: аборигены что-то строили и что-то тащили на себе и к себе.

Муравей не велик, а горы копает.

Машинально обрезал веточки, зачистил их и воткнул в кучу. Муравьиной кислоты (метановая кислота, НСООН, если кто не знает) полизать захотелось. Вспомнил детство-отрочество, Клязьму, и многочисленные муравейники в тамошнем бору. В своё время я много наблюдал за этой параллельной цивилизацией. И даже эксперименты ставил.

Коллективный разум. Нам не понять.

Тысячи существ суетились, полный хаос движений, а из этого хаоса вырастало сооружение, сложнее построек человека. Муравьиная община преодолевает пространства, по чёткому плану строит колонии, размножается, перерабатывает почву, уничтожает насекомых – вредителей леса; при этом сами служат пищей для птиц и многих животных, включая наглых медведей.

Присмотрелся к местному муравейнику. Мне показалось, что он ниже среднего подмосковного, с более плоской крышей, и построен не столько из хвои, сколько из крупного песка и мелкого гравия. Муравьи были рыжими, как у нас, но мелкими. Говорят, муравьи любят тащить к себе блестящие частицы, зерна магнитных прод и, особенно, золото. Не знаю, такого не видел.

Муравейник — необычайно сложное по своей конструкции сооружение. Чтобы его создать муравьи должны обладать уникальными способностями и знаниями, они должны уметь считать (видимо в уме — вычислительных систем у них вроде нет) и пользоваться результатами счёта. Прикладной математикой должны увлекаться.

Должны. Не знаю только кому.

А нужны ли расчёты, инженерное оборудование, компьютеры и прочие наши прибамбасы, для создания такой разумной цивилизации, как муравьиная общность? Нужна для этого математика? Или коллективная общность, распределённый разум ничего подобного не требует. Да и что такое математика сама по себе? Это ведь не наука, а фикция. Может ли хаотическое (случайное) действие привести к созданию упорядоченных структур? Это вопрос! Похоже, я знаю ответ. Чтобы создать гигантские пирамиды, величественные готические соборы, термитники и муравеники, математиком и инженером быть не надо — всё это создаётся само собой, путём ненаправленной деятельности коллективных масс. А математика — штука бесполезная. И здесь и везде.

Ориентироваться надо не на спекуляции, а на факты.

Муравьи постоянно проводят учёт количества особей в колонии. На основе полученных данных определяют, пришло ли время их семье делиться, и создавать новое поселение..., и принимают решение. Они учитывают условия среды обитания, её качество, и, оценив какая по площади территория необходима для прокорма каждой семьи, строят на требуемом расстоянии друг от друга муравейники. Расстояние между ними зависит от вида и состояния кормовой базы урочища, а также от густоты леса и сомкнутости крон деревьев. В одном городище высота куполов, их диаметр, объём кучи, крутизна склонов почти одинакова. А отношение высоты к диаметру подчинено всеобщему закону гармонии природы – золотому сечению, т.е. отношению 1:1,62.

Меня всегда интересовало, как они перемещаются в пространстве, добывают пищу, сообщают коллективу о находках подходящих стройматериалов, пищи или приближающейся опасности, как прокладывают транспортные пути и регулируют перемещение по ним по ним грузовых потоков.

Я строил лабиринт, в центр его помещал муравьев, а потом на некотором расстоянии от них клал приманку (сахар). Очень быстро у приманки оказывался муравей-разведчик, осмотрев находку и оценив её ценность и величину запасов, он немедленно возвращался в гнездо, сообщал о находке своим товарищам, и вскоре к сахару тянулась цепочка рабочих муравьев-фуражиров, начиналась разработка полезного ископаемого и доставка продукции к себе домой. Лабиринт мой состоял из многих поворотов. Приманку я перемещал по лабиринту: сначала муравью надо было преодолеть один поворот, потом второй, третий и т.д. Число поворотов увеличивалось, но муравей сразу шёл к ней по кратчайшему пути, не путаясь в поворотах сложного извилистого хода. Никаких проб и ошибок! Он не тыкается попусту даже после недельного перерыва в эксперименте. Однако наступал предел: 15-ый поворот. Дальше муравей отыскать сахар без пробных «тыков» уже не мог.

А вы сможете? Способны вы запомнить путь в лабиринте из 15 поворотов после первой же попытки? Да нет, куда вам. Интеллект не тот...

Муравьи хорошо ориентируются и на дневной поверхности, и в трёхмерном (объёмном) пространстве, т.е. и глубоко под землей, и на высоких деревьях. Будучи слепыми, они уверенно находят дорогу к пище и воде, к источникам лесных стройматериалов. Большое семейство муравьёв выдвигает из своего коллектива

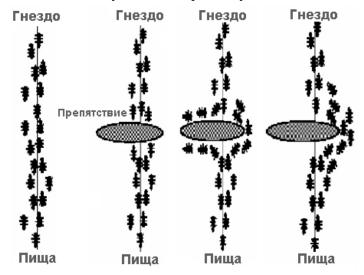
нескольких наиболее опытных и способных разведчиков и наставников, которые потом указывают путь многим тысячам носильщиков и строителей.

Однажды я положил на муравьиной тропе три неравных кусочка пищи. Обнаружив их, муравей-разведчик тщательно изучил добычу и вернулся в муравейник. Немедленно появились три группы, каждая из которых направилась к «своему» объекту. При этом соотношение числа носильщиков в командах точно соответствовало соотношению веса частей добычи. То есть муравей-разведчик не просто рассказал собратьям о своей находке, не только объяснил путь к ней, но даже произвел точные расчёты рабочей силы, необходимой для переноса каждого вида груза!

Непрерывным транспортным потоком у муравьев управляют регулировщики дорожного движения. Они наделены особыми правами, способны на большом расстоянии и быстро перерабатывать информацию о возникающих на тропе препятствиях (упало дерево, появилась промоина и т.п.). Тут же они принимают меры для организации нормального двустороннего движения и требуют при этом беспрекословного повиновения себе. В результате быстро ликвидируется возникшая на муравьином проспекте напряженная ситуация. Некоторые муравьи, обеспечивая оптимальную скорость движения транспортного потока, на ходу производят «ямочный» ремонт дорожного полотна. Они не только засыпают неровности, но и выравнивают их своими телами, оставаясь неподвижными во время всего рабочего дня. При этом, в зависимости от размера колдобины, в неё ложится один или несколько «ремонтников».

Но как же муравьи выбирают свои пути-дороги? Ориентируются они по запаху, по оставленному разведчиками пахучему следу (пахнут — феромоны). Одного миллиграмма феромона хватит для маркировки тропы протяженностью 120000 км!

Способны муравьи определять направление и по небесным светилам: по Солнцу, Луне и звездам. Причём они видят звезды даже среди бела дня. Насекомые находят на местности нужный им пункт и возвращаются домой. Запоминают они и ориентиры — бугорки и ямки, кустики, приметные вершины деревьев. Но под землей или внутри купола, во тьме им уже не помогают ни небесные светила, ни другие видимые природные ориентиры. Тем не менее даже в самом начале строительства гнезда муравьи передвигаются в таких условиях буквально непроторенными путями. И ведут себя так на протяжении всей последующей жизни гнезда, а оно — трёхмерный лабиринт с весьма сложной топологией и доступностью транспортных путей. Муравьи не только перетаскивают по этим путям огромное количество негабаритного груза, они постоянно строят и перестраивают своё жилище, занимаются его проветриванием, поддерживают в нём повышенную концентрацию углекислого газа.

муравейнике постоянно оживленная, идёт разноголосая беседа. Человеческое ухо её не воспринимает, но удаётся записать эти звуки и сделать их различимыми для нас. Оказалось, что рабочие издают муравьи одни охранники a другие, произносит царица, иногда вводит всю колонию в состояние транса и воодушевляет население на подвиги и даже самопожертвование.

Но всё же: как толпы муравьёв находят оптимальный путь к цели? Мне, как специалисту по диффузии,

миграции и массопереносу, т.е. по перемещению чего-то или кого-то из одной точки пространства в другую, знать это интересно и полезно.

Колония муравьев – многоагентная система, в которой каждый агент (муравей) функционирует автономно по очень простым правилам. Поведение агентов примитивно, но поведение всей системы оказывается разумным. Муравьи относятся к социальным насекомым поскольку образуют коллективы. Коллективная система способна решать сложные динамические задачи по выполнению совместной работы (которую не может выполнить отдельный элемент) без внешнего управления, контроля или координации. Это - роевой интеллект, определяющий способы кооперативного поведения (стратегию выживания). Основу поведения муравьиной колонии составляет самоорганизация, обеспечивающая достижения общих целей колонии на основе низкоуровневого взаимодействия. Колония не имеет централизованного управления; обмен информацией идёт только между отдельными особями (прямой обмен – пища, визуальные и химические контакты) Есть и непрямой обмен – разнесённое во времени взаимодействие, при котором одна особь изменяет некоторую область окружающей среды, а другие используют эту информацию позже, когда в неё попадают. Такое отложенное взаимодействие происходит через феромон. Концентрация феромона на пути определяет предпочтительность движения по нему. При своём движении муравей метит путь феромоном, что используется другими муравьями для выбора маршрута.

Пусть на оптимальном пути неожиданно возникла преграда и надо искать новую дорогу. Дойдя до преграды, муравьи с равной вероятностью будут обходить её справа и слева. Однако, те муравьи, которые случайно выберут кратчайший путь, будут быстрее его проходить, и за несколько передвижений будут сильнее обогащать феромоном (феромон испаряется и если муравей идёт медленно до цели и медленно возвращается, то феромон успеет испариться, идущий по следу муравей по нему не пойдёт); так выбирается самый быстрый путь, а т.к. скорости муравьёв примерно одинаковы, то такой путь — самый короткий, т.е. оптимальный. Поскольку движение муравьёв определяется концентрацией феромона, то следующие будут предпочитать именно этот (хорошо пахнущий) путь, продолжая обогащать его феромоном. Положительная обратная связь быстро приведёт к тому, что кратчайший путь станет единственным маршрутом движения большинства муравьёв. Испарения феромона (отрицательная обратная связь) гарантирует, что найденное локально оптимальное решение не будет единственным — муравьи будут искать и другие пути.

Муравьи слепы: они полагаются только на обоняние и осязание, и, надо сказать, очень удачно. Но не всегда. Муравей может случайно потерять общую тропу и начать идти своей дорогой. А дорога эта описывает круг вокруг дома. Он проходит по ней несколько раз и усиливает запах феромона. Другие муравьи теперь следуют по его пути, усиливая химический сигнал. Муравьям кажется, что они идут по все более четкому следу, в то время как на самом деле они ходят кругами, пока не умирают от истощения. Только немногим особям удается выйти из круга смерти. Говорят, бывают круги диаметром в 400 м, а муравьи по ним ходят до трёх суток.

Ну, так и люди, хоть они не слепы, бредут за лидером-властелином, укрепляя дорогу. И ходят по кругу, пока кто-то внешний не разорвёт этот круг.

Возлежание на муравьиной куче пошло мне на пользу и даже в какой-то мере определило мою судьбу. Именно здесь у меня родилась идея нового научного направления, которое я назвал «Природные вычисления». Много позже создал я для компьютеров муравьиные алгоритмы (алгоритм слепого муравья, близорукого, дальнозоркого) и начал моделирование на графах поведение муравьёв, связанное с их способностью быстро находить кратчайший путь от муравейника к источнику пищи и адаптироваться к изменяющимся условиям, находя новый кратчайший путь. Эти алгоритмы удалось применить к описанию диффузии в сильно разупорядоченных, дефектных, пористых и наноструктурных материалах, к решению таких сложных комбинаторных задач, как задача коммивояжера, задача оптимизации маршрутов грузовиков, задача раскраски графа, квадратичная задача о назначениях, задача

оптимизации сетевых графиков, задача календарного планирования, оптимизация сетей, управление роботами, обработка печатных плат, исследование ДНК, составление маршрута облета местности летательным аппаратом, построения минимального маршрута при условии наличия препятствий и много где ещё.

Но это будет потом.

Сейчас же я встал, отряхнулся, выдернул из муравейника свои палочки, засунул их в рот и стоевым шагом направился неведомо куда.

Никто, никто не может догадаться Куда идёт примудрый гном, А гном идёт купаться!

Tecm

Счастлив, кто падает вниз головой Мир для него, хоть на миг, – а иной

Муравейники были, а дичи нет. Пустой тайга, однако.

Вышел я на очередную протоку Туостаха. Сел на камень и пригорюнился, как Алёнушка. Самое время подумать о смысле жизни. Полчаса упорно думал, но ничего не придумал. Пора домой.

Посмотрел я на реку и понял: "Я могу её переплыть". Мысль интересная, но абстрактная. Отогнал её и встал. Переплывать Туостах мне было совершенно ни к чему. И даже вредно. Но тут меня осенило: "А ведь я трус! Испугался! За жизнь уцепился. Нужна она мне, эта жизнь?" Я сел обратно. Дело серьёзное. Зачем я в экспедиции, что меня сюда принесло? Я тут, чтобы проверить трус я или нет. Много раз в Москве пытался ответить на этот вопрос. И не мог. Сомневался как-то. Не было случая проверить экспериментально. Вот теперь он представился, а я – в кусты?! Чтобы всю оставшуюся жизнь в себе сомневаться?

От себя не уйдёшь.

А ну — со смертью будем храбры!

Ведь всё равно возьмёт за жабры.

Снял ружьё и патронташ, быстро разделся до трусов и пошёл. Но остановился. Ноги буквально свело, тело затрясло, прошёл мороз по коже. Организм мой испугался, и куда-либо двигаться отказался.

Всё же я – трус. Жалкий трус. Мещанин во дворянстве.

Залез на высокий камень, можно сказать — на скалу. Её омывал поток воды. Спокойный и мощный, плотный, как ртуть. Потоптавшись немного на граните, я бросился вниз головой. Вода обожгла, перехватило дыханье. При такой температуре 3 минуты и я труп. Сильное течение поволокло куда-то. Я замахал руками, как ветряная мельница в шторм, заколотил ногами. Ни на одной сдаче норм ГТО не развивал я такую мощность. Ширину реки (метров тридцать) преодолел на одном дыхании. Вылетел на берег и распластался на морене. Тело задрожало, но теперь от холода. Показалось, что потерял сознание. Однако, постепенно стал воспринимать действительность. День был ясный, светило солнце и было тепло. Но песок, на котором я лежал, был холодным. Тело моё, покрытое слоем комаров, вибрировало и чесалось.

Встал и отряхнулся. Похоже пора домой.

А как?! Туостах – река длинная, её не обойдёшь. Надо обратно плыть. Об этом раньше не подумал. Лезть в реку не хотелось. Даже смотреть на неё было противно.

Идея с самого начала была дурной.

Чтобы преодолеть трудности, их надо сначала создать!

Принцип идиота.

Однако комары кусались и мёрз я в голом виде. Подохнуть можно...

Прошёлся я немного по берегу, поискал нет ли брода. Нашёл нечто вроде того.

Сунулся в брод, по самый рот.

Быстро зашагал по воде, она дошла до груди, опять меня понесло. Снова замахал я руками, смешивая кроль с батерфляем, но метров через десять нащупал дно и выбежал на берег, как ошпаренный.

Побежал в припрыжку вверх по реке. Нашёл одежду и не вытираясь оделся.

Всё! Тест сдал успешно. Даже два.

Теперь точно знаю, что я смелый, храбрый, мужественный и решительный человек. И плавать умею.

Кто ищет приключения на свою задницу, обязательно найдёт.

Гуси Гуси,гуси гу-гу-гу... Не... Га-га-га! А, пофигу...

Зашагал я домой (дом есть наша с Анатолием палатка, установленная сейчас где-то на севере). Далеко не продвинулся, так как путь преградила очередная старица Туостаха (тут их великое множество). Течения не было, берега густо поросли орешником, тростником и осокой. Была и какая-то трава, круглая, как лук, но без дыры в центре. Её активно поедали гуси и даже выкапывали клубеньки. Я не биолог (слава Богу!), но я её определил как хвощ, т.к. она была похожа на гриву лошади. Когда я бродил по подмосковным лесам в поисках грибов, всегда на болотах нарывал такого хвоща, мать им натирала медный таз для варенья.

Добраться до воды было непросто, пробиваться бы к ней не стал, просто бы обошёл, если бы не услышал громкий гогот.

Продрался сквозь лозняк и увидел удирающих от меня гусей. Показалось, что они приняли разгон на взлёт, но взлетать не стали, а просто активно маневрировали по изгибам русла под руководством большого гусака. Тогда я не знал, что в эту пору гуси линяют и летать не могут. Особо рассуждать я не стал, скинул с плеч ружьё и, не надевая очков, дал залп из двух стволов.

Когда дым рассеялся, гусей уже не было. Пошёл посмотреть на результат. Два гуся и гусёнок плавали вверх лапками. Пришлось опять скидывать штаны и лезть в воду. Много тины. С помощью палок и веток подогнал гусей к себе и забрал.

Я добытчик или кто?

Теперь уж точно пора домой.

Какой-то американский философ залепил: "*Чтобы найти верную дорогу, сначала надо заблудиться*". Мудак он, а не философ. Что мне сейчас сильно не хватало, так это заблудиться. Не просто так, а что б найти верную дорогу!

Я, ребята, не философ, я — человек простой. Поэтому блудить не стал. Сразу пошёл туда, куда надо.

Да! У меня нет карты, нет компаса, нет радиопривязки. Нет тут ни дорог и ни троп. Солнце по кругу ходит, и местного времени я не знаю.

И что с того?

Строевым шагом двинул по тайге,

Шёл солдат с похода,

Зашёл солдат в кабак,

Сел солдат на бочку,

Давай курить табак.

Ать! Два! Горе – не беда.

Направо – околёсица,

Направо – лабуда.

 $Amb - \partial вa! Amb - \partial вa!$

Через пару часов вышел я на лагерь и гордо бросил к ногам АС добытых гусей.

– Что-то ты долго гулял, – недовольно сказала мне AC, – Гуси – это хорошо, но инициатива наказуема: ощипи их, отпотраши и опали.

Вот так! Сделай доброе дело – сам за него и ответишь.

Надрал большое количество пуха и перьев. С учётом глухарей и некоторых других птиц, добытых каюром, получилась подушка. Настоящая подушка, единственная в экспедиции. С чехлом от мешка для геологических проб. Спал я теперь с комфортом. Правда она была скорее перьевой, чем пуховой. Но концу сезона она стала пуховой целиком.

Пока Анатолий готовил гуся, я развернул рацию и попытался связаться с базой. Ничего не вышло. Надо как-то выше поднимать антенну.

Гуся ели с черемшой. Вроде трава, а в вкус чесночный. Говорят, от цинги помогает.

С ужином затянули, не только из-за готовки, но и из-за долгой беседы об останцах-кигиляхак, поскольку они постоянно мелькали на горизонте, а завтра мы должны с ними встретиться. Так долго, что мне показалось, что солнце на короткое время скрылось за горизонтом, впрочем, оно, скорее всего, просто временно спряталось за горкой.

День был полон приключений. Сразу не заснёшь: нервы... Почитал немного Сагу. В большом кресле с подставкой для книги сидит старый Джолион — эмблема своей семьи, класса, верований: седая голова и выпуклый лоб — воплощение умеренности, порядка и любви к собственности. Самый одинокий старик во всём Лондоне. Так он сидит, окружённый унылым комфортом, марионетка в руках великих сил, которые не знают снисхождения ни к семье, ни к классу, ни к верованиям и, как автоматы, грозно движутся вперёд к таинственной цели. Вот что увидел молодой Джолион, умевший отвлечённо смотреть на жизнь. Бедный старик-отец! Вот, значит, ради чего он прожил жизнь с такой поразительной умеренностью! Остаться одиноким и стареть все больше и больше, тоскуя по живому человеческому голосу!

И отключился.

Мне на всё наспать.

Кигиляхи

Камень преткновения и скала соблазна.

Быстро собрались, построились караваном и в путь.

Качаясь в седле и наблюдая появляющиеся время от времени скалистые останцы, я пытался собрать воедино свои знания по этому якутскому чуду света.

Кигиляхи — столбообразные скалы неправильной формы, располагающиеся на вершинах или склонах гор.

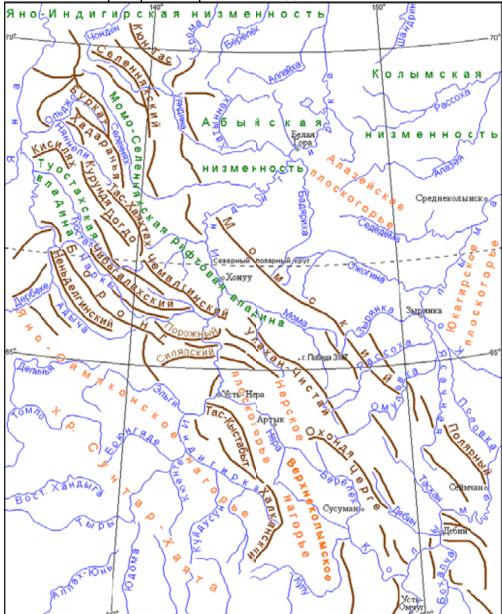
Верхоянском крае скальные останцы – гранитные столбы, называют Кисилэхи, кисиляхи, кигиляхи и даже Киһилээх, мы их в экспедиции называли кигиляхами, так и я привык. По-якутски кис — человек, следовательно кигиляхи — человеки, хотя кигиляхи обычно переводят как место, где есть люди или горы, населённые людьми. Русское название кигиляхов — «кекуры».

Скальные образцы, естественно, встречаются не только в Якутии и не только в России. Есть они, например, в Швеции, где их называют «walking people» — «идущие люди». Кигиляхи распространены на Северо-Востоке Якутии: Алазейском плоскогорье, Полоусном, Кюн-Тасе и Кисиляхском хребтах. Слово «кигилях» встречается в географических названиях: полуостровов Кигилях и мыс Кигилях — в югозападной части острова Большого Ляховского; гора Кисилях-Тас одиноко стоит среди тундры на правом берегу р. Алазеи, в 160 км от берега Восточно-Сибирского моря. Острова Столбовой и Четырехстолбовой морей Лаптевых и Восточно-Сибирского названы так из-за каменных столбов — кигиляхов на них.

Отличие скальных останцов от остальных (Ленские и Енисейские столбы, столбы в Чешской Швейцарии) в том, что они не из осадочных пород, образовавшихся на дне

океана, а из твёрдых горных минералов, в основном из гранита (якуты его называют их «ийэ таас» — «материнский камень»). Считается, что якутские кигиляхи возникли 120 млн лет назад. В это же время образовались Верхоянский и Черский хребты как результат наезда Северо-Американской континентальной плиты на Евразийскую. Именно после образования складок на этих хребтах начали формироваться кигиляхи. Своими современными формами они обязаны выветриванию, которое в условиях морозной погоды и местонахождения (вершины скал) образует каменные столбы. Благодаря быстрому понижению температуры воздуха в осенне-зимний период, в горных породах возникают большие температурные градиенты. Образующиеся в результате этого морозобойные трещины разрывают массив пород на блоки. В дальнейшем выветривание, расширяет и углубляет трещины. За длительный промежуток времени — многие тысячи

лет – гранитные блоки приобрели современный вид.

Из всей горной страны Черского нас больше всего интересовала гряда Кисилях (см. северо-запад карты).

Вокруг Батагая мест с кигиляхами много. Основных три, а поскольку они имеют одинаковые названия, то возникает изрядная путаница о каких именно скалах идёт речь.

Ближе всего к Батагаю (практически точно на юг), между реками Яна и Адыча располагаются горы Киһилээх, протяжённость которых 80 км. У них две вершины:

Большой Киһилээх (гора Ыыннаах – мать гора) высотой 1705 м, и удалённый от неё на 50 км Малый Киһилээх (Элгэс Киһилээ5э) с высотой 1081 м. Хребет состоит из множества различных горных пород, в его состав входят глинистые сланцы, песчаники юры, аргиллиты и др., возникшие в меловом периоде. «Мать-Гора» богата агатами разных оттенков, халцедонами, серпентинами, горным хрусталем. Внешне она представляет собой увалистую поверхность с резким выделением останцов. Высота некоторых скал достигает высоту 30 м. Кигиляхи расположены на главном гребне хребта и, кроме того, тянутся по всему водоразделу, образуя иногда непроходимые стены или лабиринты с небольшими ходами между столбами. Чем дальше от вершины находится кигилях, тем он ниже ростом; на вершине располагаются идеально ровные столбы, а ниже они приобретают причудливые формы.

Интересная особенность этого района — наличие горок в виде усечённых пирамид с ровно срезанными вершинами. "Аэродромы" тянутся на километры в длину и в ширину. (При ближайшем рассмотрении ровность их довольно относительна — самолетам я бы не рекомендовал тут садиться). На Ыыннаахе находится: «Балаган Таас» (Камень-зимняя юрта) — усеченная пирамида и «Ураса Таас» (Камень — летняя юрта) — коническая пирамида. К пирамидам относят Ат-Хайата, Хатыннаах, Ендекёччю и др.

Понятно, что такие чудеса не могли оставить равнодушными аборигенов, ибо без потусторонних сил тут не обошлось. Когда землю ещё не покрывали снега и не было вечной мерзлоты, люди тогда обитали в горах. Но климат изменился, сильно похолодало. В момент, когда жизнь стала совсем невозможной, люди решили переселиться на юг, спуститься с гор. Но во время перехода Кисиляхского хребта многие из них, не выдержав холода, замерзли. Со временем они превратились в каменные столбы, которые, покрываясь все новыми и новыми слоями камня, достигли своих настоящих размеров. По другой легенде давным-давно жил в верховьях Яны отважный народ. Жизнь была в те времена светлая, сытая, счастливая. Царили мир да лад, счастье и радость. Но пришла чёрная весть, что идут к ним недруги из-за гор и будет война, прольется невинная кровь. Стал народ молиться, и услышал Бог их молитвы, и обратил недругов в камни, что усеяли этот хребет. Впрочем, некоторые полагают, что дух горы рассердился на враждующие племена, живущие в долине, и обратил самых дерзких воинов в камень.

Но так рассуждают люди тёмные, не образованные. А образованцы, что телевизор смотрят, газеты читают, чему-то учились (правда, уже не помнят чему именно), трактуют кигиляхи в меру своей фантазии. На радость журналистам (те ещё ребята, если у них кто обладает знаниями в объёме трёх классов церковно-приходской школы – уже профессор).

Посмотрите на каком-либо фольклорном празднике, как одеваются якуты. Вы сразу признаете в кигиляхак древних людей Саха, ибо детали этих статуй совпадают с покроями одежды, с узорами, с особенностями моды якутов. Шапки с плоским верхом и двумя стоячими ушами носят только молодые люди, ну так они на молодых скалах и красуются. Женщины и старики носят шапки дьабака — такие на старых скалах и есть. Вся группа огромных людей опоясана одним священным ситии, это обряд алгыса. Видно же!

- Да нет! Это же аналог статуй с острова Пасхи. Сильно разрушены временем, а что вы хотите? Сколько им лет?! Или вот посмотри на этот кигилях. Типичный египетский Сфинкс. Не видите? Это потому, что черты лица стерты из-за глубокой древности. И с глазами у Вас что-то не то...
- Дело не в этом, уверяет нас экстрасенс, камни эти имеют особую энергетику. Мать-гора основная точка (на других он не был, а то, глядишь, какая-нибудь иная точка стала бы основной), энергетический Центр Планеты, связывающий нашу Землю с космосом, Вселенной. (Судя по окрестностям Батагая, тут целый кластер связей со Вселенной). Короче, это Северная Шамбала (Земля Обетованная вы знаете, и некоторые горы (вон: видите! видите!) это рукотворные пирамиды.
- Да они не сейчас с Космосом связаны, а в былые времена. Это следы цивилизации гиперборейцев материка Арктиды. Историк Плиний Старший точно

указал, что они проживали за Полярным кругом. Подтверждения? Пожалуйста: гигантские плоты, что регулярно видны на вершинах гор, изготовлены из деревьев диаметром в полметра. Это гиперборейцы спасались во времена всемирного потопа, реалистично описанного в Ветхом Завете. Ещё пример — дальняя гора, из которой весной идёт дым, причём то светлый, но тёмный. Дымит месяц-два, а потом внезапно перестаёт. Вулкан? Подземное царство? Но почему дым идёт только весной? Не понять нам...

- На горах Эльгэс находятся статуи атлантов, а в Ыыннаахе лемурийской цивилизации. У атлантов они без «шапок», у лемурийцев с «шапками», большими острыми носами, как на острове Пасхи. Здесь статуи разрушены сильнее, следовательно, они старше. Это место контакта с внеземным разумом. Именно тут располагалось последнее убежище атлантов.
- Только цивилизация Гипербореев могла воздвигнуть таких исполинов. Но сама Гиперборея располагалась вовсе не здесь. Материк гиперборейцев состоял из четырёх островов Северного Ледовитого Океана, разделенных проливами. Гиперборейцы после катастрофы, погубившей их мир, перебрались на континент по хребту Ломоносова, в то время ещё не погрузившемуся в бездну океана. На этих островах большие кигиляхи. А то что вокруг Батагая это путевые столбы, маяки, чтобы не заблудиться по пути на Север.
- Смотри: кигиляхи в виде статуй людей с книгами. На Тибете «Читающий человек» охраняет древние знания самой развитой земной цивилизации древней Лемурии. Известно ведь, что на Тибете раньше жили «Саха дьон», которые «ушли на Север». Значит, к нам. Они когда-нибудь вернутся и прочитают тайную древнюю Книгу.

Это я рассказываю про останцы, которые зовут батагайскими кигиляхами. Но есть ещё одно сакральное место под названием гора Кисилях. Это на восток от Батагая до Бетенкёса, потом вниз по Адыче (на север), а уж затем несколько километров вверх по Туостаху. Я уже упоминал об этой сопке, что между Адычей и Туостахом, к югу от Туастаха, мы её три дня назад миновали. Сопка, как сопка. Но в начале 21-го века построили на левом берегу Туостаха турбазу и началось паломничество туристов. Энергетический Центр Вселенной перенесли туда, воздух и воды тут же оказались целебными. Стали на вершину заволакивать больных – лечить сразу от всех болезней.

Но мы направляемся в гряду Кисилях, расположенную между Адычей и Туостахом, но к северу от него и довольно далеко от правого берега. Горы состоят из двух хребтов, образующих почти прямой угол, направленный на север. В углу пробито ущелье, делящее массив Кисилях на две части: западную и восточную.

Сейчас наш отряд экспедиция бодро топает на западный хребет, знакомиться с кигиляхами.

Анна-Ванна, наш отряд. Хочет видеть поросят! Мы их не обидим. Поглядим и выйдем!

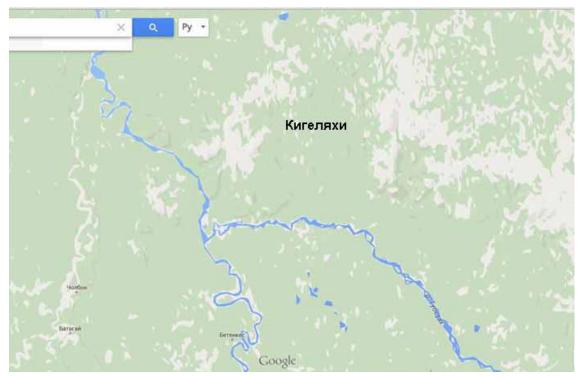
Левый Кисилях

Каменное сердце...Каменные люди... На ладони Бога что же с нами будет?

Отдохнули мы хорошо и потому встали рано. Солнце уже сияло. Давно бы так! А то дожди да дожди. Пора менять погоду. В этих местах осадков должно быть мало. Жаль сами места об этом не знают — сырость разводят....

Позавтракали якутской лепёшкой со сладкой сгущённой, попили чаю вволю, и по коням.

Сначала двигались довольно ровно, затем стали подниматься в гору. Всё круче и круче. Лошади пердели, писали и какали, спотыкались на камнях, мхах и корнях, но как танки, тащили нас куда-то вверх. Осыпи и обрывы заставляли постоянно менять маршрут. То мы лезли в лоб, то вдоль горы, то закладывали серпантин. Подъём сменялся крутым спуском и новым подъёмом, круче первого.

Из Батагая мы переместились на восток в Бетенкес, переправились через Адычу, пошли на север, переправились через Туастах и снова на север до гряды Кисилях, где сначала посетили западный, а потом - восточный (высокогорный) массив.

Виды из космоса на массив Кисилях и реку Туостах.

А по короткому пути туда и вовсе не дойти.

Манекен в сетке Павловского.

Лес практически кончился, пошли какие-то кустарники, а затем – кедровый стланик и, местами, нечто вроде тундры с болотами. Заметно потеплело. Хорошо, что заранее снял телогрейку и теперь сидел на ней, оберегая задницу от повреждений. Стал на ходу раздеваться. Снял штормовку, потом пуловер. Помогло, но слабо. Температура воздуха повышалась в хорошем темпе. Надо снимать с себя всё, но об этом не могло быть и речи: тучи комаров сопровождали наш караван. Воздухе стоял

постоянный писк. Мало того, появились овода, слепни и прочая гнусь. То-то они порадовались нашим открытым торцам. Это удовольствие мы им доставлять не стали. Лично на мне — майка, плотная рубашка и энцефалитка, застегнутая на все пуговицы и завязанные на рукавах тесёмочками, две пары штанов (тренировочные и брезентовые), заправленные в кирзовые сапоги, на голове кепка и сверху капюшон энцефалитки с завязками под подбородком. Ну, и сетка Павловского (нечто вроде рыболовного бредня, спускающего с трёх сторон головы и ниспадающая на лоб, пропитанная демитилфталатом). Так что одет я был довольно хорошо и мне было тепло.

Температура, однако, продолжала повышаться и скоро достигла +30°С! Не ожидал такой пакости от Якутии. И без того потные лошади, стали ещё потнее. Чем сильнее они потели, тем сильнее привлекали гнус. Теперь кони вовсю махали головами, трясли гривами и били себя (и меня заодно) хвостами. Помогало мало. Дышали они тяжело, путь был им привычен, а такой климат – нет.

На склоне цвели эдельвейсы.

Я восседал в седле, как Мандарин, и ничего не делал, но потел будто сидел в сауне в ватнике.

Пот, смешанный с репудином застилал глаза и ел их. Ситуация ухудшилась, когда пошли скалы: альбедо добавило излучений. Ни ветерка.

В этом мире ничего нет нормального: то дождь и холод, то духота и жара. А проще нельзя: тепло и сухо? Видимо нет...

Ваше благородие,

Госпожа чужбина,

Жарко обнимала ты,

Да только не любила.

В ласковые сети

Постой, не лови,

Не везет мне в смерти –

Повезет в любви.

Не известно, в чём повезёт: или в любви или в смерти. Но будем надеяться, что хоть в чём-то повезёт...

Остановились у какого-то ключа, бившего из горы, умылись, попили крепко заваренного холодного чая, заели галетами. Двинулись дальше.

Пытка продолжалась ещё часа два, затем стало холодать. Солнце было уже довольно низко, оно сканировало кигиляхи, то исчезая за ними, то выскакивая в виде прожектора, озаряя и расцвечивая округу нереальными цветами. Прямо как на картинах Рокуэлла Кента, большого друга СССР. Цвели эдельвейсы, благородные и белые.

Прошли курумники и достигли подножия кигиляхов. Лошади заскользили по крупным камням, дальше караваном двигаться было нельзя, мы спешились. Лагерем здесь встать негде. Каюр повел лошадей вниз к границе леса, с ним отправился Анатолий разбивать лагерь, а мы с АС полезли вверх знакомится с кигиляхами. Они были огромными, некоторые как 12-ти этажные башни нависали над нами. Мы – букашки, ползущие по стене. За миллионы лет скалы много таких видели.

Гранитные блоки разбиты вертикальными и горизонтальными трещинами, многие из них находятся в неустойчивом положении. Их северная сторона покрыта лишайниками, южная — скальным загаром (т.е. тонкой в пол сантиметра блестящей чернобурой корочкой), западная и восточная отшелушиваются и осыпаются. Под некоторыми страшно находиться — того и гляди рухнут. На отдельно стоящих кигиляхах есть «ножка», которая существенно тоньше самого останца, со свежими следами отслаивания и шелушения, а под ними, среди глыбового материала, наблюдается скопление мелких плоских остроугольных обломков. Встречаются аккуратно нарезанные гранитные ломти толщиной до 1 м. Кто их смог так аккуратно нарезать и каким инструментом? Не иначе, как Лемурийцы лазером, да не простым, а гамма-лазером.

Померил радиоактивность: гамма-излучения нет, а другие прибор не мерит.

Стал отбирать образцы, некоторые куски гранита легко отламывались и крошились прямо в руках. Такой материал нам не нужен. Стал с остервенением крушить молотком всё вокруг и набил 10 кг цельных кусочков гранита. АС разложила их по мешочкам.

Уселся рассматривать кигиляхи. Они действительно похожи на людей и животных. Ну, так если узоры обоев рассматривать или облака, так тоже, что угодно привидится. Мне, например, эти скалы представлялись фаллическими символами, а их скопления — замками и крепостями. Внимательно разглядывал две скалы напротив друг друга: прямо парень и девушка. Вдруг они бросились друг другу в объятия, крепко обнялись и поцеловались. Целую минуту они были вместе, потом вернулись на место.

Тряхнул головой и посмотрел на реакцию АС. Она близоруко вглядывалась вдаль и никак не реагировала. Взял я рюкзак с камнями и мы пошли вниз искать лагерь.

Легенды

Я расскажу легенду прошлых дней. (Пусть каждый понимает так, как сможет).

Наша база расположилась между стлаником и курумниками, у какой-то глубокой лужи с остатками льда. Так что вода у нас была. Спутанные лошади подались пастись куда-то вниз. Дров было мало, насобирали веточки и корешки, нарубили кедрача, ветки которого пружинили и не давали рубиться. Костёр получился хилым и кратковременным. Ограничились супом из банки, куда для усиления спустили тушёнку. Две минуты кипятить — готово. По кружке чая тоже досталось. Между скалами натянул антенну, но связи не было — фликкер-шум постоянно. Техника тут явно барахлит. Кстати, потом фотоплёнки с фото кигиляхов оказались засвеченными. Энергетический центр в действии.

Расположились на кошмах пред нашей палаткой и завели разговор об останцах, о якутских легендах.

Гора с кигиляхами — мост между Землёй (т.е. Матерью, "срединным миром") и Небом (т.е. Отцом, "верхний мир", Вселенная). Здесь, в горах находятся верховные божества — языческие боги Юрдюк и Аар Айыы, тут Врата Ангелов, ведущие к обители Верхних Божеств, которые похожи на людей, но, конечно, не люди. Каждая скала — отдельное божество, со своей конкретной миссией. Боги обладают Всевышней силой, энергией и излучают её. Для простых людей эта энергия может быть опасной. К скалам

могут подниматься только шаманы — дети одного Неба и одной земли — для энергетической подпитки, для получения благословения от верховных божеств. Для остальных на эти горы наложено табу. Это — «аньыы», т.е. грех. Запрещено на них подниматься, подолгу и пристально рассматривать, нельзя даже говорить о них.

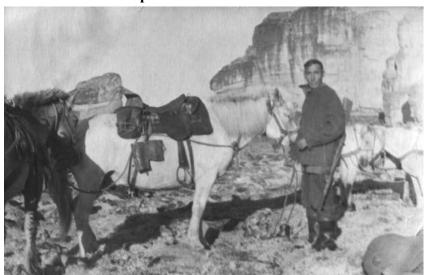
— Непонятно! Мне рассказывали, что охотники, да и простые обитатели этих краев, когда заболевали, лезли на эти горы и тащили туда немощных. Да и вообще кигиляхи для народа — лучшее место отдыха, посиди у них — наберёшься душевных сил и спокойствия, заодно избавишься от вредных привычек, потом может таланты какие откроются, дела пойдут лучше, жить легче станет, энергии на год хватит. Может вообще на мир другими глазами смотреть будешь. Опять же вода здесь целебная, старики омолаживаются. То есть, если нельзя, но очень хочется, то можно?

– Да, обычные люди сюда поднимаются, но только с разрешения шаманов и только в сопровождении шаманов–проводников. Это дозволяется верующим в великие силы природы, людям с чистыми помыслами. Только тогда энергия двух изначальных материй (Неба и Земли) будет созидающей и оберегающей для всего человечества. А так она может быть опасной. Очень опасной. Недаром невесткам категорически нельзя приближаться к кигиляхам. Не стоит сюда соваться людям с плохой энергетикой, беспокойных и грубых. За примерами далеко ходить не надо. Недавно учителя одной школы забрались на кигиляхи, хотя старики предупреждали, что горы их не примут. Не послушали, и что? Через несколько дней тяжело заболел завуч и умер. Потом повредилась учительница. Вскоре умер директор.

Кигиляхи бывают разными.

Афонас Николаевич Мордовских.

Наш каюр среди кигиляхов.

– Ну, положим, мы не невестки и не грубияны, с нами ничего не будет.

- Кто знает? Шаманов не спросили, в наших богов вы не верите. Им, конечно, от этого не тепло, ни холодно. Они-то знают, что есть. Но рассердиться могут. На нас тоже. Ответим за грехи все вместе, а может кто лично.
  - Ладно! От судьбы не уйдёшь. Не надо о грустном.

Посидели, помолчали. Потом попросили каюра рассказать местные легенды. Он выдал несколько.

Жила тут женщина, которая могла превращаться в медведицу. Зимой она засыпала, а весной просыпалась и доила коров своего жадного отца. До 40 лет отец не выдавал дочь замуж, чтобы не терять хорошую работницу. Затаила она обиду и однажды пришла к своему родителю и сказала, что чем коротать век со скаредными людьми, лучше жить со зверями. Обернулась медведицей и убежала в лес. Изредка наведывалась большая медведица в деревню. Говорили, что узнавали её по одной ноге, которая была обута в торбаса. Однажды её выследили тунгусы. Разворошили берлогу, а оттуда вышла она на задних лапах и заговорила человеческим голосом, умоляя о пощаде, и протянула им серебряные украшения. Убили её тунгусы, и обернулся труп медведицы в женщину. Проклятье её оказалось таким сильным, что от убийц не осталось на этом свете ничего. Вымерли их роды, исчезла кровь. Ещё был случай: на коническую гору Баахтаах с небес спустились девять Айыы на конях и стремительно взлетели обратно. Якуты установили в честь прихода небесных гостей девять сэргэ. Однажды на речку Омохто спустилась радуга. Трое детей устремились к ней, а добежала только старшая девочка. Взошла она на радугу и исчезла. Долго её искали, но ничего не нашли. Через сотни лет пришло письмо, запечатанное сургучом, из Верхневилюйского улуса. В нём было написано, что девочка та приземлилась у них. Её удочерил одинокий охотник, выдал замуж, и стала она прародительницей славного рода.

- А про чучуну что теперь слышно.
- Да как-то затихло, а раньше мы с этим снежным человеком довольно часто встречались. Эвенкийку Маарыйачаан в детстве похитили чучуна и продержали 2 года в горных пещерах Туостаха. Она рассказала, что жила в горной пещере вместе с чучунаа, сильно тосковала и плакала по своим родным; те не выдержали и вернули её домой. Она избегала говорить о своем приключении. Лишь упоминала о том, что у них есть детёныши. Скоро мы на камень Чучунаа выйдем. Он лежит в 25 км от устья Туостааха, Огромный гранитный валун, весом не менее двух тонн. Его чучунаа своротил и свалил с горы, состязаясь с местными охотниками.
- Мой муж, встряла АС, работал в этих краях. Однажды ночью охотился на уток по ряби. Охотник сидит в засаде, а как услышит шум крыльев и увидит рябь на воде, так по этой ряби стреляет. Утром смотрит, что вышло, и собирает, если есть чего. И вот сидит он в засидке. Кругом тишь. И слышит... какие-то человеческие голоса со старицы. Приближаются, пролетают над ним. Муж не трус, а страшно стало. Утром он спросил у местного охотника, что это за голоса. А он ответил наверное, кто-то из наших умер, и его друзья, родственники, ушедшие раньше, показывают ему дорогу. На следующий день этот охотник вернулся в деревню, как раз на похороны брата...
- Мне рассказывали, внёс лепту Анатолий, во время войны население одной деревни отправили в другой улус на рыбозаготовку. Дома остались брошенными со всеми вещами. Трогать их категорически нельзя. Но объявился директор совхоза. Решил избавиться от этой деревни угодьев не хватало и снёс её. Сначала умер его сын, потом он сам, потом жена. Дочка только осталась, но, говорят, живёт очень плохо...
- Тут недалеко Сыдыбыл, центральная усадьба совхоза. Там раньше шаманы жили: девять из захоронений рядом с этой деревней. Дети в школе начали рисовать пожары и кладбище с двадцатью двумя крестами. Школа сгорела вместе с детьми: одиннадцать девочек и одиннадцать мальчиков. Возмездие за грехи людские. Те, кто был на похоронах, видели двадцать две вороны, одни в одну сторону летели, другие в другую, прямо над кладбищем.

Страшилки бы продолжались, я бы что-то рассказал похожее, но нас накрыли тени кигиляхов. Стало совсем неуютно и мы расползлись по норам спать.

Местами встречались поляны незабудок.

Утром мы уже втроём полезли к останцам. АС намечала камни, а мы с Анатолием их рубили на куски. Набралось на ящик. Построились караванам и пошли вниз, в долину, разделяющую гряду Кисселях на

две части.

Спуск был не особенно крутым. Пейзаж разнообразии изредка встречающиеся поляны, сплошь покрытые незабудками. У подножия хребта, на границе леса и какого-то болота встали лагерем. Я опять отправился на охоту. На этот раз верхом на Сатэре.

Национальный вопрос

Мы разные, конечно, все снаружи, Но в наших жилах кровь одна течет.

Одиночество меня не угнетало, заблудиться не боялся. Во-первых, у меня талант в ориентации на незнакомой местности, а, во-вторых, конь мой обладал удивительной способностью возвращаться обратно, причём точно по своим следам. Предложение отойти хотя бы на метр в сторону, он воспринимал как личное оскорбление. Поэтому я рвал штаны в одном и том же месте: сначала при движении вперед, потом – обратно.

Просканировали склон, туда – обратно. Но ничего мне на мушку не попалось.

Солнце катилось вдоль горизонта, обещая сумерки. Пора возвращаться.

От монотонной качки я задремал.

Вдруг из камыша метнулась тень. Сатэра заржал и поднялся на дыбы, оторвав от земли тщедушного якута. Я выхватил нож. Человек отскочил, и мы застыли: один с карабином в руках, другой с кинжалом.

- Здорово, однако, сказал старик.
- Здравствуйте!?
- Копсе!

Он повернулся ко мне спиной и зашагал вперёд. Мы последовали за ним. Двигались достаточно долго, чтобы я смог, не снимая висевшего за спиной ружья, засадить в оба ствола жаканы. Просто так, на всякий случай.

Вышли на берег речки, поляна, юрта из вертикально установленных брёвен. Столетняя лиственница толщиной в мой кулак. Я спешился, привязал лошадь, поставил ружье у двери, вернее у люка, обитого заячьей шкурой. Полез в юрту. Да чуть не окочурился на месте. Запашок! Много гадости нанюхался я в свой химической жизни, но такого! Переднюю часть юрты занимали деревянные колоды с мочой. В них гнили (дубились) шкуры оленей: кожгалантерейное производство местного масштаба. В этой же части кудахтала какая-то живность. Полуголая баба с трубкой в зубах приподняла полог, и я поспешил на чистую половину.

Вот он, гарантированный час спокойного чаепития. Пока гость не накушался с ним говорить нельзя. Только потом:

- Солнце, однако, высоко!
- Высоко, однако, отвечал я минут через десять.

– Лето уже...

-Hy!!

Началось капсе.

Мы болтали не торопясь, и чем он лучше говорил по-русски, тем я хуже. Приходилось лишь удивляться быстроте, точности и надежности таежного телеграфа. Можно поклясться: за время нашего путешествия мы никого не встречали, но старик знал о нас все: где были, что делали, куда идём.

Копсе затягивалось, но выпитое ведро чая тянуло на волю. Я поблагодарил за гостеприимство и от полноты чувства добавил:

– Какая хороша страна – Якутия, и какие хорошие люди – якуты!

Он бросился на меня. Нас разделял низкий столик, и я успел выбить нож. Мы покатились по земле, уминая шелуху кедровых орехов. Не понял! Убить его труда не составляло, но я лишь придушил. Он прохрипел:

- Я - эвенк!

Меж хребтами

Крутой подъём небесных лестниц.

Переночевали без проблем и утром начали движение через долину, разделяющую западный и восточный хребты массива Кисилях. Двигались строго на восток. Было жарко. Трава оказалась неожиданно высокой, хлестала по ногам.

Врубились в обширное болото. Скучали мы о нём! Лошади проваливались в мочажины, дергались, прыгали с кочки на кочку. Они бились в засасывающей жиже, шарахались в стороны, карабкались по лежащим лесинам, срывались в рыжую тину. Строй нарушался, привьючка и вьюки летели в воду, иногда и сёдла следовали туда же, причём, что обидно, вместе со мной. Форсайты опять промокли. Я регулярно оказывался под лошадью, вместо того, чтобы гарцевать на ней. Однако, как только я её извлекал из болота и утверждался в седле, она, стремясь к устойчивой почве, мчалась прямо на деревья, калеча мне плечи, ноги и остальные органы. Всё это – в туче комаров.

Часа три мы бултыхались между кочек, развьючивая и навьючивая, рассёдлывая и седлая и в конце-концов влетели в ручей, не широкий, но быстрый и, по случаю таянья снегов в горах - довольно глубокий. Дно было твёрдым, мы переправились без особых проблем, но собак унесло далеко и они нас догоняли с возмущённым лаем. Особенно ругался Барон.

Ещё часа два пёрли мы по болоту и, наконец, достигли земли.

Чуть отдохнули (устаёшь и физически, и морально) и стали вбираться на склон. Не тут-то было. Путь нам преградили скалы. Более-менее проходимые распадки между ними, по которым мы карабкались ввысь, неожиданно кончались скалой, уходящей куда-то вверх и даже над тобой зависающей. Приходилось сдавать назад, терять высоту, рыскать вправо-влево, искать проход. О тропе, хотя бы звериной, не было и речи. Лошади падали, катились по склону, иногда кубарем, сбрасывая поклажу. Приходилось их развьючивать и собирать по зарослям своё имущество, в том числе — добытые с большим трудом пробы гранита. Кончилось тем, что пришлось нам самим тащить сорокакилограммовые вьючники, ящики, рюкзаки, оружие и прочее, поднимать всё барахло на перевал. А затем уж перемещать лошадей: один впереди тянет мерина за уздечку, второй сзади упирается руками в его круп и что есть силы пихает вперёд. Конь понимал ситуацию, сам старался, не кусался и не брыкался. Хотя явно был недоволен жизнью.

Закатили всё наверх, навьючили лошадей, сами спешились и побрели в небо. Крутизна уменьшилась, идти можно. Но начались курумники, то крупные, то мелкие, и осыпи. Очень рыхлые и подвижные. Сам скользишь и лошади скользят. Того и гляди лавину вызовешь. Покатишься тогда в тартары с ветерком. Накаркал: рядом прогрохотал обвал камней. Много шума и пыли, но мимо, нас не задело. Преодолели завал камней (поякутски — наваленные камни *Тас-Кыстабыт*).

Часа четыре усилий достойных лучшего применения и мы выбрались на границу леса. Склон ещё довольно крутой, палатку ровно не поставишь, придётся спать под хорошим углом к горизонту. Во сне регулярно будешь выезжать из палатки и снова забираться в неё. То ещё удовольствие!

Упали мы без сил, даже разводить костёр не стали. От лошадей шёл пар. И у них и у нас были сильно побиты конечности, да и рёбра тоже.

Тут мы обнаружили, что у нас одна собака пропала. Барон бесследно исчез.

Конфликт поколений

У каждого поколения свои отклонения.

Барону не нравилась ситуация. Тайга – это нормально: всегда знаешь, где находишься, всегда есть, что поесть. Даже на маршруте. А тут в горах, да ещё на массиве Кисилях, дела хреновые и, надо правде в глаза смотреть, постоянно ухудшающиеся. Сначала кончился лес, а теперь и альпийские луга. Сплошные курумники, нагромождения камней, осыпи – не приведи господь. Вон лапы уже без когтей – все стесались по скалам лазучи. Я, чай, лайка, а не скалолаз. И летать не обучен. Но горные реки – в сто крат хуже. Как их переплывать, если сплошные водопады. Глазом не моргнешь – и ты километров на десять ниже по течению. Волна с головой накрывает. А камни, а лесины, что несёт речка? Даст по голове и поминай, как звали. Вверху лёд со снегом. Под ледник затянет – мало не покажется. И обсохнуть негде. Мужики костёр разведут, руки погреют, в себя кипяток вольют. А нам, что толку от того костра, смотри, как бы шерсть не подпалить. Им-то хорошо, небось, в седле; коняги здоровые, вот и бредут от дресьвы до дресьвы. А что не брести, коли ноги длинные и сил немерено. Я же должен скакать за ними, да ещё на счёт пожрать хлопотать. Хозяин наш – якут, а у него закон известный: «Собака – животное умное, сама себе найдёт пропитанье». Оно, конечно, так, но ведь не на ледникахснежниках же, и не на маршруте. И в не моём возрасте, кстати. Староват я, между прочим, кости все ноют; со следа, бывает, сбиваюсь. На покой пора, а тут экспедиции водить приходится. Ладно бы по тайге, а то вон куда залезли! Брошу всё – домой подамся.

Тут ещё молодой достаёт. Граф! Как же!. Ему года ещё нет, вот кровь и играет. Носится, как ошалелый, лает на каждый куст. Охотник, мать твою! Овчарка недоделанная. Как же, городской!! А прокормить себя не может. Как люди есть сядут — сразу подползает. Хвостом так и бьёт, и, аж, повизгивает от вожделенья. Подайте! Подайте! Три дня не жрамши! Попрошайка. Положим, каюр на это — ноль внимания, но молодой русский не выдерживает — от себя отрывает и кидает украдкой. Так нахал приспособился спать под палаткой. И за ночь чуть не к центру её подбирается — дождя боится. Супердог! Со стороны посмотришь — куда там. Экспедиционный волк!

Всё это не ужасно, конечно: растущий организм своего требует. Так эта зараза за счёт стариков выехать норовит. Бежит впереди каравана, как самый главный. Вроде, дорогу указывает, а сам близко не соображает, где находится. Утку или рябчика, кто подстрелит — стрелой летит, приносит подранков. Нате, берите, варите, кушайте, но косточки мои. Только зазевайся — все миски вылижет. Мыть не надо. И рычит ещё, сволочь. Не подходи! А вчера вообще полный абзац. Бреду среди вьючников, принюхиваюсь, всё ли наше. Так Граф налетел и как тяпнет в плечо. До крови разодрал, сука, хоть и кобель! Небось подумал, что на тушёнку зарюсь. По себе, гад, судит. Да больно надо! О края банки зубы рвать. И без неё не сдохнем, в отличие от некоторых. Хорошо, хозяин рядом случился, протянул камчой пару раз нахала. Будет знать, как стариков задевать. Нет, определенно пора уходить. До дому верст двести, да ничего дорогу найду. Насильно мил не будешь. Не ценят — не надо.

Мимо промчался Граф, прорычав для острастки. Путаются тут под ногами божьи одуванчики. В чем душа держится, а туда же — в маршруты ходить. Пред каюром выделывается, чтоб не пристрелил по старости. Плетётся с сзади, того и гляди потеряется. Где-то, что-то жрёт, не поймешь что, а явно сыт. Да что ему и надо? Пару евражек

перехватил, и ладно. Из-за него вон камчёй по спине схлопотал. Впрочем, чёрт с ним. Мы своё всегда возьмем. Будем веселиться, пока молоды.

Граф вырвался вперед и спугнул зайца. Тот рванул вдоль по склону. Граф, заливаясь лаем, понёсся за ним. Барон тоже поддался охотничьему азарту. Он бежал молча, не спеша и не прямо по следу, а так, придерживаясь общего направления. Граф же летел сломя голову. Он практически настиг косого, но тот прыгнул в сторону. Пёс, тормозя четырьмя лапами и иногда кувыркаясь через голову, попытался остановиться. Это удалось метров через тридцать. В это время заяц был уже далеко. При движении он петлял, сбивая собак со следа. Развернувшись, Граф вновь пустился в погоню и настиг зайца. Тот увернулся. Пёс пролетал вперед, закувыркался по склону и слетел с обрыва. Ошалевший заяц описал немыслимую дугу, и влетел в пасть Барона. Старик захлопнул челюсти, по-волчьи перекинул тушу за спину и рванул подальше от каравана. Он шёл привычным экономным намётом. С него хватит! Домой!

- Пусть знают! - думал он, ощущая, как горячей кровью зайца заполняется пасть - Пусть знают!

Светопреставление

Да, чтобы не забыть — в субботу конец света

Всю ночь мы с Анатолием имели занятие: во сне вместе со спальниками ползли по склону, выехав из палатки. Просыпались, возвращались на место и снова выползали наружу. В конце-концов сбили кол на выходе из палатки, частично обрушили её и ползли уже с ней вместе. Хорошо хоть пропасти вблизи не оказалось, а то отправились бы в свободный полёт.

Исчезновение Барона каюр объяснил просто: мы приближаемся к самым мощным, временно окаменевшим, богам. Очень сильным и очень строгим. Старый Барон – большой грешник, много покуролесил в своей жизни. Знает: отвечать придётся. Силу чует. Вот и слинял. Пёс самостоятельный, спокойно в тайге проживёт и без особых проблем до Бетенкёса доберётся. А Граф молодой ещё, не успел гадостей натворить. И не предан он нам вовсе, тоже при случае на сторону свалит. Просто он самостоятельности боится, пропадёт один, вот и жмётся к нам.

- Выходит, ваши боги пекутся о моральном облике и людей и домашних животных?
- Да! Внимательно за лошадьми следить надо. Особенно за твоим. Тот ещё кадр.
   Свободолюбив слишком... Гонора много, высокомерен.
- А мы как? Мы хорошие люди? С точки зрения кигиляхов. Или плохие? Как-то мне не хочется, чтоб меня наказывали. Может я тут посижу, или, как Барон, домой потянусь?
  - Поздно уже. Мы в зоне их влияния. Убежать не удастся: догонят...
- Проверим сегодня, кто из нас якутским богам мил, а кто $\,$ нет, задумчиво сказала $\,$ AC.

Далее – по стандарту: покушали, чем Бог послал, собрали лагерь, и двинулись на восток, вдоль гряды. Сначала по границе леса, по лугам, болотам, всегда неожиданным (Как держится на высоте вода? Почему бы ей не стечь с долину? Я бы на её месте обязательно так сделал), кустарникам, кедрачу и зарослям карликовой берёзкой (ерник, по-русски, редкая гадость). Двигались с трудом, лошади вчера сильно побились. Копыта у них мощные, но не кованные и потому скользят, особенно по мху на валунах.

Часа через два маршрут круто повернул вверх. Дела пошли хуже. Подъём по распадку, переходящему в ущелье. По дну тёк быстрый ручей, пока маловодный, но с порогами, которые нужно как-то миновать. Мы петляли, как зайцы, переходя с одного берега на другой и обратно. Долго шли прямо по руслу, временами купаясь в воде водопадов.

Сатера карабкался почти вертикально, седло съезжало ему на круп, а я – ещё дальше. Где-то на стенке конь каюра заскользил вниз, сбил вьючных лошадей, те Сатэру и мерина АС. Мы связались в плотный клубок и покатились по склону, пересчитывая ребрами все камни, и успокоились в пруду, образованном на ручье завалом. Я, каюр и АС оказались под лошадьми, а под нами – Граф, который завопил нечеловеческим голосом. Лошади лежали на спинах, дрыгали ногами, канаты-арканы опутывали их и не давали встать. За всем этим с интересом наблюдал Анатолий, мимо которого этот вал прокатился. Он мог гордится: нас кигиляхи за грехи наказали, а его – нет. Теперь он – святой.

У нас было занятие: выбирались из-под лошадей, извлекали придавленного Графа, ставили на ноги лошадей, седлали их, собирали вьюки и разбросанные по всей округе вещи. Вьючить не стали, челноком вверх-вниз подняли на край плато груз, лошади поднялись сами. Навьючили их, расселись по сёдлам и двинулись дальше.

Жарко, мокрая одежда сохнет прямо на нас.

Боги, видимо, удовлетворились наказанием, так что путь хотя и ввёл наверх, но уже терпимо: без скал и водопадов. В прямой видимости перед нами предстали мощные кигиляхи.

Мы расслабились.

Афонас Николаевич, Анастасия Семёновна, пёс Барон, глухарь, таймень и яранга Петра.

Анастасия Семёновна

Если кто не понял – это я.

И тут боги решили продемонстрировать своё истинное отношение к нам.

Лошадь спереди кусается, а сзади лягается. Это я освоил. И довольно скоро.

Отряд двигался по хребту. Видимость была во все стороны хорошая. Но не долго. Вскоре обнаружилось, что со всех сторон, с распадков, ущелий долин на нас снизу наступают облака. Если бы облака и тучи сгущались над нами, как это имеет место в приличной Европе, я бы не удивился. Понятно, что тучи в небе и где-то над тобой. Но тут они подо мной. Облака наступали в удивительно быстром темпе, причём не монотонно, а скачками. Казалось их, как мячик, пинает кто-то ногой, и они скачут всё выше и выше.

Через полчаса мы были в густом тумане, а потом — в центре тучи. Грозовой тучи. Началось светопредставление. Да такое, какое никогда ни до ни после не встречал. А встречал я их немало. Весь мир

исчез во мгле, кроме ушей Сатэры ничего не видно. Для начала прошёл вихрь и чуть не сдул нас с хребта. Потом второй, третий. Я лишился кепки и капюшон штормовки разлетелся в клочья. Пошёл дождик, в том смысле, что где-то высоко взорвал цистерну и

потоки воды обрушились на нас водопадом. Кто-то пробил в небе дыру, а небо в этих

краях – море-океан. Мгновенно промокли трусы.

Проходы между скалами, то широкие, то узкие. Местами можно укрыться от дождя.

Но это были ещё цветочки. Началась гроза. Всем грозам-гроза. Вертикальные фракталы вбивались в скалы, испуская слепящий свет и дикий грохот. Обычно гром запаздывает за молнией. Здесь же свет и грохот шли одновременно. Радость в том, что если видишь и слышишь, то, значит, молния мимо тебя просвистела. Уже хорошо. Перевернул ружьё дулом вниз, как у каюра, а то точит над ухом, как громоотвод – молнию притягивает. Вертикальные молнии – это ещё привычно. Я такие и на даче видел. Но сейчас в основном они были горизонтальными! Более того, некоторые из них шли снизу вверх. В какой-то момент мы увидели великолепный фейерверк: мощный останец был атакован молниями со всех сторон: Зевс Громовержец, но не испускающий молнии, а отмахивающийся от них. Под канонаду дикой силы.

Погоду люблю наблюдать, люблю не участвовать.

Между тем, МЫ продолжали путь. А что нам ещё оставалось?! Вступили на каменное поле и приблизились крепостной стене первого кигиляха.

Под навесом можно развести костёр.

Скалы то расходились и тогда мы шли, как по каньону, преодолевая потоки воды внизу и ливень сверху, то сходились, так что лошади продирались, царапая по камням вьюками, а я

пару раз треснулся о скалы коленями. Проникли внутрь замка. Довольно вздыбленную

площадку окружали высокие, но сильно разрушенные стены. Ветра здесь не было. Молнии не залетали: они били по внешним стенам и башням. В нескольких местах нависали плиты, были и небольшие пещеры. Можно было как-то укрыться от дождя.

Расседлали и развьючили лошадей. Отвели их в некое подобие укрытия, посадив на арканы. Перемещаться они могли, но большого смысла в этом не было: травы нет, лишь местами меж глыб пробиваются хилые кустики. Так что особо не растолствешь, придётся попоститься.

Они это поняли, сбились вместе, понуро опустив головы.

Мы же под одним навесом развели костёр. Для чего собрали какие-то свёрнутые в спираль сухие остатки деревьев, непонятно как попавшие сюда. Под другой скалой, в сухом углу я натянул палатку в виде тента. У меня оказалось два дюбеля. Конечно, лучше, если б их было больше. Ну, что есть. Разложили мокрые спальники, на них постелили брезент. Второй брезент использовали как одеяло. Одно на всех.

Было сыро и холодно. Сухого ничего не осталось, одежду сушили на себе. И немного на хилом костре. Ужин готовить не стали. Разогрели тушёнку и употребили с галетами. Собрали остатки спирта и моей самогонки, смешали, поделили по братски и выпили.

И я пошёл – попил, поел,

– Не полегчало.

Бил озноб.

Серьёзно занялись чаем. Точнее – чифирем.

Я вкусил его впервые.

Чифи́р или **чифи́рь** — напиток, получаемый вывариванием высококонцентрированной заварки чая. Обладает психоактивным действием, в некотором роде является наркотическим средством, вызывающим зависимость.

По ситуации, технология была упрошена: в пол-литровую кружку насыпали пачку грузинского чая и кипятили. Точнее, ждали момент подъёма заварки и снимали с огня; как только она опускалась, снова ставили на огонь. Так — три раза. После финального чаепада жидкость сцедили, накрыв кружку миской. Напиток оказался необычайно горьким.

Жизнь, она вообще, блядь, не малина, и чифир в ней горький (сибирская мудрость).

Сахара в нём не было. Чёрный, как чернила. Пить — два глотка, не больше. Потом перерыв, затем снова два глотка. Сидели мы на корточках, курили и вели неспешный разговор. Точно, как зеки.

Люблю, скучаю, пришли курить и чаю.

Слегка тошнило. Но нам стало весело. Мы ощупывали себя, демонстрировали синяки и ссадины. Я предположил, что у меня рёбра сломаны. Все хохотали. Вспомнили кучу-малу в ручье.

Религия Айыы

Бога не видел никто никогда.

Постепенно возбуждение спало. Мы сидели, прижавшись друг к другу, следя за угасающим костром. Спать не хотелось, крепкий чай обещал бессонницу, да, собственно, и спать было негде.

Я вновь попросил Афонаса рассказать о верованиях якутов, о религии Айыы. С этим я приставал к нему не раз, он отнекивался, но тут слегка плесканул информацией.

Оказывается, существуют три мира: Верхний, Средний и Нижний. В центре (тут, неподалёку) находится Мировое Дерево (Аал Луук Мас — Великое Гигантское Дерево — символ триединства мира), корни которого уходят в Нижний (Подземный) мир, приют тёмных враждебных сил (Абаасы), крона растёт в Среднем мире, где живут люди (ну, и мы с вами, естественно), а ветви устремлены в небо, где обитают божества Верхнего мира — Айыы, прародители народа Саха. К сожалению, не все они добры к людям. Например, человек огненной воды выпить хочет, а они не дают, мешают всячески, лишают кайфа,

вредители. К тому же постоянно требуют жертвоприношений, хорошо хоть не кровавых, молочное что-нибудь, но его тоже где-то взять надо.

Злые духи — Абаасы живут во всех трёх мирах, живут своими племенами и родами, управляют своим хозяйством. Подчиняются «великому господину» — богу Улу тойону, который сумел заложить в человеке злое начало, отождествляемое с нечистотами. Они же противники айыы. Эти духи невидимы простым глазом. Если они показываются человеку, то принимают любой облик, т.к. объединяют в себе все страхи и пороки людей. Чаще всего появляются в виде огня, человеческого силуэта (ростом с лиственницу), каменножелезного чудовища и т.п.

Абаасы подбивают людей на плохие поступки, преступления, внушают страхи, насылают на них беды и болезни, могут лишить рассудка. Питаются душами людей и животных. Если человек не дожил до 70-и лет, значит его душу украли абаасы. Верхние и нижние абаасы в средний мир проникают через корни мирового дерева. Из людей им противостоит только шаман. Его задача выяснить, какие именно абаасы причинили болезнь, потом вступить с ними в борьбу, либо принести в жертву абаасам подходящего животного, душу которого выгодно обменять на душу больного. Важное средство защиты от злых духов – колючие кусты шиповника. Убить духов абаасы невозможно, поскольку они не являются живыми. Умерев человек отправляется в мир смерти (нижний мир). Духи абаасы могут уйти сами или их изгоняют в нижний мир, но потом они возвращаются обратно, правда в другом обличии и в момент, когда человек их не ждёт. Потомки абаасы, в отличие от настоящих, древних, ничем не отличаются от людей, кроме физических уродств (обычно это половинчатые люди: одна рука, нога, глаз), скверным характером и склонностью к людоедству. Их создали древние абаасы для того, чтобы они совращали людей – творение "айыы" (добрых духов). Они смертны, и даже иногда могут вновь перевоплотиться в человека, если какая-либо часть тела попадёт в руки родных умершего.

Они подвержены всем человеческим страстям и воюют с людьми из-за женщин.

Особняком от всех божеств нижнего мира стоит нейтральное божество Кыдай Бахсы. Абаасы его боятся. Он – глава одного из восьми родов подземных божеств, покровительствующий кузнецам. Он никому не причиняет вреда, кроме тех, кто вредит кузнецу.

Духи Абаасы

Духи абаасы среднего мира причиняют незначительный вред людям и всему живому. Средний мир представляется одноярусным, кроме абаасы в нём обитают и другие духи и боги, в основном нейтральные духи природы иччи, а также духи юёр — не нашедшие упокоения души умерших.

Хороших, плохих или нейтральных богов, духов, чудовищ, богатырей у якутов оказалось великое множество, запомнить их невозможно. Я и не пытался.

Для иллюстрации разборок между богами, духами и людьми, каюр привёл одну байку. Она, конечно, теперь широко известна, но тогда произвела на меня впечатление.

Девушка-хвощинка и дочь восьминогого абаасы

Жила давным-давно маленькая старушка Бэйбэрикэн. Было у неё пять коров. Эти коровы паслись в широком поле. Пошла однажды старушка искать своих коров и нашла красивую пятисуставную хвощ-траву.

Возьму эту траву, отнесу домой, пусть она станет моим ребенком, – сказала старуха.

Она бережно выкопала хвощ-траву, с корнем вытащила, ни корешка, ни веточки не повредила, домой принесла, на подушку положила, одеялом укрыла. И пошла доить коров. Вдруг слышит: в юрте тонко звякнули бубенчики, а потом напёрсток упал. Старушка вскочила, молоко пролила, вбежала в юрту, отвернула одеяло — на подушке хвощ-трава лежит, все как было, трава травою. Вышла старушка, села доить корову — опять звон: тонко звякнули бубенчики, а потом иголка упала. Старушка опять вскочила, опять молоко пролила, вбежала в юрту, отвернула одеяло — на подушке хвощ-трава лежит, как прежде.

 Что же это звякало? – подумала старушка, – Не для того же звон был, чтобы я молоко опрокидывала!

И опять ушла доить коров. И опять вскоре услышала звон: тонко звякнули бубенчики, а потом ножницы упали. Старушка в третий раз вскочила, пролила молоко, вбежала в юрту, а там на одеяле сидит красавица: лицо её как белый мрамор, глаза как халцедон, брови как два чёрных соболя, которые лежат, касаясь друг друга лапками; сквозь платье видно тело, сквозь тело видны кости, сквозь кости виден костный мозг, который переливается, будто ртуть. Обрадовалась старушка Бэйбэрикэн, сказала:

– Теперь у меня есть дочь!

Стали они жить вдвоём, вместе доили коров.

Однажды в тех местах охотился удалой Харжит-Берген, сын Хан-Харах-тойона. Увидел он белку, выстрелил — не попал. Погнался за белкой. Стрелял в неё с утра до захода солнца, а попасть не мог. Вот белка взлетела на лиственницу возле юрты старушки Бэйбэрикэн. Удалой охотник опять выстрелил. Стрела упала в дымник юрты. Харжит-Берген закричал:

– Эй, старуха! Вынеси стрелу!

Нет ответа. Ещё громче закричал охотник:

– Выходи, старуха! Я — Харжит-Берген, сын Хан-Харах-тойона! Я жду стрелу!

Опять нет ответа. Забегала кровь у него во лбу, зарумянилась кровь у него в щеках, вскипела кровь у него в носу; пришла с затылка упрямая мысль, пришла с виска сердитая мысль, влетел он в старухин дом! А когда влетел — увидел красавицу, краше которой нет на свете: лицо её как белый мрамор, глаза как халцедон, брови как два чёрных соболя, которые лежат, касаясь друг друга лапками. Сквозь платье видно тело, сквозь тело видны кости, сквозь кости виден костный мозг; когда ест она чёрное — будто ласточка в горле шевелится, когда ест белое — будто бабочка в горле трепещет. Харжит-Берген остолбенел и долго не мог прийти в себя. Выбежал из юрты, вскочил на коня и поскакал домой.

— Отец, мать! — закричал он дома. — Я видел в юрте старушки Бэйбэрикэн, которая пасёт пять коров, несказанную красавицу! Посватайте мне эту девушку!

Отец его, тойон Хан-Харах, послал к старушке девять всадников на девяти рыжих конях. Как ветер прилетели к старушке всадники, вбежали в юрту. И все остолбенели, увидев красавицу. А когда пришли в себя, тихонько вышли. Остался один, самый старший.

- Старуха Бэйбэрикэн, отдай эту девушку, твою дочь, сыну нашего владыки, сыну Хан-Харах-тойона, сказал он.
  - Отдам, ответила старушка, Но сначала спроси согласия у девушки.
  - Пойду за него, сказала девушка.
- Тогда давайте калым, сказала старушка, Как наполните все моё поле лошадьми и коровами, так и забирайте девушку.

Посыльные вернулись к тойону. Все рассказали. Тойон приказал наполнить старушкино поле лошадьми и коровами. Люди пригнали их. И привели чубарую говорящую лошадь под серебряным седлом, в сбруе, украшенной серебром. К седлу была привязана серебряная плётка. Харжит-Берген бережно вывел невесту из юрты, посадил её на чубарую лошадь и повёз домой. По дороге он сказал:

В лесу у меня стоят самострелы на лисиц. Пойду проверю. А ты поезжай одна.
 Доедешь до развилки двух дорог. У одной дороги на дереве висит чёрная соболья шкура.
 У другой – бурая медвежья. Поезжай туда, где висит чёрная соболья шкура.

Сказал так и скрылся в лесу. Красавица испугалась. Но делать нечего, поехала одна. А как доехала до развилки, так и забыла всё, что наказал жених. Направилась туда, где висела медвежья шкура. Вот она въехала в тёмный лес и скоро добралась до железной юрты. Там жила дочь восьминогого Аджарай-Бёге-абаасы, одноногая колдунья. Когда девушка подъехала к юрте, дочь абаасы выскочила ей навстречу. Она была в железной одежде, на одной кручёной ноге, с одной кручёной рукой, которая росла из-под груди, с одним мутным страшным глазом, который торчал в середине лба, с длинным чёрным языком, который свисал до пояса. Дочь абаасы сдернула красавицу с лошади, сорвала кожу с её головы и лица, прилепила к своей голове, к своему лицу. Весь красивый наряд с девушки сняла, сама невестой оделась, потом вскочила на чубарую лошадь и поскакала к дворцу Хан-Харах-тойона. Жених догнал её у самого дома. Он ни о чём не догадался. Все родственники жениха вышли встречать невесту. Девять братьев Харжит-Бергена подбежали к золотой коновязи справа, чтобы принять повод лошади. Восемь сестер подошли к золотой коновязи слева, чтобы привязать лошадь. Но невеста почему-то привязала свою лошадь к ободранному стволу ивы, к которому старуха скотница Симяхсин обычно привязывала пестрого шелудивого быка. Все, кто встречал невесту, огорчились. У девушек были наготове суровые нитки. У парней были наготове луки и стрелы. Во дворце тойона шептались:

 Как заговорит красавица – изо рта у нее посыплются драгоценные красные бусинки. Где пройдет красавица – по следам её побегут гладкие чёрные соболи.

Вот для этих драгоценных красных бусинок, чтобы их подбирать да нанизывать, девушки принесли суровые нитки. Вот для этих чёрных гладких соболей, чтобы их стрелять-подстреливать, парни приготовили острые стрелы.

Невеста заговорила. Изо рта у неё посыпались вонючие зеленые лягушки. Девушкам стало тошно. Невеста пошла во дворец. По следам её побежали худые рыжие горностаи. Парни опустили луки, нахмурились. Как велит обычай, от коновязи до дверей дворца была постлана зелёная трава; невесте дали три верхушки молодых лиственниц. По зелёной траве вошла она в дом и тремя верхушками молодых лиственниц разожгла огонь в очаге. И начался свадебный пир. Кончили пировать — начали жить.

А маленькая старушка Бэйбэрикэн опять пошла в поле искать своих коров. И опять на том же месте нашла пятисуставную хвощ-траву. Выросла она ещё краше прежней. Старушка бережно её выкопала, не повредила ни корешка, ни веточки, домой принесла, на подушку положила, одеялом укрыла. И пошла доить коров. Только начала доить — в юрте звон раздался: тонко звякнули бубенчики, потом ножницы упали. Старушка вскочила, вбежала в юрту, а там на одеяле сидит её дочь-красавица.

— Что случилось, милая? — спросила старушка. Девушка рассказала: — Мой жених Харжит-Берген повёз меня к себе домой. По дороге сказал: «Я проверю самострелы на лисиц, а ты поезжай одна. Поезжай по дороге, где повешена соболья шкура, а туда, где медвежья, не сворачивай». Я забыла его наказ, поехала не туда и достигла железной юрты. Оттуда выскочила дочь восьминогого абаасы, сорвала с моего лица кожу, налепила себе на лицо, оделась в мою одежду, приняла мой вид, приехала во дворец Хан-Харах-тойона, стала женой моего жениха, удалого Харжит-Бергена. А мое тело собаки растащили. Серая собака отнесла моё сердце на твоё поле, и я снова проросла хвощ-травою. Видно, не суждено мне умереть, видно, суждено мне иметь потомство. Но дочь абаасы разбила мою

судьбу, забрала моего жениха... Какой он теперь? Ведь её дух впитался в его кровь. Доведется ли мне снова его увидеть?

- Увидишь своего Харжит-Бергена, сказала старушка. А пока живи у меня.
- В это время говорящая чубарая лошадь сказала Хан-Харах-тойону:
- Дочь восьминогого абаасы убила мою хозяйку, приняла ее вид, стала твоей невесткой, живёт в твоём дворце. А моя хозяйка ожила, снова проросла хвощ-травою, снова стала дочерью старушки Бэйбэрикэн. Злую дочь абаасы надо привязать к хвосту дикой лошади и пустить в степь. Сына твоего, удалого Харжит-Бергена, надо очистить от духа абаасы. Для этого надо его продержать тридцать дней в стремнине холодной реки, а потом тридцать дней сушить на вершине высокой сосны, чтобы продули его ветры севера и ветры юга. После этого он может пойти к старухе Бэйбэрикэн за своей невестой.

Старик тойон плакал, пока слушал лошадь. А потом поспешил к сыну. Когда он вбежал во дворец, дочь абаасы нахмурилась, лицо её потемнело. Старик сказал:

- Сын! Поведай мне: где ты взял, откуда привёз свою жену?
- Я привёз дочь маленькой старушки Бэйбэрикэн, ответил Харжит-Берген.
- На какой лошади ты её привёз? спросил старик.
- Я привёз её на говорящей чубарой лошади, ответил Харжит-Берген.

Старик тойон говорит:

— Эта лошадь рассказала мне, что невесту твою убила дочь восьминогого абаасы, приняла её вид и стала твоей женой. А девушка ожила и снова живёт у старушки Бэйбэрикэн. Дочь абаасы надо привязать к хвосту дикой лошади и пустить в степь. Тебя надо очистить от духа абаасы, а для этого надо тебя продержать тридцать дней в стремнине холодной реки, а потом тридцать дней сушить на вершине высокой сосны. После этого ты можешь пойти к маленькой старушке за своей невестой. Услышал эти слова Харжит-Берген, разгневался, как еще никогда не гневался.

Схватил он за ногу злую дочь восьминогого абаасы, выволок её из дворца, привязал к хвосту дикого коня. Конь поскакал в степь, злую дочь абаасы разбил копытами на куски. Куски эти превратились в змей, червей, насекомых, которые ползают по земле до сих пор. Харжит-Бергена омыли в холодной быстрине, просушили на высокой сосне и привезли домой чуть живого. Удалой охотник отдохнул, пришёл в себя и поспешил к юрте маленькой старушки Бэйбэрикэн. Увидела его старушка, выскочила навстречу, обрадовалась. По обычаю, она от коновязи до юрты постлала зелёной травы. Заколола свою лучшую корову, стала готовить свадебный пир. А красавица подошла к Харжит-Бергену и заплакала:

- Зачем ты приехал, зачем пришёл ко мне? Ты позволил злой дочери восьминогого абаасы сорвать с меня тонкую кожу, пролить мою алую кровь, позволил серым собакам растащить моё белое тело. Что ты после этого здесь ищешь? Девушек на свете больше, чем окуней, женщин больше, чем хариусов. Среди них и найдёшь себе жену. А я за тебя не пойду.
- Я не отдавал тебя дочери восьминогого абаасы, сказал Харжит-Берген. Я не отдавал тебя серым псам. Я не говорил тебе: поезжай к железной юрте.

Старушка Бэйбэрикэн села между девушкой и охотником, смахнула слёзы из обоих глаз на обе стороны и сказала:

– Пропавший нашёлся, умерший поднялся. Надо радоваться свиданию! Обнимите друг друга! Никто не может меня ослушаться!

Девушка тихо сказала:

– Мама, я тебя не ослушаюсь. Я всё забуду.

Харжит-Берген вскочил, запрыгал от радости, начал обнимать-целовать красавицу. На дворе стояла наготове говорящая чубарая лошадь под серебряным седлом, в сбруе, украшенной серебром. К седлу была привязана серебряная плётка. Красавицу оделинарядили и отправились в путь. Все родственники жениха вышли встречать невесту. Девять братьев Харжит-Бергена подбежали к золотой коновязи справа, чтобы принять

повод лошади. Восемь сестёр подошли к коновязи слева, чтобы привязать лошадь. Во дворце шептались:

Как заговорит красавица – изо рта у неё посыплются драгоценные красные бусинки. Где пройдёт красавица – по следам её побегут гладкие черные соболи.

Заночевали мы, как оказалось, перед дверью в новый мир.

Братья и сестры готовились к встрече красавицы. Сестры нитки сучили, так старались, что кожу с ладоней посдирали. Братья стрелы делали, так старались, что кожу с пальцев посрывали. Приехали жених с невестой. Парни приняли поводья, девушки привязали лошадей к коновязи. Харжит-Берген невесту золотой осторожно снял с лошади. Заговорила красавица – изо рта у неё посыпались драгоценные красные бусинки. Девушки начали их подбирать да на нитки нанизывать. Пошла красавица ко дворцу – по следам её побежали гладкие чёрные соболи. Парни начали стрелять соболей. От коновязи до дверей дворца была постлана зеленая трава. Невесте дали, как велит обычай,

три верхушки молодых лиственниц. Вошла она в дом, тремя верхушками лиственниц разожгла огонь в очаге. И начался свадебный пир. Гости были из ближних и дальних земель. Были тут и певцы, и плясуны. Удальцы состязались в борьбе и в стрельбе. Семь дней длился пир, и гости разъехались по домам. Харжит-Берген с молодой красавицей стали жить дружно и счастливо. А потомки их и по сей день на нашей земле живут.

Слушали мы слушали и всем захотелось по-большому. Болели животы. Разбрелись кто куда по делу. В антисанитарных условиях и под дождём.

В конце концов угомонились. Улеглись в вповалку и накрылись брезентом. Заснул я в хорошем настроении. Под монотонный шум дождя.

Гроза ушла.

Богам третировать нас надоело.

Олонхо

Солнечные поводья олонхо.

Монотонный гул то ли барабанов, то ли бубен разбудил меня. Я выбрался из груды тел и брезента на свежий воздух. Несмотря на то, что по часам была ночь, ярко светило солнце. На небе – ни облачка. Светопреставления как не бывало.

При свете дня оказалось, что мы заночевали у окна, точнее сказать — у двери в какой-то новый мир. Я заглянул в него. В пределах стен "замка" на довольно крутом склоне располагалось некое подобие из каменного амфитеатра. По нему бродили и рассаживались люди. В основном якуты, среди которых я заметил советских диссидентов из Бетенкёса, были дамы Таптал и Феклана, около которых увивался Стиляга (надо будет прибить при случае). Обнаружились и знакомые европейцы из Батагая: врач, у которого были на вечеринке, анархист, кочегар-ученый, филолог — зав. пекарней, Настасья Филипповна, неразлучная с Оксаной Тарасовной и примкнувшим к ней Михаилом Семёновичем. Почти весь знакомый Батагай и Бетенкёс. Некоторых видел первый раз, не иначе как члены райкома комсомола, молодые сотрудники НКВД, а может и партии, в

костюмах и при галстуках. В сторонке переминались с ноги на ногу урки ("*Уродись я с такою мордою, я б одел на неё штаны*", как воспел этих ребят Анчаров). Мелькнула Нюра, но, похоже, мне показалось.

На площадке перед амфитеатром группа мужчин шаманского типа в белых одеждах от души била колотушками по большим бубнам.

Готовилось что-то интересное.

Я пролез в скальный пролом и стал пробираться к мужикам, толпившимся вокруг врача. За разъяснениями. Но добраться до них не успел. Сначала пахнуло знакомой вонью, а потом из-за очередной скалы появился и бич Прокопий, спец по якутскому эпосу, местным богам и шаманам. Знания переполняли его, и чтоб не лопнуть, нужно на кого-то их немедля выплеснуть.

Лучшей кандидатуры, чем я, ему не найти за тысячу вёрст в округе.

Он подхватил меня, поволок вниз, ближе к сцене. Я хотел сохранить некое расстояние – просто чтоб дышать свежим, не отравленным перегаром, воздухом. Но это не удалось, мы втиснулись в щель, образованную скалами и, тесно прижались друг к другу, стали смотреть представление.

Олонхо называется.

Олонхо́ — древнейшее эпическое искусство якутов.

На сцене (стёсанная ледником базальтовая плита, с задником из выстроившихся плотными рядами многоэтажных кигиляхов) верхом на лёгкой табуретке из тальника расположился мужичёк в распахнутой шубе мехом во внутрь. Это — олонхосут. Он наклонился вперёд, положил ногу на ногу и, придерживая правой рукой слегка склонённую набок голову (левая покоилась на коленях), запел. Глаза закрыты, чтоб отрешиться от окружающей среды, пальцем заткнуто ухо, чтоб звонче раздавалось в мозгу собственное пение, под такт которого он мерно покачивался. Богатая мимика, жестикуляция, то речь, то пение, постоянно меняющиеся интонации — все средства выражения были задействованы. Диалоги героев он передавал скороговоркой (очень быстро и четко) — с выразительной дикцией, так что каждое слово доходило до нас (если бы я ещё и якутский знал!), а арии исполнял как оперный певец, с хорошо поставленными голосом, с динамическими оттенками и нюансами. Только пение было горловым, нашим певцам недоступным. Но и как европеец он тоже мог. Голос то шёл монотонно, то вибрировал. Он был то мужским, то женским.

Никакого инструментального сопровождения не было. А капелла!

Временами олонхосут имитировал движение по кругу, как будто плыл по морям; забрасывал ногу на ногу, одной рукой держась за колено, другой за затылок, так что табурет представлял для него колесо, с помощью которого он переходил из одного мира в другой; вставал и сопровождал повествование жестикуляцией и движением туловища. При передаче напряженных событий или экспансивных героев олонхосут делался подвижнее, повороты лица становились резче; а при передаче событий мирной жизни, при обращении к героине или к духу земли движения корпусом были плавными и замедленными. Особенно энергично он двигался при запеве предбоевых песен, при передаче гнева богатыря. Богатырь из злых духов в начале боя, уверенный в себе, поёт грубым басом в залихватски быстром темпе, а в момент поражения голос его, оставаясь таким же грубым, принимает более ровный оттенок, ритм пения замедляется, голос становится протяжнее и ниже; мощным баритоном поёт боевую песню хороший богатырь; тонким высоким голосом плачется плененная красавица, слышатся страстные куплеты плохой девки, шепелявит нехороший парень Сорук Боллур, причитает старушка.

Странно, я, естественно, ни черта не понимаю в якутском искусстве, но тут предо мной стали вставать яркие образы, я вполне врубился в сюжет. Конечно шёпот бича-переводчика что-то прояснял, но я бы мог обойтись и без него. Здесь нет сольного пения какого-то гусляра или бандуриста, нет якутского Гомера. Здесь театр — реалистический

театр, но с брехтовским началом, абсурдом, и сюрреализмом. Не ожидал от местных племён такого темперамента.

Татр этот был не светским, а религиозным, в том смысле, что чётко следовал религии Айыы. Местом действия были все три мира. Чтец взмахнул руками и я предстал перед Мировом деревом во всей реальности. В его средней части прародители людей (племя Айыы аймага) боролись за установление счастливой и богатой жизни в этом мире.

Пришлось им нелегко, так и нам не сладко.

Потомки божеств Айыы были посланы из Верхнего мира в Среднее. Посланы, а не высланы, как в еврейской Библии. Задача — заселить Средний мир раз уж так вышло, что возникла Земля. Люди из племени "айыы аймага" (т.е. родичи айыы) — первые жители нашей планеты. Якуты произошли от них, а не от мифических дарвинских обезьян. И не из глины сделаны. В Среднем мире всегда есть богатырь, предназначенный для борьбы со злыми чудовищами, для защиты справедливости и своей мирной жизни. Но он постоянно отвлекается. Стоит ему приметить симпатичную девушку, как её какая-нибудь сволочь тут же умыкнёт. В местных краях эта сволочь — абаасы. Богатырь, естественно, так это дело оставить не может и лезет в драку. Силы, однако, не равны, злые духи кому хочешь башку оторвут. Вот тут-то на помощь и приходят божества Верхнего мира. Справедливость устанавливается, зло наказывается.

Хэппи энд!

Вот и Эр Соготох – сильный, умный, красивый, настоящий богатырь ещё не знает с кем бы ему и за что подраться. А если ты не дерёшься, то какой же ты герой?! Так, Илья Муромец на печи. Эр с печи слез и обратился к духу-хозяйке Среднего мира, обитающей в священном дереве. Та его просветила, что происхождение у него божественное, а высокое предназначение — стать родоначальником племени ураангхай саха. Вот это да! Цель достойная. Дело в даль не откладая, Герой отправился за суженой, перебил всех встретившихся на пути Абаасы нижнего мира, отбил себе жену, и стал родоначальником не только племени, а целого народа. Процветающего народа.

Сюжет понятен. Интересна реакция слушателей. Они, конечно, сюжет знали, причём намного лучше меня. Но слушали, смотрели и активно реагировали на исполнение. Они участвовали в действии. Олонхосут деформировал энерго-информационное поле окружения, всё пространство стягивал на себя. Мужик, конечно, был талантлив: чётко передавал драматизм, динамизм действия, проявление конфликта. Перевоплощаться он умел.

Все это хорошо, однако, шёл второй час, третий, четвертый. А действо не кончалось. Олонхосут был неутомим. Как мне попутно объяснил мой бич, объём олонхо достигает сорока тысяч стихотворных строк, при этом встречаются произведения, доходящие до двадцати и более тысяч строк. Илиада и Одиссея в сквозном исполнении. Бывает, что олонхо поётся семь суток (дней и ночей).

Пожалуй, это перебор. Кто послабже – тот не выдерживает.

Одновременно хотелось есть и в сортир.

Перелезая через глыбы валунов, прочно занятых зрителями, мы покинули театр одного актера.

Уже на выходе столкнулся я с двумя якутами — знакомыми по Бетенкёсу. Один — старик, известный нам как Иван Иванович Иванов, борец за превращение Якутии в семнадцатую республику СССР. Одет он был в традиционную якутскую одежду, способную выдержать грозу и ливень. Второй, средних лет Дьаакып Дьогуордээнович Тотонов, представился мне как Денис Давидович. Он был в тёмно-синем костюме, в белой рубашке и строгом галстуке. Как депутат Верховного Совета. Он когда-то и был им, но выгнали и сослали в Бетенкёс. За противодействие генеральной линии партии: кукуруза в Якутии ему не нравилась. Философствовал много.

Обсудили олонхо. Всем понравилось, но до конца досидеть здоровья не хватило.

- Мы сохранили своих богов, знаем и своих предков, задумчиво сказал Иваныч, а вы, русские, своих уничтожили.
  - В каком это смысле? не понял я.
- В прямом! У вас были мощные боги: Перун, Велес, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Сварог и другие.
  - Масленица, Ярила, Кострома, Коляда, Купала, добавил Денис.
- Это не боги! Это культ умирающего и воскресающего божества, средоточие сил плодородия и плодовитости.
- У нас в соседях была русская деревня, там по весне танцевала Кострома в хороводе. Девушка молодая, в белые простыни закутанная. Потом Кострому хоронили. Не девушку, а чучело соломенное, после чествования и оплакивания его сжигали, а остатки разбрасывали по полям. Энергию плодородия предавали земле.
  - Довольно жестокое представление, у нас такого нет.
- Я слушал с интересом, информация новая. Кострома это город, а не тётка. Похоже, что в якутской мифологии я разбираюсь лучше, чем в славянской.
- Я, однако, о другом хотел сказать, продолжал старик, мы знаем, от каких богов якуты произошли, а ты знаешь, от каких появился?
  - Нет! честно признался я.
- Вы, русские, произошли от Дажьбога бога солнца, что замыкает зиму и открывает весну. Покровитель свадеб он. Предок всех русских людей от князя до земледельца. И что вы с ним сделали?
  - Что? поинтересовался я.
- Вы его уничтожили! И его, и Перуна главного бога и всех остальных. А так же тех, кто им сохранил верность. Море крови пролили. Ради чего? Ради чуждого вам бога, ради бога другого народа, скотоводов, ради религии, изгнанной из страны её породившей. Зачем вы это сделали? Ваши боги отвернулись от вас. Да, Христос придал вам силы, вы повоевали нас, но это не будет вечно. Мы остались верны своим богам, они нам помогут. Якутия будет свободной страной. И процветающей!
- Нельзя сказать, что русские сильно верующие. Церквей в Сибири почти нет, а в революцию наш народ богоносец перебил всех попов и прочих служителей культа. Случится новая заваруха новых перебьёт, утопит и повесит.

Разговор пошёл куда-то не туда. Я, конечно, атеист, до любых богов мне дела нет, но как-то неприятно всё это слышать. Тем более, что с богами здесь что-то не так: якуты все крещённые. В отличие от меня.

Мы расстались и я пошел искать чего бы пожрать.

Пёс на жёрдочке

Любознательный сапёр

Побрёл я к месту стоянки, переживая увиденное и услышанное. Всё же насколько бедна христианская традиция: либо рай, либо ад. Перспективы твои зависят от апостола Петра: понравишься ему — в рай, не понравишься — в ад. А как надо поступать, чтоб понравится? Свечки Богу достаточно? Раскаяние после кучи грехов его удовлетворит? Так сначала надо от души нагрешить, чтобы потом исправиться. Боги на людей похожи, равно как и черти. Правда бес с рогами, хвостом и копытами. Фантазия у славян бедная. У якутов богаче. Мира не два, а три: верхний, средний, нижний. Человек курсирует между ними, иногда, безнаказанно, иногда с проблемами. Везде боги, духи (старые, невидимые, а если видимые то с семиэтажный дом каменно-железного чудовища, в виде лиственницы или огня — пожара таёжного и новые, видимые, калеки одноглазые, без рук или без ног). Вы можете представить себе восьминогого Аббасу? Я нет. А ведь он может встать передо мною на узкой тропе. С девушкой — хвощинкой как-то проще. Мне кажется, что с ней я уже общался.

Вот какие фильмы снимать надо. Это вам не убогость сценаристов Голливуда! В космос летать не надо...

Вышел к лагерю и удивился. Лиственница крупных для здешних краёв размеров, оказалась аккуратно спиленной где-то на высоте 2,5 м. На срезе, на котором с трудом уменьшались четыре лапы, стояла наша собака. Увидев меня Граф жалобно тявкнул:

- Смотри что делается! Снимай!!
- А какого хера ты туда залез?! И, главное, как?

Кругом россыпи камней, шибко не разбежишься, прыгать высоко, срез небольшой, стоять не удобно. Я понимаю, героический петух, взлетел, уселся на жердь, и кукарекает. То ли кур собирает, то ли о приближении врагов предупреждает, то ли просто выпендривается. А ты-то чего? Что бы скулить?

Пёс отчаянно тявкнул. Пришлось собирать вьючные ящики, ставить их на попа и снимать болезного. Пирамида наша рухнула, но приземлились довольно благополучно: сильно никто не пострадал. Я отряхнулся и продолжил путь.

– Граф, пошли поищем, может кто что подаст.

Пёс не отвечал, радостно вертелся вокруг своей оси, вцепившись в хвост. Как маленький.

– Ладно, сиди голодный.

Не сделал я и двадцати шагов, как возник Граф, миновал меня по кустам, раздражённо глянув: путаются тут всякие под ногами, и исчез вдали.

Нас влёк запах.

Обед

Жрать захочешь, приди И в пещеру войди, Хобот мамонта вместе сжуём. Наши зубы остры, Не погаснут костры, Эту ночь проведем мы вдвоём.

Спустились мы с Графом в довольно широкий распадок, промытый быстрым ручьём. Он создавал постоянный звуковой фон, настолько сильный, что при разговоре приходилось форсировать голос. Среди осыпей, скал, кустов и редких деревьев копошились люди. Много людей. Горели костры, вращались вертела с туловищами крупных животных, надо полагать оленьих, дымили походные мангалы. Плотный запах горелого мяса. Слюнки текут – кушать хочется.

Олений день выдался. Хороший для нас и плохой для оленей.

В нижней части распадка шёл забой оленей. Пастух отвязывал один конец аркана, сплетённого из грив и хвостов лошадей, подтаскивал оленя к себе, несколько человек хватались за рога, один из них дважды бил якутским ножом животное в левый бок, прямо в сердце. Через несколько секунд олень медленно оседал, и через минуту испускал дух. Довольно гуманно.

Затем мужики делали нечто странное: под оленя подкладывали несколько веточек ивы, чтобы напоить его водой: в первую очередь рану, а затем губы. Только после этого приступали к разделке. Начинали её со шкуры на ногах, которую отделяли резкими ударами кулака. Топор при работе с мясом не используется, только нож. Поэтому большие кости варят целиком, для чего требуется большой котёл. Далее шкура растягивается для просушки и на неё кладется оленья голова. Самым ценным (деликатесом) являются глаза, мозг, язык и ноздри. Глаза надрезают и потихоньку высасывают. Рога очищают от тонкой шкуры, также идущей в пищу. Она обжаривается в костре и поедается, будучи нарезанной на маленькие кусочки, точно так же как и оленьи губы. Язык едят сырым, предварительно засыпав солью.

Единственно правильным способом приготовления оленины якуты считают варку. Оленина готовится быстро. Котелок наполовину заполняют небольшими кусочками мяса (берут из грудинки), заливают водой, и варят минут 10. Суп из оленины не похож на суп из говядины. Он густой и наваристый (странно, оленина — мясо постное). Запах божественный. Похлёбку сразу же съедают: с огня особенно хорошо идёт. Я так и сделал. Жаль специй нет: перца, лаврового листа или луковицы какой.

Оленина похожа на говядину, но полезней: богата витаминами A, B, C (от цинги помогает), холестерина нет, металлы всякие содержит (калий, медь, селен, магний), не знаю, правда, кому и зачем они нужны. Разве что для стимуляции половых функций. Но мне, вроде, пока не надо.

Суп-супом, а голод-голодом. Якуты угостили меня строганиной из оленины, её они готовили заранее, сильно заморозив. Костей нет, пластинки тонкие (2 мм), ширина 3 см, длина 10 см. Берёшь пластинку ножом срезаешь тонкую стружку, держишь её рукой (вилки почему-то нет), обмакиваешь в соль и ешь. Вкусно и питательно, сырое мясо быстро переваривается. Дали мне попробовать язык, отваренный в рассоле костный мозг, желудок, набитый какими-то ягодами и травами.

Жаль, что мало.

Оставив якутов, пошёл знакомиться с европейской кухней. Мужики суетились вокруг вертела, на который была насажена туша небольшого оленя. Готовить его сложно. Нужны большие количества углей, мощный и равномерный жар, но без открытого огня. Для этого завели запасной костёр, в котором горели толстые брёвна. Время от времени выгребались горячие угли и переносились под вертел. Вертел не торопясь вращали, следя за тем, чтобы мясо пропекалось в глубину и не горело сверху. Понял я, что тут ждать нечего: они часа три проваландаются, а мне не терпится.

Поступил так, как и вы поступили бы на моём месте: направился искать знакомых дам. Неразлучные Настасья Филипповна и Оксана Тарасовна хлопотали вокруг походного мангала. Не забывая переругиваться, они готовили печень. Каждая на своей сковородке. Я их осчастливил своей дегустацией. Печень НФ мне понравилась, тётка — зануда-занудой, а готовить умеет. А у ОТ — сплошная халтура. Даже с голодухи жрать не будешь.

У старой подруги Вари, которую однажды спас от йодной решётки, отведал мозги (оленьи) в молочном соусе. Вот это вещь! Варенька зарывала их в муку и обжаривала с двух сторон, добавляла нарезанные тонкими ломтиками отварные грибы (где взяла?!), затем смазывала сковородку жиром, наливала немного молочного соуса (!), клала обжаренные мозги и грибы, закрывала крышкой и запекала в углях. Ел я прямо со сковородки, вместе с неизвестными мне кислыми ягодами и сметаной. Объеденье! Вот на ком жениться нало...

Однако надо заняться чем-то серьёзным и самостоятельным: стейк, шашлык, барбекю или как это называется. Подошёл к мужикам, сидевшим и стоящим вокруг костра. Люди серьёзные, у них технология. Нарезаешь себе большой кусок мяса (грамм 300), резать, кстати, надо только поперёк волокон, и хорошо отбиваешь его на камне обухом топора, смазываешь маслом, посыпаешь солью, перцем (если выпросишь у коллег), перетёртыми ягодами можжевельника (Варя дала), насаживаешь на вертел и суёшь в костёр. У меня в лагере был шомпол для чистки ружья, его бы и использовать как вертел, но было лень за ним бежать. Поэтому нарезал палку из багульника, нанизал на неё мясо и кусочки сала, и сунул в угли. Палка не замедлила сгореть, так что пришлось добывать новую. Мясо жарилось долго, я его медленно вращал для равномерного обжаривания и изредка извлекал для диагностики. Терпения не было ни у меня, ни у Графа. Поэтому прожаривал верхний слой, срезал его, остужал, ел сам и бросал собаке, которая исходила слюною и повизгивала. Стейк (или это шашлык?) был полусырым и с кровью, но шёл хорошо, как у англичан. Недожаренное мясо возвращал в костёр и процесс продолжался. Кто-то пожертвовал тюбик с томатной пастой. Век благодарен буду.

Через пару часов голод был утолён, жрать стали в три горла. До предельной насышенности.

Сыт по горло - есть хочу.

Отвали мы с Графом от костра, постелили одну телогрейку, накрылись другой и задремли в обнимку.

Сиеста – дело святое!

Камлание

Жизнь непредсказуема, и в ней всякое может произойти, даже самое невероятное, то, что и представить себе не можешь.

Проснулся я потому, что замёрз и отлежал руку. Она была, как ватная. Не хорошо! Вдруг драться придётся...

Граф меня покинул. Оперев передние лапы на остывший мангал он обнюхивал кучку застывшего пепла на нём. Грустил о прошлом, в котором в кое веки веков удалось нажраться от пуза. Неповторимым прошлом.

Где-то рядом несколько мужиков, сидя на корточках с кружками чая в руках, спорили о кибернетике, синергетике и генетике. Я сходу включился в тему, но слова сказать мне не дали. Солировал мало знакомый мне дядька. Его я однажды мельком видел: он жаловался на свою судьбу. Шёл по посёлку, поравнялся с берёзой, схватил булыжник и запустил в неё. В ствол не попал, но зато убил ребёнка, игравшего рядом. Дамы ему сочувствовали: из-за неосторожности человек пострадал. Хотя какого хрена он запустил булыжник в берёзу, я так и не понял. Но по слухам сел он не за это, а за журналистскую деятельность. Был внештатным селькором, писал письма-заметки в районную, а то и в областную газету. Критической направленности. Молодой партиец борется с недостатками. Пока он критиковал соседей, доярок и работу машиннотракторной станции всё было хорошо, его даже поощряли и обещали сделать собкором. Но когда он перешёл на председателя колхоза, парторга и на районное начальство, старые партийцы его немедленно посадили. По политической статье. Сначала сел он не на долго, но в лагере, как человек честный и не терпевший несправедливости, исхитрился послать на волю маляву с критикой лагерных порядков. Лагерь распустили, начальника расстреляли, а ему добавили 6 лет, каковые он честно отсидел. Почему-то он предпочитал считаться уголовником, а не политиком. Причины, наверно, были...

– Любить водку, халяву, революции и быть мудаком – этого еще не достаточно, чтобы называться русским, – заявил он.

Я открыл рот, чтобы поинтересоваться, а что должно быть достаточно. Но тут загудели барабаны, бубны и ёщё что-то громкое. Мы снялись и полезли вверх в театр Олонхо. Двигались мы с бомжом Иннокентием, который временно отказался от проекта струнной железной дороги и теперь развивал идею внедрения в Верхоянском крае солнечной энергетики на кремниевых или германиевых пластинах. Трудности, связанные с полугодовой полярной ночью, когда солнца нет, а мороз, наоборот, есть, и требуется много энергии, чтобы согреться, его не смущали. И он был прав, безумные идеи осуществляются.

Спектакль Олонхо в зале кигиляхов окончился, готовилось нечто новое. Мы пошли занимать места.

Количество зрителей явно увеличилось, мелькали знакомые лица, но появилось много якутов и якуток, которых я до сих пор не встречал, — они перебирались ближе к "сцене" на которой горел ясным пламенем большой костёр. Среди европейских зрителей выделялась Лия, которую я приметил на светском рауте и которую посчитал за роковую женщину, почти вамп. Вся в чёрном с грацией пантеры (пантеру живьём я никогда не видел, но представление имею) она подплыла к углублению в скале, выложенному

медвежьими шкурами, неся себя как нечто изысканное, неповторимое, бесценное. С лёгкостью и непринуждённостью, не размахивая руками и лишь слегка сгибая ноги в коленях, села она на трон, с прямой спиной, ни на что не облокачиваясь. Закурила тонкую сигарету в длинном мундштуке. Никакой агрессивности. Спокойствие, достоинство, холодность. Длинные распущенные волосы, брюки облегали привлекательную попу и длинные, чувственные ноги. Довольно яркая красно-коричневая помада (явно не моего производства) подчеркивала выразительность лица и глубину карих глаз. Говорила она низким, мягко вибрирующим голосом, который сам по себе был обольстительным, околдовывал, завораживал и возбуждал.

Она вела себя как королева: приветствовала знакомых, мужчины ей кланялись издали, или подходили и целовали ей руку, дамы чмокали в щёчку. Я тогда не читал "Мастер и Маргарита" Булгакова, но мне почему-то показалась, что она — царица балла на Лысой горе. У нас Вальпургиева ночь 30-го апреля, а здесь (климат другой) — 30-го июня.

Ад на Земле находится в Верхоянье. От православного он отличается тем, что попадают сюда как грешники, так и праведники. Специального отбора нет, равно как апостола Петра на входе. Ведьмы здесь живут постоянно (не все по своей воле), не надо прилетать на свиньях. Их спускают по Яне из Якутска. Гора не совсем лысая (скалы на ней торчат, как петушиные гребни), но зато изолирована от внешнего мира. Хорошее место для шабаша, но не только ведьм — ещё и чертей. Не уж-то будет бал Сатаны?

Надо отдать должное Лие: она не блистала красотой, но обладала мощной сексуальной харизмой. Взгляд гипнотический, холодно-недоступный и страстный. Строптива, ленива, лукава, порочна, независима, естественна, сексуальна, умна и находчива одновременно. Легкая полуулыбка означает и да, и нет. Женщина-загадка — магнит для мужчин. Но не для меня. Женщины в возрасте мне неинтересны. А роковых я просто боюсь. Держусь от них в сторонке.

Деньги, семья и прочие буржуазные радости, доставляемые мужчиной, ей не нужны. Нужен сам мужчина, что бы он её безумно любил и пребывал в полной капитуляции. Но поиграв, поиграв, она выбросит его, как надоевшую игрушку. Сама она никогда никого не любила, хотя периодически испытывала страсть, мужчин ненавидела и всегда мстила. Не всегда за дело. Она ценила и любила себя, хотя это не демонстрировала, предпочитая оставаться для окружающих загадкой, ни при каких обстоятельствах не показывая, что ей некомфортно, либо она страдает. Мужчин вокруг неё всегда было много, но выглядела она одинокой.

 $\mathcal{A}$ а! Я роковая женщина. Может — очарую, соблазню и брошу, а может хуже — очарую, возбужу и не дам!

Работала она когда-то психологом, подрабатывая оккультными науками. Сейчас – распространитель займов, подписывает служащих на облигации Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР, на облигации 3% внутреннего займа, на лотерейные билеты. Способность очаровывать здесь полезна.

Сама она из бывших (дворян то есть). В студенческие годы в неё был влюблён молодой горячий боец 2-ой Конной армии. Удивлённый привычками подруги, стрельнул из револьвера в неё, потом в себя. Ожог ей бедро (хотя целил в сердце), а с собой покончил удачно. Несколько раз была замужем. Мужья ей не доверяли и дико ревновали. Она же хотела им блага: старалась сделать крупным начальником, на худой конец – профессором. Будь под каблуком, а там хоть Совет Министров возглавляй. Но почему-то больше вредила, чем помогала. В Москве она держала салон, в котором бывали поэты, художники, музыканты, артисты, церковники, военные, чиновники и даже инженеры. Пили, спорили. Она всё записывала и передавала в органы. Сообщала то, что было, ничего не добавляла от себя, ни на кого не клеветала. За это её ценили. Иногда кто-то из посетителей навсегда исчезал, а бывало, что и весь салон куда-то девался, включая её мужа. Правда, однажды она возмутилась нежданной потерей супруга, бросилась по верхам и в конце концов отбила его. Он вышел на свободу, оправданный по всем статьям.

Тут же развёлся: не понравились ему её записки о нём, отрывки из которых зачитывал следователь. На фронте он погиб сразу. Она снова вышла замуж. Мужа вскоре забрали и расстреляли, но и она пострадала — отправили в лагеря как ЧСИР» — член семьи изменника родины. Пять лет лагерей, ссылка и вот она у нас — украшение бала. Впрочем, батагайские женщины, ненавидящие её, утверждали, что она тайно родила сына, убила его и закопала в Измайловском парке. Но это зря... Клевета!

Сейчас вокруг неё хлопотал и, видимо, охранял от излишне активных домогательств, невзрачный мужичёк. Не понятно, что она в нём нашла? Разве что глаза умные и лоб крутой.

Домогательеть, певэра півні мужи тек. 11

По небу х**ня летала Серебристого металла. Очень много в наши дни Неопознанной х**ни.

Однако, я отвлёкся.

Сидеть с вонючими этнографами, изобретателями и философами мне расхотелось. Подкатился к Таптал Кромберг и Феклане Сансар, уселся меж них (среди двух роз сидит Барбос), проигнорировав шипение Стиляги.

Слегка стемнело. Бредущее по горизонту солнце закатилось за очередную гору. Длинные аномально чёрные тени накрыли сцену и потянулись к нам в зал. Горели костры. Красное и чёрное. Они были вспомогательными. Главный костер зажёг шаман позже.

Шаман.

К нашим скалам потянулись облака. Некоторые светились изнутри, меняли окраску. Они явно тяготели к Кигиляхам, прикреплялись к ним. Из одного аэростата выпал малиновый колпак с кисточкой. Тут же возникший гном, спрыгнул на камень, ловко подхватил колпак, надел его и вновь стал невидимым.

На стене замка за сценой появилась многоэтажное изображение прекрасной тунгуски, в национальной одежде, с многочисленными украшениями и с аномально толстой и аномально длинной чёрной косой, стекающей меж грудей. Синильга (снег в переводе) подняла руку, поприветствовала нас, и дала сигнал: "Начинай!"

Появился шаман. Интересно, почему его так называют? Одни говорят это от *са* – знать и *ман* – суффикс привязанности (асиман – любитель женщин, а бекман – любитель ручьев), тогда шаман – любитель знаний (Я тоже любитель знаний, стало быть – шаман, надо будет аспирантам сказать при случае), другие говорят, что шаман означает "возбужденный, исступленный человек", а учёные утверждают, что всё идёт от санскритского *шраман* – странствующий отшельник, духовный подвижник-аскет. Как его не называй, но шаман – избранник духов, видит иную, особую реальность и путешествует в ней. Мне бы так!

На нашем шамане при первом явлении был плащ с фигуркой стилизованного двуглавого орла, но он его сбросил и остался в кафтане с нагрудником, штанах, заправленных в сапоги и с головным убором типа корона. Не надо было кончать два курса МГУ, чтобы понять, что прикид символизирует птицу, но не простую, а чистую, небесную. Ясно, что только надев такой костюм, можно летать и выполнять обязанности посредника между миром людей и миром духов. Вид птицы ему придавала бахрома из длинных и тонких кожаных полос, свисающая с подола, рукавов и короны. Она шла вниз

двумя полосами по краям груди. Бахрома на кафтане –это перья. Ленточки – волосы: древние символы змей – предают большую магическую силу.

Камлание.

Двигался И пританцовывал как летящая птица. Многочисленные касюнги – серебряные и медные украшения – на кафтане в виде птиц, рыб и животных изображали духов помощников шамана и самого шамана, когда он в образе гагары плывёт по мировой реке, или в виде орла сражается со злыми духами. Но не всегда он летает к высшим небесным духам, приходится ему спускаться и в мрачный нижний мир, дорога в который пролегает через море бед и несчастий. Вот тут-то и необходим образ медведя. Понятно, что в нижний мир лучше всего спускаться верхом на мишке. Посреди спины кафтана, среди висящих

представляющих "солнце", был просверленный кружок, представляющий Землю с её центральным отверстием, через которое шаман попадает в Преисподнюю. На спине – полумесяц и цепь, символ силы и выносливости шамана.

Понятно, что металлические бляхи служат для защиты от ударов злых духов. Весят они килограмм десять. При пляске шамана пластины издают адский шум, а так как имеют душу, то не ржавеют. Вдоль руки они уложены в виде прутов, изображающих кости этой руки. По сторонам грудной клетки пришиты узкие пластинки, представляющие рёбра; несколько выше большие округлые бляшки демонстрируют женские груди, печень, сердце и другие внутренние органы. Есть ещё маленькая лодочка — дух бешенства. Она-то зачем?!

При камлании шаман превращается в птицу, из птицы в животное, знакомит

зрителей co вселенной, осмысливает моделирует мир. Три шаманские ипостаси человек, птица, животное, их отражение в костюме, выражают идею мироустройства. Есть соответствие между космическими сферами (верхний, средний и нижний миры), между тремя классами существ, обитающих ярусах мирового древа, ИΧ изображениями на одеянии шамана. Наглядная карта вселенной и пути шамана по

Шаманский костер рисует причудливые образы.

В руках шаман держал бубен и колотушку. Бубен имел овальную форму (продольный диаметр сантиметров 60) с девятью резонансными бугорками (деревянные столбики с натянутыми на них жильными нитями). В обечайке вырезаны резонаторные щели, посредством которых

полости резонаторов сообщаются с полостью бубна. Насколько я знаю, обод бубна

изготавливается из священного дерева, которое специально выбирают духи. От лиственницы осторожно отщепляют необходимые куски, а само дерево продолжает расти. Если оно засохнет, то шаман умрёт. Обечайка обтянута коровьей шкурой. Внутри бубна на четырёх ремнях прикреплена деревянная крестовина. Рисунков нет. Колотил он колотушкой из сердцевины лиственницы, одна сторона которой обшита шкурой оленёнка, а к другой (вогнутой) прикреплено несколько колечек. На ручке — изображение головы медведя. Звук громкий, продолжительный и медленно затухающий.

Бубен одновременно шаманский конь и защита; колотушка — плеть-погонялка и оружие шамана.

Танцуя, шаман направился к костру, обложенному по кругу камнями. Огонь — основная стихия, с которой он работает. Прежде чем что-то начать нужно пообщаться с духом огня, выразить почитание и покормить его. Топливом служат прямые ветки. Из них шаман соорудил шалаш в форме чума. Некоторые продукты (молоко в пиале, зерно, варёную говядину без косточек, сахар, лепёшку, сало чёрношапочного сурка, белый конский волос) положил прямо в костёр, другие разложил по периметру. Добавил несколько веток можжевельника, рододендрона, багульника и поджог. Началось окуривание одежды шамана, бубна, колотушки. Огонь давал стелящийся кустарник, но потом ярко вспыхнул костёр. Шаман брал пучки багульника, поджигал их над костром и дымящими ветками слегка постёгивал свою атрибутику. Нагрел бубен над огнём для придания ему звонкости и очищения.

Очистившись энергией огня от духовной скверны, шаман ударил в бубен. Камлание началось.

Огонь то вспыхивал и возносился к небесам, то затухал. Пламя металось в разные стороны, приобретая различные формы, то пугающие, то карикатурные, то животных, то людей. Дым то шёл вверх, то окуривал нас. Костер нёс информацию не только дымом и огнём. Он разговаривал, издавал звуки, предупреждающие об опасностях, о недовольстве и угрозах хозяйки данной местности.

Шаман сел, три раза громко зевнул и три раза сильно ударил в бубен. Затем, ритмично покачивая головой, с пением обратился к местным духам, присутствующим вокруг нас с просьбой удалиться. Закончив очищение близлежащей территории от незваных гостей, шаман обратился к духу-хозяину огня и сообщил ему, что расстаётся с родной стороной и отправляется к злым существам, и просит охранять его.

Почти все якуты закрыли глаза, некоторые встали, другие опустились на колени. Я же смотрел во все глаза и видел, как сила огня очищает человека от разрушительных психологических и энергетических программ (сглазы, порчи, наговоры, привороты) и наполняет позитивной силой, уверенностью и волей.

Шаман начал обряд с обращения к Высшим Силам Небес — Аар Айыы. Обращаясь к каждому из двенадцати Аар Айыы, он по три раза вверх брызгал кумыс длинной (больше метра), разрисованной обрядовыми узорами, неглубокой, но с тремя углублениями посередине деревянной ложкой. Стоял лицом к восточному Небу, изредка поворачиваясь к северо-востоку и юго-востоку. Обратившись к Аар Айыы, шаман от имени народа попросил их благосклонности, чтобы они ниспослали людям благодать, плодородие земли и скота, божеского света, благословения и много ещё чего. Затем он благословил всех нас и в нашем лице — народ.

После обращения к Духу огня, он перешёл к Духу Матери-Земли, духам растений, к Духу охоты, к духу Вод – тоже попросил их благосклонности. Эти духи не Небесные боги, они – Земные добрые духи, без которых человек жить не может. Задабривание огня и есть обращение к Земным добрым духам. Покончив с этим, он начал призывать духов-помощников. Те долго кочевряжились, возмущённо интересовались, зачем их потревожили, после некоторого препирательства шаман уговорил их придти. Пригласив помощников, он сделал вид, что не может оторваться от подстилки. Один помощник трижды высек над ним огонь огнивом, а другой сломал три лучинки под его коленом.

Шаман встал, держа бубен, подошёл к костру произнёс заклинание бубну, назначив его ездовым животным. Бубен грохотал, шаман трижды поворачивался вокруг себя, каждый раз, оказываясь спиной к огню, он подражал ржанию лошади и лягал ногой назад, опрокидывая вниз разных земляных червей и гадов, образ которых приняли злые духи. Постепенно он начал впадать в транс, не забывая демонстрировать своё могущество. Например, он колотушкой протыкал небо и тут же начинал падать снег, однажды он даже отрезал себе голову и положил рядом с собой. Потом всё же вернул её на место.

Он прыгнул на бубен и нанося оглушительные удары по его бокам закрутился волчком. Хрипя и взвизгивая шаман поскакал по Верхнему, Среднему и Нижнему мирам, встречая злых духов, приносящих беды и добрых духов, посылающих удачу, беседуя с духами земли, рек, озер, выпрашивая у них богатство и радость.

Пение не прерывалось ни на минуту, при вдохе шамана его подхватывали помощники. Оно реализовало связь между людьми и существами потустороннего мира, и эта нить не должна обрываться. Не прекращая петь и стучать в бубен шаман перёшёл к иступлённой пляске. Он подпрыгивал, сильно вращал туловище, тряс плечами. Колокольчики на спине и сталкивающиеся железяки фиксировали ритм. Ритмические движения шамана, сначала довольно случайные, приобрели сексуальную направленность. Он совершал половой акт с невидимой женщиной, в огне и дыму.

Я посмотрел вокруг. Зрители занялись сексом. В таком коллективном мероприятии мне ещё не приходилось участвовать. С непривычки не понял, как им это удалось технически: зрители камлания как были в плащах, телогрейках, кожинках, энцефалитках и брюках, так в них и оставались. И мужчины и женщины. Раздеваться и разбрасывать по сторонам лишнюю одежду никто не стал. Вечная мерзлота и скалы снизу и тучи комаров сверху диктовали Камасутру.

Пойте, пойте, хвалите, валитесь в объятья, Целовайтесь, никто не дрожи! Принцип конформизма: попал в монастырь – молись, как скажут. Легко сказать...

Рыцарский турнир

— А что это за звуки, вон там?

— спросила Алиса, кивнув на весьма укромные заросли какой-то симпатичной растительности на краю сада.

— А это чудеса, — равнодушно пояснил Чеширский Кот.

— И.. И что же они там делают?

— поинтересовалась девочка, неминуемо краснея.

— Как и положено, — Кот зевнул.

— Случаются...

То ли из-за ритмичного бубна и звона колокольчиков с бляшками, то ли от прямого гипноза впавшего в транс шамана, то ли от наглядных примеров, но почувствовал я гигантскую половую силу. Потянуло на подвиги. Схватил под руку Таптал. Вполне своевременно: её уже тянул к себе Стиляга-тунеядец. Не, ребята, мы так не договаривались! Это – дама моего сердца. На данный момент. Выходи на серенаду!

Рыцарский турнир, есть рыцарский турнир. Кто бы спорил!

Классика!

Ристалище наше, конечно, далеко от стандарта. Песком площадка не посыпана, не утрамбована, да и самой площадки нет, не говоря уж о деревянном барьере. Камни кругом, некоторые — острые. Судей и оруженосцев тоже нет, но есть цель — противник. Если проиграет — всё его станет моим. Включая даму.

Схватил я Стилягу за куртку и резко развернул к себе. Он отпрянул, выпустил Таптал, выхватил нож весьма бандитского вида, взмахнул высоко поднятой рукой, явно собираясь вонзить свой нож в моё сердце. Две ошибки. Никогда не демонстрируйте

оружие, не пугайте врага. Не предупреждайте его об опасности. "*Кто опасён, тот спасён*", — говорит Даль. Противники — они разные. Могут убить вас вашим же оружием. Это — во-первых. А во-вторых, не пытайтесь ударять ножом сверху вниз в грудь. Это в кино хорошо смотрится. А на практике от такого удара легко защититься, машинально протяни руки, и всё — удар не пройдёт. Бить надо снизу, пряча лезвие в ладони, от бедра и в живот. От такого выпада трудно защититься.

Не бей по роже, себе дороже.

– Испугал ежа голой жопой, – пришло мне на ум, – на химика руку поднял! Что ж, у него своё оружие, а у меня – своё.

Я быстро схватил за ухо Стилягу. Он отвёл руку с ножом далеко себе за спину, что есть сил запахнулся и нанес мощный удар, но его рука ударилась о мою, нож вылетел и со звоном покатился по камням, сверкнув и исчезнув в какой-то щели.

Тому, кто выступает с открытым забралом, легче заткнуть рот.

Крепко держа одной рукой рыцаря за ухо, второй извлёк из-за пазухи баллончик, вставил трубку в полуоткрытый от усердия рот врага и нажал на пипочку. Сжатый газ пошёл в глотку. Смесь ксенона с кислородом. Ксеноновый наркоз называется. Хорошая вещь. Отключка немедленная, полчаса гарантии, приход в себя быстрый, без всяких последствий (тошноты, рвоты или ещё чего противного). Сердечникам рекомендуется, и всем, кому обычный наркоз (эфир, хлороформ, закись азота) противопоказан. Но дорого, однако. Я диоксид урана долго облучал нейтронами в ядерном реакторе, потом выделял газообразные продукты деления урана, извлекал мембранами из смеси ксенон. Затем дожидался распада его радиоактивных изотопов. Смешал с кислородом (чтобы пациент не задохнулся) в нужной пропорции, сжал смесь и заправил её в газовый баллончик. Чувствовал – пригодится. И вот, применил по делу.

Эффект ожидаем. Стиляга мгновенно потерял сознание. Он бы грохнулся и расшиб голову о камни, но мы его подхватили и разложили по камням с максимальным комфортом.

А мне достался приз. Пора приниматься за баб, ведь бабы – последнее дело.

Приз

Даму можно считать прекрасной, если у неё есть платочек, и балкон для махания с него. В случае отсутствия платков и балконов, любую Даму можно считать Прекрасной.

Я привлёк Таптал к себе, она дернулась прочь,

В свободной стране девушка может и передумать.

Но, видимо, вспомнила, что по рыцарскому уставу, дама принадлежит победителю в схватке, если та велась не на жизнь, а на смерть. А она велась. Под покровом темноты владелица замка сама спускалась к триумфатору и проводила с ним ночь. Барон не возражал (что делать, если драться не умеешь?), потом воспитывал ребёнка, как своего. Так улучшались гены аристократов. Таптал знала и другое правило: нужно подарить рыцарю часть своей одежды. Лучше всего – рукав платья. Платья не было, а от дублёнки рукав просто так не оторвёшь. Сила нужна не малая. Она сдёрнула с себя шейный платок, набросила мне на лицо и поцеловала сквозь него. Затем повернулась ко мне спиной и встала на четвереньки. Сильно меня озадачив.

Что делать – не понятно. С таким поведением дамы я ещё не встречался.

У меня, конечно, был сексуальный опыт: две подруги с двумя событиями с каждой. Но они были девственницами, сами ни в чём не разбирались, и, повинуясь инстинкту, откидывались на спину и раздвигали ноги: классическая европейская позиция, женщина

снизу. На это нашего интеллекта хватало. Даже опытная Варенька занималась со мной сексом именно так. Может это вообще признак белой женщины?!

Однако, надо было что-то делать: подруга ждала.

В принципе, я всю жизнь провёл в сельской местности в окружении собак и знал, что кобель всегда сзади. Это понятно: только при такой позиции дама не может укусить кавалера. Но чтобы мужчина и женщина? Я и представить не мог, что женщина способна к сексу, находясь к нему спиной. Мне казалось это физиологически невозможно.

Кинул взгляд на окрестности. Делай, как все! Все женщины стояли, как собачки, кто на коленях и локтях, а кто на ногах и вытянутых руках. Все мужчины были сзади, демонстрируя, что так заниматься сексом можно и нужно. Потому, сообразил я, что ни женщину, ни мужчину нельзя класть на землю: скалы-камни комфорта не дают, а вечная мерзлота ведёт к радикулиту, воспалению седалищного нерва, болезням почек, циститу или ещё к чему-то не менее противному. Дошло!

Однако до дамы надо как-то добраться. Дублёнку её скинули совместными усилиями. Но дальше дело не пошло. Она была полностью одета. Рабочий комбинезон неизвестной конструкции. Широкие штаны, заправленные в высокие сапоги, плавно и непрерывно переходили в рубашку-жилет (не знаю, как точно называется). Много карманов, чем-то заполненных, вдоль бедра — длинный нож, костяную ручку которого удерживал кожаный ремешок. Всё это великолепие было перепоясано широким ремнем, через плечи шла портупея, хотя пистолета не было. Укороченную кожаную куртку лётчика-истребителя и пояс я удалил без труда, расстегнул манжеты. И всё! Ни пуговиц, ни молний, ни каких-либо иных застёжек не оказалось. Каким образом она оделась, и как будет раздеваться не понятно. Ящерица натянула кожу. А снимать как? В порыве страсти я попытался разорвать одёжку. Не тут-то было! Ткань оказалась прочной — чёртова кожа какая-то. Её не то, что я или рыцарь средневековый, медведь когтями не разорвёт.

Дело зашло в тупик.

Я стал переминаться с ноги на ногу и попискивать.

Комары обсели член, торчащий наружу сквозь расстёгнутую ширинку.

Таптал спасла ситуацию. Она просунула руку себе в промежность и отстегнула клапан. Появилось немного белого тела и две дырочки. Нижнего белья не оказалось. Дама твёрдо охватила рукой моего младшего брата, направила в нужную пещеру и вращая корпусом насадила себя на него. Я попытался дотянуться до грудей, чтобы помассировать их. Ничего не вышло. Она стояла на вытянутых ногах на довольно шатком камне, наклонившись вперёд и упираясь вытянутыми руками в выступ скалы. Я ухватился за её бёдра и предпринимал усилия, чтобы не завалить всю конструкцию. Она не стала дожидаться моей инициативы – всё делала сама. Расслабилась, пенис легко проник в норку, она резко сжала влагалище и я засомневался, смогу ли извлечь своё достоинство обратно. Возвратно-поступательные движения, вращения попы в одну и другую стороны, непрерывные сжимания и разжимания половинок. Бывает танец живота, здесь был танец попы. Естественно, всё быстро кончилось. Вырвалась сперма, я попытался выйти из дамы (только беременности не хватало!), выполняя обычную просьбу подруги, но она плотно удержала член и вобрала в себя всё. Тут случилось ещё нечто странное, она задрожала, часто задышала, шея у неё покраснела, от неё пахнуло жаром, по ногам прошли судороги. Мышцы влагалища стали ритмично сокращаться, волна сжатий пошла один раз, другой. Она громко закричала, то ли от боли, то ли от восторга. Это был женский оргазм (о возможности которого я не подозревал). Гордость, что не только сам получил разрядку, но и доставил удовольствие женщине, переполнила меня.

Таптал развернулась, поцеловала меня в губы, и бросилась помогать Стиляге, который пришёл себя и пытался сесть. Вокруг него хлопотала Феклана.

Я завернулся в дублёнку подруги, откатился в сторону, проложил между камнем и головой ватник и заснул.

День хлопотный выдался.

Оглавление

По зимнику летом	
Kance	3#
Командировка	
Троцкист	6#
Переправа	7#
Феликс Дзержинский	9#
Первый привал	10#
На природе	16#
Студент – ковбой	21#
Забота	22#
Капканы	27#
Гора Кинилях	29#
<i>Tyocmax</i>	30#
Добыча образцов	33#
Цирк	35#
Тайга пустой?	37#
Радист	37#
Первая охота	39#
Дежурный по лагерю	40#
Гурманы	
Бремя белого человека	
Общее дело	
Поиск базальтов	48#
Горная страна Черского	51#
Туостахская впадина	
Портянки	
Муравейник	
Tecm	
Гуси	
Кигиляхи	63#
Левый Кисилях	66#
Легенды	
Национальный вопрос	
Меж хребтами	
Конфликт поколений	
Светопреставление	
Религия Айыы	
Девушка-хвощинка и дочь восьминогого абаасы	
Олонхо	
Пёс на жёрдочке	
Ο δ ε δ	
Камлание	
Рыцарский турнир	
Ппиз	00.0